

ВИКТОР ЗЕМСКОВ

СТАЛИН И НАРОД

**ПОЧЕМУ НЕ БЫЛО
ВОССТАНИЯ**

УЗЛЫ
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ

ВИКТОР ЗЕМСКОВ

СТАЛИН И НАРОД

**ПОЧЕМУ НЕ БЫЛО
ВОССТАНИЯ**

Москва
алгоритм
2014

УДК 355/359
ББК 63.3
3-55

Земсков В. Н.

3-55 Сталин и народ. Почему не было восстания / Виктор Земсков. — М. : Алгоритм, 2014. — 240 с. — (Узлы российской истории).

ISBN 978-5-4438-0677-8

Одна из главных тем в советской истории – отношение народа к И.В. Сталину. Почему народ поддерживал его, несмотря на жесткую политику в отношении крестьянства, репрессии и тяжелые потери в Великой Отечественной войне? Историки либерального толка объясняют это «рабской психологией» русского народа, его привычкой обожествлять верховного правителя. Автор данной книги имеет другое мнение на этот счет.

Виктор Николаевич Земсков, российский историк, доктор исторических наук, еще в конце 1980-х гг. получил доступ к статистической отчетности ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ. Собранные им данные не имеют аналогов в истории, поэтому на протяжении последних двадцати лет В.Н. Земсков является главным специалистом по этому вопросу.

В книге, представленной вашему вниманию, Земсков приводит и анализирует данные из закрытых архивов госбезопасности СССР с начала 1930-х до конца 1940-х годов, касающиеся «Великого перелома» (коллективизации), репрессий 1937 года, состояния общества накануне и в годы войны — и многое другое. В результате создается полная и объективная картина жизни народа при Сталине, становятся понятными причины, по которым народ доверял ему.

УДК 355/359
ББК 63.3

ISBN 978-5-4438-0677-8

© Земсков В. Н., 2014
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

Глава 1

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ»

Правда ли, что в ссылку отправились 15 миллионов крестьян?

Минуло уже более восьми десятилетий с тех пор, как в 1930 году началась сплошная коллективизация крестьянских хозяйств, и как бы к этому сейчас ни относиться, она коренным образом изменила пути развития и уклад жизни деревни, стала важной судьбоносной вехой в истории нашей страны.

Не следует изображать дело так, что проведение радикальных социально-экономических преобразований в деревне вопреки воле и желанию большинства крестьян будто бы является большевистским изобретением. *Такой подход к крестьянству находится в русле многовековых российских традиций.* В эпоху крепостного права и после его отмены поземельные отношения регулировались посредством административного ресурса, а любые протестные проявления подавлялись по преимуществу мерами карательного характера. Такие острейшие протестные проявления, как разинщина или пугачевщина, в природе происхождения которых далеко не последнее место занимало недовольство существующими поземельными отношениями, подавлялись с особой жестокостью.

В современной литературе высказывается ряд оригинальных идей, некоторые из которых, мягко говоря, озадачивают. Чего стоят, например, определения, что система колхозов и совхозов есть якобы АгроГУЛАГ. Полагаем, не нужно объяснять, что такое ГУЛАГ и что такое организация сельскохозяйственного производства в форме колхозов и совхозов. Это же совершенно разные вещи. По нашему убеждению, по-

добные псевдоноваторские идеи следует решительно отметить как несостоятельные.

Довольно странно звучат также призывы вернуться к системе мелких единоличных хозяйств, существовавших до коллективизации. По всем канонам экономической науки колхоз при всех его недостатках по сравнению с мелким единоличным хозяйством — это значительно более передовая, более прогрессивная форма сельскохозяйственного производства.

Приведем такое образное сравнение. Допустим, археологи выявили какую-то археологическую культуру, носители которой достигли уровня бронзового века и вдруг на каком-то этапе утратили технику обработки металлов и откатились назад, в каменный век. Это регресс. Примерно то же самое означают и призывы вернуться к системе единоличных хозяйств периода 1920-х годов — пятиться назад, а надо, наверное, все-таки двигаться вперед. Правда, впереди много туманного и неясного относительно перспектив развития сельского хозяйства.

Имеющие место в литературе и публицистике исключительно негативные оценки колхозам и совхозам зачастую даются безотносительно к общеисторическому контексту, без учета реалий соответствующей исторической эпохи. Как-то забывается, что в ту историческую эпоху, когда функционировала колхозно-совхозная система, наша страна сделала мощнейший индустриальный рывок, одержала победу в Великой Отечественной войне, превратилась в ядерную державу, вышла в космос.

Конечно, советская литература в силу известных причин была нашпигована всякого рода идеологическими штампами, шаблонами и стереотипами. Однако и в постсоветской литературе наблюдается нечто подобное, но, как правило, с противоположным знаком. Например, если советская литература была стереотипно антикулацкой, то постсоветская — не менее стереотипно прокулацкой.

Распространено мнение, что колхозно-совхозная система, положительно проявившая себя на определенных исторических этапах, тем не менее в долговременной историче-

ской перспективе оказалась тупиковой, не способной решить продовольственную проблему в стране, что и обусловило ее кризис на рубеже 80—90-х годов XX века. Возможно, это и так, но нельзя забывать, что будь фермерские хозяйства на месте колхозов, то их в таких условиях неизбежно ожидало бы массовое банкротство, но колхозно-совхозная система в силу своей организации ухитрялась выживать. Во всяком случае, от этого немаловажного фактора нельзя абстрагироваться при оценке системы колхозов и совхозов и ее места и значения в отечественной аграрной истории.

Как известно, коллективизация сельского хозяйства в 1929—1933 годах сопровождалась раскулачиванием. В конце 1929 — начале 1930 года в некоторых краях и областях по решениям местных органов власти началось выселение кулаков за пределы области (края) с конфискацией имущества. В дальнейшем раскулачивание приняло более широкие масштабы. Кулаки были разделены на три категории: первая — контрреволюционный актив: кулаки, активно противодействующие организации колхозов, бегущие с постоянного места жительства и переходящие на нелегальное положение; вторая — наиболее богатые кулаки, местные кулацкие авторитеты, являющиеся оплотом кулацкого антисоветского актива; третья — остальные кулаки. На практике выселению с конфискацией имущества подвергались не только кулаки, но и так называемые подкулачники, т. е. середняки, бедняки и даже батраки, уличенные в прокулацких и антиколхозных действиях.

Главы кулацких семей первой категории арестовывались, и дела об их действиях передавались на рассмотрение спецтроек в составе представителей ПП (полномочное представительство) ОГПУ, обкомов (крайкомов) ВКП(б) и прокуратуры. Кулаки, отнесенные к третьей категории, как правило, переселялись внутри области или края, т. е. не направлялись на спецпоселение.

Раскулаченные крестьяне второй категории и семьи кулаков первой категории выселялись в отдаленные районы страны на спецпоселение, или трудпоселение (иначе это называлось «кулацкой ссылкой», или «трудовой ссылкой»). В справ-

ке Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ под названием «Сведения о высланном кулачестве в 1930—1931 годах» указывалось, что в это время было отправлено на спецпоселение 381 173 семьи общей численностью 1 803 392 человека. В этом же документе представлена статистика выселенных семей по регионам¹.

До 1934 года крестьяне, отправленные в «кулацкую ссылку», назывались спецпереселенцами, в 1934—1944 годах — трудпоселенцами, с марта 1944 года — снова спецпереселенцами (с 1949 года — спецпоселенцами) контингента «бывшие кулаки». Во второй половине 30-х годов наряду с названием «трудпоселенцы» продолжал употребляться и термин «спецпереселенцы» (как на бытовом уровне, так и в официальных документах).

Идея спецпоселенчества была впервые сформулирована в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) о выселении раскулачиваемых от 30 января 1930 года. В той части постановления, где речь шла о высылке кулаков в Северный край, Сибирь, Урал и Казахстан, имелось добавление: «Высылаемые кулаки подлежат расселению в этих районах небольшими поселками, которые управляются назначаемыми комендантами». И здесь же отмечалось: «Районами высылки должны быть необжитые и малообжитые местности с использованием высылаемых на сельскохозяйственных работах или промыслах (лес, рыба и пр.)»².

Термин «спецпереселенцы», трансформировавшийся в конце 1940-х годов в «спецпоселенцы», обязан своим появлением «творчеству» комиссий В. В. Шмидта и В. Н. Толмачева. В апреле 1930 года была создана Всесоюзная комиссия «по устройству выселяемых кулаков» во главе с зам. председателя СНК СССР В. В. Шмидтом, а на российском республиканском уровне аналогичную по функциям комиссию возглавлял зам. наркома внутренних дел РСФСР В. Н. Толмачев. В первых протоколах этих комиссий сначала употреблялся термин «выселяемые кулаки», потом — «переселяемые кулаки», затем — «кулаки—переселенцы», и, наконец, в протоколе № 5 заседания комиссии Толмачева от 9 июня 1930 года впервые поя-

вилось обозначение «спецпереселенцы»³. По-видимому, оно «наверху» всем понравилось, поскольку сразу же прочно вошло в тогдашний специфический лексикон.

Казалось бы, ситуация со статистикой направленного в 1930—1931 годах на спецпоселение кулачества предельно ясная. Однако в 2003 году в журнале «Вопросы истории» вышла статья В. П. Данилова, в которой утверждается, что «общая численность спецпереселенцев на 30 сентября 1931 года составила 517 665 семей, насчитывающих 2 437 062 человека»⁴. Откуда же взялись эти цифры, не фигурирующие ни в одном из известных науке документов? Оказывается, их вывел сам Данилов, исходя из ошибочного представления, что переселенные внутри областей (136 639 семей, 633 670 человек) якобы не входят в общую статистику высланного кулачества. Поэтому он произвел такие арифметические действия: в семьях — $381\,026 + 136\,639 = 517\,665$; в людях — $1\,803\,392 + 633\,670 = 2\,437\,062$. Эти расчеты, конечно же, являются грубой ошибкой и серьезным искажением реальной картины. Переселенные внутри областей входят в общую статистику высланного кулачества, и, следовательно, расчет следует вести такой: всего выслано в 1930—1931 годах 381 026 семей (1 803 392 человека), из них 136 639 семей (633 670 человек) расселено внутри областей. Данные таблицы 1 не оставляют ни малейших сомнений на этот счет.

Для тех же, кто по-прежнему усматривает в «статистике Данилова» некое «серьезное научное открытие», еще более детально демонстрируем, как реально выглядят эти «расчеты»: в семьях — $244\,387 + 136\,639 + 136\,639 = 517\,665$; в людях — $1\,169\,722 + 633\,670 + 633\,670 = 2\,437\,062$. Тут уже совершенно ясно, что мы имеем дело не с «научным открытием», а с нелепой арифметической ошибкой. В обоих случаях одно из слагаемых приплюсовано дважды (видимо, по рассеянности). Конечно, В. П. Данилов не преследовал цель умышленно сфальсифицировать статистику — это досадное недоразумение, в целом совершенно не характерное для его научной деятельности.

**Таблица 1. Межобластное и внутриобластное распределение
направленного в «кулацкую ссылку» крестьянства
в 1930—1931 годах*.**

Откуда выселены	В том числе:					
	Всего		направлено в др. области		Размещено внутри областей	
	семей	чел.	семей	чел.	семей	чел.
1	2	3	4	5	6	7
Украинская ССР	63 720	277 465	63 720	277 465	—	—
Северный Кавказ	38 404	171 933	25 995	123 235	12 409	48 698
Нижняя Волга	30 933	152 099	30 933	152 099	—	—
Средняя Волга	23 006	119 913	20 506	107 413	2 500	12 500
Центрально- Черноземная область (ЦЧО)	26 006	130 493	26 006	130 493	—	—
Белорусская ССР	15 724	73 415	15 724	73 415	—	—
Крым	4 325	19 200	4 325	19 200	—	—
Татарская АССР	9 424	50 409	9 424	50 409	—	—
Урал	28 394	136 602	1 540	8 555	26 854	128 047
Нижегородский край	9 169	42 765	7 672	36 449	1 497	6 316
Западная обл.	7 308	36 654	7 308	36 654	—	—
Башкирия	12 820	66 477	6 820	36 477	6 000	30 000
Северный край	3 061	15 305	—	—	3 061	15 305
Ивановская промышл. обл.	3 655	18 020	3 655	18 020	—	—
Московская обл.	10 813	52 868	10 813	52 868	—	—
Ленинградский военный округ (ЛВО)	8 604	37 286	3 260	14 375	5 344	22 911
Дальневосточный край	2 922	14 567	—	—	2 922	14 567
Западная Сибирь	52 091	237 729	—	—	52 091	237 729
Восточная Сибирь	16 068	77 064	—	—	16 068	77 064
Средняя Азия	6 944	33 278	5 816	27 638	1 128	5 640
Казахстан	6 765	34 898	—	—	6 765	34 898
Закавказье	870	4 957	870	4 957	—	—
ИТОГО	381 026	1 803 392	244 387	1 169 722	136 639	633 670

* ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 205; Советская деревня глазами ОГПУ — НКВД: Документы и материалы. Т. 3. Кн. 1. М., 2003. С. 771—772.

В перспективе в ходе дальнейшего исследования реально возможны незначительные уточнения содержащихся в настоящей статье отдельных статистических показателей, но не влияющих на их масштаб. Поэтому встречающуюся в литературе и публицистике статистику принципиально иного масштаба можно смело квалифицировать как недостоверную.

Отсюда мы вынуждены опровергнуть и один из основных статистических постулатов А. И. Солженицына, согласно которому при раскулачивании в 1929—1930 годах было направлено «в тундру и тайгу миллионов пятнадцать мужиков (а как-то и не поболее)⁵. Эта «статистика» (разумеется, чисто интуитивная, без опоры на какие-либо документы) присутствует в его знаменитом труде «Архипелаг ГУЛАГ». Здесь допущено преувеличение более чем в семь раз.

В 1932—1933 годах на спецпоселение поступило еще свыше 300 тыс. человек, подавляющее большинство которых составляли раскулаченные крестьяне. Таким образом, всего за 1929—1933 годы в «кулацкую ссылку» было направлено более 2,1 млн человек. Однако наличие этих людей на спецпоселении (трудпоселении) на определенные даты всегда было значительно ниже указанного числа из-за большой убыли (массовые побеги, высокая смертность, освобождение «неправильно высланных» и др.). По состоянию на 1 января каждого года численность спецпереселенцев (трудпоселенцев) в 1932—1940 годах выглядела так: 1932 год — 1 317 022, 1933 год — 1 142 084, 1934 год — 1 072 546, 1935 год — 973 693, 1936 год — 1 060 361, 1937 год — 1 053 137, 1938 год — 1 010 749, 1939 год — 987 918, 1940 год — 997 513 человек⁶.

К началу 1932 года на учете в «кулацкой ссылке» числилось свыше 1,3 млн спецпереселенцев, а было их направлено туда в 1930—1931 годах немногим более 1,8 млн. Следовательно, за 1930—1931 годы убыль составила около 0,5 млн человек. В документах нет указаний на то, из каких компонентов слагалась эта убыль. Конечно, не вызывает сомнений, что главными компонентами являлись побеги и смертность. Причем, как правило, на первом месте по численно-

сти находились бежавшие, на втором — умершие. Например, в 1930—1931 годах в систему уральских трестов «Западо-лес» и «Свердлес» было передано 130 613 спецпереселенцев, из них к середине 1934 года 60 214 бежало и 31 240 умерло⁷. Это же подтверждают и имеющиеся у нас сведения по отдельным районам. В Коми-Пермяцком округе из 26 964 спецпереселенцев к середине 1934 года бежало 8904 и умерло 7249, в Чердынском районе Свердловской области из 20 323 — соответственно 7993 и 4182 и т. д. Такая ситуация, при которой число умерших было больше количества бежавших, тоже не была редкостью. Так, в Ныробском районе Свердловской области за тот же срок из 12 184 спецпереселенцев бежало 2474 и умерло 3853, в Красновишерском районе из 17 312 — соответственно 3282 и 6300 человек⁸.

Из указанной убыли за 1930—1931 годы (0,5 млн человек) число умерших составляло, по нашим оценкам, не более 200 тыс. (включая умерших при транспортировке в «кулацкую ссылку» из родных сел и деревень). Относительно умерших в «кулацкой ссылке» в 1932—1940 годах имеется точная статистика — 389 521 человек. Количество родившихся в спецпереселенческих семьях в 1930—1931 годы не представляется возможным установить даже приблизительно, а за 1932—1940 годы этот показатель составил 230 258 человек. Причем отрицательное сальдо между рождаемостью и смертностью сохранялось в «кулацкой ссылке» до 1934 года включительно (см. табл. 2).

В момент прибытия на спецпоселение сотрудники органов ОГПУ — НКВД нередко производили сортировку выселенных кулаков. Одни из них освобождались, другие направлялись в лагеря ГУЛАГа, но большинство оставалось на спецпоселении. В рапорте от 20 мая 1933 года начальник ГУЛАГа М. Д. Берман докладывал заместителям председателя ОГПУ Я. С. Агранову и Г. Е. Прокофьеву: «По сообщению СИБЛАГа ОГПУ, из числа прибывших в Томск контингентов с Северного Кавказа, по состоянию на 20 мая с.г., произведена согласно Ваших указаний проверка 9868 человек. Из этого количе-

ства решением Тройки ПП ОГПУ ЗСК вовсе освобождено — 85 человек, освобождено с ограничениями — 2422, осуждено в лагеря — 64, а остальные 7297 человек направляются в трудпоселки»⁹.

Много людей умирало в пути следования в «кулацкую ссылку». В одном из рапортов М. Д. Бермана на имя Г. Г. Ягоды отмечалось (май 1933 года): «Несмотря на Ваши неоднократные указания ПП ОГПУ СКК о порядке комплектования и организации эшелонов, направляемых в лагеря и трудпоселки ОГПУ, состояние вновь прибывающих эшелонов совершенно неблагополучное. Во всех прибывающих из Северного Кавказа эшелонах отмечена исключительно высокая смертность и заболеваемость, преимущественно сыпным тифом и острожелудочными заболеваниями.

По сообщению Нач. Сиблага ОГПУ, из состава прибывших из Сев. Кавказа в Новосибирск эшелонов трудпоселенцев № 24, 25, 26, 27, 28 и 29 общей численностью в 10 185 человек умер в пути 341 человек, т. е. 3,3%, в том числе значительное количество от истощения. Такая высокая смертность объясняется:

1) преступно-халатным отношением к отбору контингентов, выселяемых в трудпоселки, результатом чего явилось включение в этапы больных, стариков, явно не могущих по состоянию здоровья выдержать длительную перевозку;

2) невыполнением указаний директивных органов о выделении выселяемым в трудпоселки 2-месячного запаса продовольствия; в указанных эшелонах трудпоселенцы никаких собственных запасов продовольствия не имели и во время пути снабжались только хлебом скверного качества в количестве от 200 до 400 грамм;

3) горячей пищей эшелоны снабжены не были, кипятком снабжались совершенно неудовлетворительно, с большими перебоями, потребление сырой воды вызвало массовые заболевания...»¹⁰.

Существовал предельно прагматический взгляд на выселяемых кулаков как на будущую рабсилу в районах ново-

го хозяйственного освоения. Отсюда полная непреклонность при рассмотрении просьб трудоспособных кулаков не выселять их в отдаленные края и очевидная либеральность, если эти просьбы исходили от нетрудоспособных лиц. Так, в «меморандуме» Г. Г. Ягоды, адресованном 20 мая 1931 года председателю ГПУ Белорусской ССР С. Ф. Реденсу, указывалось: «Детей выселяемых кулаков до 10-летнего возраста и стариков старше 65 лет разрешается оставлять родственникам и знакомым, изъявившим желание их содержать... Семьи кулаков, не имеющие трудоспособных мужчин, выселению не подлежат»¹¹.

Однако на практике такие указания сплошь и рядом не выполнялись. В рапорте зам. начальника ГУЛАГа И. И. Плинера от 26 июля 1933 года на имя Г. Г. Ягоды отмечалось: «Вопреки Вашим категорическим указаниям о ненаправлении в трудпоселки семей, не имеющих в своем составе трудоспособных, по сообщению начальника СИБЛАГа, в эшелонах с высланными кулаками, прибывших в Томск с Северного Кавказа, имеется 930 человек совершенно нетрудоспособных...»¹².

В рапорте М. Д. Бермана от 8 июня 1933 года на имя Г. Г. Ягоды отмечались следующие неблагоприятные, по его мнению, моменты в комплектовании и организации эшелонов с высланными кулаками: высокая смертность и заболеваемость сыпным тифом, острожелудочными заболеваниями и даже натуральной оспой; очень много истощенных, стариков, не могущих быть совершенно использованными; поголовная вшивость; полнейшее пренебрежение к учету (отсутствие личных дел, постановлений о выселении, искажения фамилий, неполнота учетных данных и т. п.); даже засылка людей, не подпадающих под действие постановления СНК СССР за № 775/146с от 20 апреля 1933 года; после прибытия эшелонов к месту назначения иногда выясняется, отмечал Берман, что среди высланных имеются рабочие, комсомольцы, иностранцы¹³.

У вновь прибывавших в «кулацкую ссылку» показатели рождаемости и смертности всегда были значительно худшими, чем у относительных «старожилов». Например, 1 января

1934 года в составе 1 072 546 спецпереселенцев было 955 893 «старожила» (поступившие в «кулацкую ссылку» в 1929—1932 годах) и 116 653 «новосела» (поступившие в 1933 году). Всего за 1933 год в «кулацкой ссылке» родилось 17 082 и умер 151 601 человек, в том числе у «старожилов» — соответственно 16 539 и 129 800, у «новоселов» — 543 и 21 801 человек¹⁴. Если у «старожилов» в течение 1933 года умерло больше, чем родилось, в 7,8 раз, то у «новоселов» — в 40 раз!

Особенно велика была детская смертность. В докладной записке Г. Г. Ягоды от 26 октября 1931 года на имя председателя ЦКК ВКП(б) и наркома РКИ Я. Э. Рудзутака отмечалось: «Заболеваемость и смертность с/переселенцев велика... Месячная смертность равна 1,3% к населению за месяц в Северном Казахстане и 0,8% в Нарымском крае. В числе умерших особенно много детей младших групп. Так, в возрасте до 3 лет умирает в месяц 8—12% этой группы, а в Магнитогорске еще более, до 15% в месяц. Следует отметить, что в основном большая смертность зависит не от эпидемических заболеваний, а от жилищного и бытового неустройства, причем детская смертность повышается в связи с отсутствием необходимого питания»¹⁵.

Высокий уровень детской смертности входил в число главных причин отрицательного сальдо между рождаемостью и смертностью у спецпереселенцев. Например, в 1932 году в Хибиногорске (Кировске) Мурманского округа у спецпереселенцев родилось 420 и умерло 864 человека, причем среди умерших было 589 детей. Таким образом, в данном случае 68,2% общей смертности спецпереселенцев приходилось на детскую смертность. К середине 1935 года детская смертность резко снизилась. Так, в том же Кировске в 1935 году она понизилась у спецпереселенцев по сравнению с 1934 годом на 40%¹⁶.

Детская беспризорность в «кулацкой ссылке» вплоть до середины 30-х годов была обычным явлением. Только в трудпоселках «Заподолеса» (Западный Урал) в конце 1934 года было установлено 2850 детей-беспризорников, родители которых умерли или бежали¹⁷.

**Таблица 2. Показатели рождаемости, смертности
и бегства спецпереселенцев (трудпоселенцев)
в 1932—1940 годах***

Годы	Родилось	Умерло	Бежало	Возвращено из бегов
1932	18 053	89 754	207 010	37 978
1933	17 082	151 601	215 856	54 211
1934	14 033	40 012	87 617	45 443
1935	26 122	22 173	43 070	33 238
1936	27 617	19 891	26 193	23 075
1937	29 036	17 037	27 809	17 384
1938	31 867	15 961	9 712	10 939
1939	33 716	16 691	7 345	8 290
1940	32 732	16 401	4 430	4 562
Всего за 1932—1940 годы	230 258	389 521	629 042	235 120

* ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 216.

Направление больших масс людей на спецпоселение — следствие государственной политики спецколониализации, т. е. освоения необжитых и малообжитых районов страны посредством насильственных переселений. В постановлении СНК РСФСР от 18 августа 1930 года «О мероприятиях по проведению спецколониализации в Северном и Сибирском краях и Уральской области» указывалось:

«1. Возложить на Наркомзем РСФСР проведение земельного и хозяйственного устройства спецпереселенцев и их семей, занимающихся сельским хозяйством, в Северном и Сибирском краях и Уральской области.

2. Поручить ВСНХ РСФСР, НКторгу и другим хозяйственным органам, по соглашению с НКземом и Наркомвнуделом РСФСР, проведение устройства спецпереселенцев, используемых по линии промышленности и промыслов.

3. Признать необходимым при проведении спецколониализации:

а) максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесоразработках, на рыбных и иных промыслах в отдаленных, остро нуждающихся в рабочей силе районах, и

б) в сельском хозяйстве устраивать лишь тех спецпереселенцев, рабочая сила которых не может быть использована на лесоразработках и промыслах.

4. Поручить НКЗему РСФСР совместно с ВСНХ РСФСР, НКторгом и с соответствующими краевыми (областными) исполкомами и по соглашению с НКВД РСФСР разработать в соответствии с указаниями п. 3 настоящего постановления конкретные хозяйственные мероприятия по использованию спецпереселенцев»¹⁸.

При определении районов расселения специально выбирались места, откуда в силу природных условий побег был бы весьма затруднительным. Так, в одном из документов ПП ОГПУ Сибкрая от 25 апреля 1930 года отмечалось: «Изысканы и детально проработаны под расселение необжитые, отдаленные северные районы... при этом в принципе отвода районов расселения для каждого округа наряду с экономическими соображениями (пригодность их к с/х и промышленному использованию) также учтены были и моменты политического характера, в частности в отводе районов учитывались природные условия, гарантирующие невозможность бегства выселенных обратно (болота, реки, отсутствие дорог)»¹⁹.

В письмах спецпереселенцев чаще всего содержались сетования на свою несчастную судьбу, на проявленную к ним несправедливость. За последние 20 лет опубликовано много таких писем в различных изданиях. В частности, интересная подборка спецпереселенческих писем на имя М. И. Калинина с мольбой о помощи представлена в сборнике «Неизвестная Россия. XX век»²⁰.

Однако уже в 1930 году от некоторых спецпереселенцев к их родственникам и знакомым, не подвергавшимся выселению, стали поступать письма, в которых выражалась удовлетворенность своей жизнью и судьбой. Правда, их удельный вес в общем потоке спецпереселенческой корреспонденции был крайне незначителен. Так, по состоянию на 10 октяб-

ря 1930 года, Информационным отделом (ИНФО) ОГПУ было обработано 119 376 писем спецпереселенцев, из них только 622, или 0,52%, оказались с «положительным содержанием». Ниже мы приводим несколько выдержек из писем такого характера:

«...Слава богу, нужды никакой не видим. Живем очень хорошо, продуктов вдоволь, мяса и рыбы хватает, зарабатываем подходяще от 5 до 10 р. Вы пишете, что у вас скот контракту-ют, но это необходимо: нужно рабочих кормить и скорее по-строить социализм, вы нас будете кормить, мы за это вам да-дим апатит для удобрения земли...»;

«...В тундре мне больше нравится, чем дома. Шапку нико-му не приходится снимать и кланяться, и не боимся обложе-ния, отработали 8 час. и все, советую всем ехать к нам, много можно заработать...»;

«...Мы живем хорошо, да и вообще кто сюда сослан, все хорошо живут.

Все работают кто что. К нам много высланных скобарей приехало в лаптях, а сейчас ходят в желтых туфлях, да в ма-кинтошах, начинают жить уже по-городскому...»;

«...Вырабатываю в месяц 120 р., так что жить можно. Уз-найте, если и вас высылают, то ничего, и в холодном краю можно жить. Приезжайте и не бойтесь...»;

«...Как нам пишете, что дома плохой урожай. Хорошо, что нас отправили сюда. Здесь мы живем очень хорошо, продук-ты получаем очень хорошие. Кроме того — дети получают детский паек...»²¹.

В «положительных» письмах спецпереселенцев проскаль-зывала идея о том, что доходы от заработка и премиальных рабочего-ударника выше прежних доходов от ведения кулац-кого хозяйства. Но дело в том, чтобы стать ударником, надо было постоянно перевыполнять нормы выработки. А эти нор-мы были весьма непосильные (особенно на лесоразработках) почти для всех женщин (за редкими исключениями), да и да-леко не каждый мужчина мог их выполнить, а тем более пере-выполнить.

О том, что женщинам физически невозможно выполнить установленные нормы выработки на лесоразработках, отме-

чалось и в письмах спецпереселенцев. Так, в обзоре выдержек из документов высланного кулачества, подготовленном ИНФО ОГПУ по состоянию на 10 октября 1930 года, приводились выдержки из письма одной девушки-спецпереселенки, в котором имелись такие строки: «Сейчас зачли приказ, чтобы все от 15 и до 55 лет шли на работу, а кто не пойдет, тому не дадут паек, дадут принудиловки или посадят в тюрьму, а работа не под силу, я ходила кое-как, одну спилила, комары облепили все ноги, руки и лицо все очутилось в крови, и с лица текла кровь. Платят 43 к. за куб. м, на другой день все вспухло, на руках кровавые мозоли, и мы больше не пошли на работу, лучше пускай лишают пайка, сажают в тюрьму, но эта работа нам не под силу»²².

В отдельных областях спецпереселенцы стали превосходить по численности местное коренное население. Так, в 1929 году население Кольского Севера составляло около 27 тыс. человек (только постоянные жители), а спецпереселенцев в 1930—1935 годах поступило свыше 35 тыс. Это, однако, не означало, что спецпереселенцы стали составлять абсолютное большинство в населении указанной территории, так как одновременно со спецпереселенческим потоком шло еще более интенсивное прибытие добровольных переселенцев и вербованных: за 1930—1935 года около 45 тыс.²³. Таким образом, в 1935 году в составе населения Кольского Севера на первом месте по численности находились добровольные переселенцы и вербованные, прибывшие в 1930—1935 годах, на втором — спецпереселенцы, на третьем — местное население, проживавшее здесь до 1929 года.

В ряде северных и восточных районов РСФСР высланные кулаки составили серьезную «конкуренцию» местным жителям в работах, являвшихся для последних традиционными отхожими промыслами (лесоразработки, торфоразработки и др.). Так, в обзоре выдержек из документов высланного кулачества, подготовленного 3-м отделением ИНФО ОГПУ по состоянию на 1 июля 1930 года, приводилась выдержка из письма одного спецпереселенца, в котором говорилось о том, что местные жители «в селах сами голодные как собаки и прокли-

нают нас, потому что раньше они зарабатывали и кормились, а теперь их на работу не берут, а гонят нас за несчастный паек»²⁴. Хозорганам по ряду причин было выгоднее использовать на работах именно спецпереселенцев, а не местных жителей, ибо первым можно было и недоплатить, и задержать зарплату, а со вторыми такие «операции» проделывать было сложнее. Для местных жителей (особенно крестьян) это был чувствительный удар, так как раньше (до появления спецпереселенцев) заработки на отхожих промыслах составляли весьма солидную часть доходов их семей. Поэтому они, как отмечалось в письмах спецпереселенцев, «проклинают нас», хотя эти проклятия шли явно не по адресу, ведь проклинать надо было не спецпереселенцев, а тех, кто их сюда пригнал.

К началу 1934 года, когда «кулацкая ссылка» в основном сформировалась и стабилизировалась, на территории России находилось 85,4% от общего количества спецпереселенцев, в том числе на Урале — 28,0%, в Западной Сибири — 27,0, Восточной Сибири — 7,4, Северном крае — 7,4, Дальневосточном крае (ДВК) — 4,3, на Северном Кавказе — 3,9, на территории Ленинградского военного округа (ЛВО) — 3,0, Средневолжском крае — 0,5, на Алдане — 0,5%. Остальные 14,6% спецпереселенцев находились в Казахстане (12,5%), на Украине (1%) и в Средней Азии (1,1%)²⁵.

В самоназвании обычно использовались термины «спецпереселенцы» и «трудпоселенцы». Термин «кулаки» употреблялся значительно реже. Большинство раскулаченных крестьян не считали себя кулаками и избегали употреблять этот термин в самоназвании. В их среде были обычными такие высказывания: «Мы не кулаки», «Наша семья была середнячком», «Нас раскулачили по личным счетам», «Нас выселили по ошибке» и т. п. Психологически они не отождествляли себя с буржуазным классом и однозначно причисляли себя в прошлой жизни к трудовому крестьянству. Лишь незначительная часть спецпереселенцев не стеснялись называть себя бывшими кулаками. Это были, как правило, те, кто до раскулачивания владел какими-то предприятиями (мельницы и др.) с постоянным контингентом наемных рабочих и не отрицал свою принадлежность к сельской буржуазии.

Тезис о том, что они не буржуи-эксплуататоры, а трудовые крестьяне, постоянно присутствовал в письмах сосланных кулаков, которые они посылали в различные инстанции. Были даже попытки апелляции к рабочим коллективам промышленных предприятий. Так, в июне 1930 года на имя завкома комбината «Югосталь» (Артемовский округ Украинской ССР) было получено заявление (за подписью 90 человек) с мест ссылки кулаков. Авторы заявления, указывая, что «мы считаем себя не кулаками, а истинными трудовиками нашей Советской Республики», обращались с просьбой к рабочим «поговорить с вашими собраниями и съездами о нашем несчастном положении и своим протокольным постановлением ходатайствовать перед высшими органами, чтобы нас вернули на родину»²⁶. Такие письма изымались органами ОГПУ и не доводились до сведения рабочих коллективов.

У отдельных относительно высокооплачиваемых категорий рабочего класса (особенно железнодорожников) присутствовало опасение, что и их могут начать раскулачивать в связи с тем, что их заработки, как правило, выше доходов от ведения кулацкого хозяйства. Так, в справке ОГПУ от 12 августа 1930 года «О недочетах массовой работы на железнодорожном транспорте» был отмечен имевший место среди рабочих депо станции Барнаул разговор: «Если разобраться, то какие они (раскулаченные) кулаки, они беднее нас... Скоро до нас доберутся»²⁷.

Выселение «кулацкого элемента» с направлением его на спецпоселение осуществлялось и в 1934—1935 годах, и даже позднее. Например, в рапорте начальника ГУЛАГа М. Д. Бермана от 26 апреля 1935 года на имя Г. Г. Ягоды указывалось: «Доношу, что закончен прием в трудпоселки кулацких хозяйств, выселенных из национальных районов Северо-Кавказского Края. Всего принято 4 711 семей 22 496 человек, в том числе в трудпоселки СККрая — 3 215 семей 14 661 человек, в трудпоселки Южного Казахстана — 655 семей 3 275 человек и в трудпоселки Узбекистана — 841 семья 4 560 человек»²⁸. По специальному постановлению СНК СССР от 21 мая 1936 года было осуществлено выселение около 1000 кулац-

ких хозяйств из Дагестанской АССР и Чечено-Ингушской АО; было выселено 5 317 человек, из них 3 028 расселено в Казахстане и 2 289 — в Киргизии²⁹.

К 1935 году раскулаченные крестьяне относительно обжились в местах высылки. Например, на севере Западной Сибири в 1935 году трудпоселенцы имели 16 819 жилых домов и 295 утепленных бараков, однако 12% трудпоселенцев проживало еще в землянках и полуземлянках³⁰. В 1935 году в «кулацкой ссылке» впервые было зафиксировано положительное сальдо (15%) между рождаемостью и смертностью. В 1936 году родилось больше, чем умерло, на 28%, в 1937 году — в 1,7 раза, в 1938—1940 годах — почти в 2 раза (см. табл. 2).

В 1930—1933 годах прочному обживанию очень мешала практика постоянных перебросок спецпереселенцев вместе с семьями с одного места работы на другое, что отрицательно сказывалось на их обустройстве, организации ими подсобного хозяйства, строительстве капитального жилья и т. д. В ходе таких перебросок люди вынуждены были покидать относительно обжитые спецпоселки, зачастую в пути следования и на новом месте жительства претерпевали всяческие лишения, возрастала смертность. С марта 1934 года ОГПУ совместно с СНК СССР ввели систему заключения трудовых договоров между хозорганами и завербованными спецпереселенцами. Избыточная спецрабсила согласно трудовым договорам передавалась из одной хозяйственной организации в другую, которая испытывала в ней недостаток. Завербованные спецпереселенцы становились отходниками. Их же семьи оставались жить на прежнем месте, а снабжение членов семей продовольственными и промышленными товарами возлагалось на те хозорганы, которые получали рабсилу в порядке вербовки³¹.

Рецидивы же частичных насильственных переселений внутри «кулацкой ссылки» имели место и во второй половине 1930-х годов. Так, в 1940—1941 годах подобная акция осуществлялась в соответствии с постановлением СНК СССР № 2031—568с от 11 декабря 1939 года «О временных жилых постройках вблизи железных дорог». Трудпоселенцы переселялись из поселков, расположенных в пятикилометровой зоне от железной дороги³².

В первые годы жизни в «кулацкой ссылке» положение спецпереселенцев было крайне тяжелым. Так, в докладной записке руководства ГУЛАГа от 3 июля 1933 года в ЦКК ВКП(б) и РКИ отмечалось: «С момента передачи спецпереселенцев Наркомлесу СССР для трудового использования в лесной промышленности, т. е. с августа 1931 года, Правительством была установлена норма снабжения иждивенцев-с/переселенцев на лесе из расчета выдачи в месяц: муки 9 кг, крупы 9 кг, рыбы 1,5 кг, сахару 0,9 кг. С 1 января 1933 года по распоряжению Союзнаркомснаба нормы снабжения для иждивенцев были снижены до следующих размеров: муки 5 кг, крупы 0,5 кг, рыбы 0,8 кг, сахару 0,4 кг. Вследствие этого положение спецпереселенцев в лесной промышленности, в особенности в Уральской области и Северном крае, резко ухудшилось... Повсеместно в ЛПХах Севкрая и Урала отмечены случаи употребления в пищу разных несъедобных суррогатов, а также поедание кошек, собак и трупов падших животных... На почве голода резко увеличилась заболеваемость и смертность среди с/переселенцев... Имел место ряд самоубийств, увеличилась преступность... Голодные с/переселенцы воруют хлеб и скот у окружающего населения, в частности у колхозников... Вследствие недостаточного снабжения резко снизилась производительность труда, нормы выработки упали в отдельных ЛПХах до 25%. Истощенные спецпереселенцы не в состоянии выработать норму, а в соответствии с этим получают меньшее количество продовольствия и становятся вовсе нетрудоспособными. Отмечены случаи смерти от голода с/переселенцев на производстве и тут же после возвращения с работ...»³³.

В этой ситуации весьма неприглядно выглядели промышленные наркоматы. Они нередко игнорировали просьбы органов ОГПУ — НКВД материально поддержать работающих на их предприятиях спецпереселенцев и членов их семей. Видя тщетность этих призывов, органы ОГПУ — НКВД в ряде случаев вынуждены были из своих фондов выделять спецпереселенцам, переданным в систему промышленных наркоматов, соответствующие материальные и денежные средства, чтобы не допустить их полного вымирания и не сорвать тем самым

мероприятия по освоению необжитых земель. Равнодушие промышленных наркоматов, особенно Наркомлеса, к массовой смертности спецпереселенцев, занятых на их же предприятиях, объяснялось главным образом надеждами и даже уверенностью в нескончаемости поступления новых контингентов данной категории работников.

Не было редкостью, когда различные ведомства использовали не по назначению выделенные для спецпереселенцев продовольственные фонды (т. е. фактически обкрадывали находившихся на грани голодной смерти людей). Так, в постановлении Комиссии исполнения при СНК СССР от 17 ноября 1932 года подчеркивалось: «Указать Председателю правления Центролессекции т. Козлову на то, что он не организовал контроль за расходованием на местах фондов, выделенных для семей спецпереселенцев, несмотря на неоднократное сигнализирование ОГПУ о безобразных фактах разбазаривания этих фондов». Было одобрено наложение взысканий и привлечение к ответственности органами ОГПУ и КК-РКИ Уральской области, Западносибирского, Восточносибирского и Дальневосточного краев ряда работников системы Наркомлеса, виновных в разбазаривании и расхищении 4 тыс. т хлебных фондов, предназначенных для снабжения семей спецпереселенцев. Это постановление обязало Наркомснаб СССР и Центролессекцию ввести с 1 января 1933 года карточную систему для снабжения семей спецпереселенцев³⁴.

С проблемой воровства различными должностными лицами выделенного для них продовольствия спецпереселенцы столкнулись практически сразу же после прибытия в места высылки. Об этом уже в 1930 году упоминалось в спецпереселенческих письмах. Так, в одном из таких писем за 1930 год читаем: «Паек уральский выдают совсем маленький, да и то урывают все жулики. Начальство каждый день пьяное, как баранье, редко выхмеляются, а нам от несчастного пайка и то урывают и прогуливают»³⁵. Хотя данный вид воровства и не имел повсеместного характера, но все же был весьма распространенным явлением, Мы заостряем внимание на этом «яв-

лении», исходя из убеждения, что «урывания» из выделенного для спецпереселенцев продовольствия входят в число главных причин чрезвычайно высокой смертности последних (особенно в 1930—1933 годах). По нашему мнению, не будь этих «урываний», то можно было бы спасти жизнь десяткам тысяч спецпереселенцев, которые умерли от недоедания и истощения.

В советской литературе отмечалось, что «на переселение, хозяйственное устройство и обслуживание бывших кулаков в 1930—1932 годах советское государство отпустило около 250 млн р.»³⁶. Возможно, это и так, но мы не можем согласиться с утверждением, что в среднем на одно раскулаченное хозяйство для указанных целей выделялось около 1 тыс. р.³⁷. По нашим расчетам, этот показатель в 1930—1932 годах составлял порядка 630—660 р. — и это при условии, если все выделенные деньги пошли строго по назначению, в чем мы сомневаемся. Указанной суммы (она равнялась зарплате рабочих промышленности примерно за полгода) было совершенно недостаточно для возмещения расходов, связанных с возведением жилых домов и других построек, закупкой стройматериалов, инвентаря и т. д.

По данным на 1 июля 1938 года, на учете Отдела трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР состояло 997 329 трудпоселенцев, основная масса которых проживала в 1741 трудпоселке. Среднее число жителей-трудпоселенцев на один трудпоселок составляло 573 человека, но по регионам этот показатель колебался от 4553 (в Ставропольском крае) до 155 (в Алтайском крае) (табл. 3). Эти средние показатели получены путем деления общего числа трудпоселенцев (включая восстановленных в правах, но сохранявших трудпоселенческий статус) на количество трудпоселков, но фактически они были несколько ниже, так как некоторая часть трудпоселенцев проживала не в трудпоселках, а в других населенных пунктах. Так, в Архангельской области до 10% трудпоселенцев проживало в городах Котлас и Архангельск. В других регионах удельный вес трудпоселенцев, проживавших вне трудпоселков, был

ниже, чем в Архангельской области, но тем не менее и применительно к ним следует иметь в виду определенную корректировку в сторону понижения указанных средних показателей. С другой стороны, в этой статистике не учтены тысячи свободных людей, проживавших в трудпоселках (как бывших трудпоселенцев, снятых с учета трудпоселений, так и находившихся там лиц нетрудпоселенческого происхождения).

Большинство спецпоселков представляли собой компактные сельские населенные пункты. Но не были редкостью и так называемые распыленные поселения. Например, в Мурманской области в конце 30-х годов официально числилось лишь пять трудпоселков, а фактически их было несколько десятков, так как каждый трудпоселок состоял из нескольких отдельных населенных пунктов, находившихся на значительном удалении друг от друга. Наиболее «распыленный» трудпоселок в Мурманской области состоял из 14 отдельных населенных пунктов, самый дальний из которых находился на расстоянии до 50 км от поселковой комендатуры³⁸.

Совершенно не отражают реальной картины приведенные в табл. 3 данные Отдела трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР по Карельской АССР. Фактически там было не два трудпоселка, а около 80 (без учета трудпоселков Белбалткомбината НКВД), находившихся не только на значительном удалении друг от друга, но и в разных районах республики (Шелтозерский, Пудожский, Кондопожский, Заонежский и другие районы). Причем эти населенные пункты были очень мелкими, с населением от 15 до 200 человек, лишь в некоторых на них число жителей превышало 200 человек.

Важнейшим компонентом спецколонизации являлось сельскохозяйственное освоение ранее необжитых или малообжитых районов. Поэтому правительство СССР довольно регулярно выносило решения о наделении спецпереселенцев семенным фондом. Например, постановление СТО от 23 января 1932 года «О семенах для спецпереселенцев Западной Сибири» обязало Наркомснаб отпустить спецпереселенцам северных районов Западной Сибири 5269 ц. пшеницы, 17 482 ц. овса, 6063 ц. ячменя, 4774 ц. льна и 754 ц. конопли³⁹.

Таблица 3. География расселения трудпоселенцев и дислокации трудпоселков (по состоянию на 1 июля 1938 года)*

Регионы	Численность		
	Трудпоселенцев	Трудпоселков	Среднее число трудпоселенцев на один трудпоселок
Новосибирская обл.	195 523	517	378
Свердловская обл.	171 899	243	707
Красноярский край	58 863	120	490
Челябинская обл.	57 337	40	1 433
Ставропольский край	45 531	10	4 533
Омская обл.	44 378	113	393
Архангельская обл.	39 031	82	476
Иркутская обл.	32 211	42	767
Дальневосточный край	29 276	128	229
Белбалткомбинат НКВД	29 181	21	1390
Ленинградская обл.	23 131	9	2 570
Читинская обл.	22 745	73	312
Коми АССР	20 172	37	545
Башкирская АССР	12 624	13	971
Вологодская обл.	9 606	45	213
Кировская обл.	7 790	8	974
Карельская АССР	6 167	2	3 083
Якутская АССР	3 988	8	498
Куйбышевская обл.	3 287	4	822
Алтайский край	2 783	18	155
Оренбургская обл.	2 532	3	844
Бурят-Монгольская АССР	1 945	5	389
Итого по РСФСР	820 000	1 541	532
Карагандинская обл.	91 297	30	3 043
Северо-Казахстанская обл.	8 905	9	989
Южный Казахстан	34 453	61	565
Узбекская ССР	14 307	13	1 100
Киргизская ССР	11 845	26	456
Таджикская ССР	9 052	17	532
Украинская ССР	7 470	44	170
Итого по другим союзным республикам	177 329	200	887
Всего по СССР	997 329	1 741	573

* ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 48. Л. 9—10.

В начале 1938 года насчитывалось 1058 неуставных трудпоселенческих сельхозартелей с числом членов всех возрастов 429 670 человек, а также 141 неуставная кустпромартель, объединявшая 8181 человека⁴⁰. К этому времени трудпоселенцами было освоено 3 035 644 га земель, из них 1 128 194 га составляли пашня и пахотнospособные земли, 287 431 га — сенокос, 590 789 — выгон, 44 914 — усадебные земли, 984 316 га — прочие угодья. В 1937 году трудпоселенцы посеяли яровых на площади 377 352 га, озимых — 83 248 га, вспахали под зябь и пары — 308 939 га. Непосредственно на обслуживании неуставных сельхозартелей трудпоселенцев специализировались тогда 24 машинно-тракторные станции и 21 машинно-тракторная мастерская, имевшие около 1000 тракторов, 100 комбайнов и 200 автомашин. Тем не менее в трудпоселенческом сельском хозяйстве резко преобладал ручной и конно-ручной труд. В 1937 году валовый сбор урожая в «кулацкой ссылке» составил (в тоннах): зерно — 294 859,3; хлопок — 14 119,4; масленичные и технические культуры — 4161,3; рис — 496,0; картофель — 167 800,5; овощи — 38 274,1; кормо-корнеплоды — 14 041,0; сено — 402 284,5; силос — 45 241,3; грубые корма — 229 583,3⁴¹. Развивалось трудпоселенческое животноводство, насчитывавшее на 1 января 1938 года 56,3 тыс. голов рабочего скота, 196,3 тыс. голов крупного рогатого скота, 62,3 тыс. свиней, 224,0 тыс. овец и коз⁴².

В 1938 году в основном завершился процесс трансформации трудпоселенческих артелей в обычные колхозы. Неуставные сельхозартели и кустпромартели были переведены на обычный колхозный и промартельный устав по постановлению СНК СССР от 9 сентября 1938 года «О переводе неуставных артелей трудпоселенцев на устав артелей»⁴³.

К 1 января 1938 года трудпоселенцами было поднято 243 161 га целинных земель. Бóльшая часть последних была поднята в Казахстане (214 605 га). В Таджикистане этот показатель составлял 7340 га, Киргизии — 310, Узбекистане — 10 га. На долю Российской Федерации приходилось 20 896 га поднятых трудпоселенцами целинных земель (Омская область — 9193 га, Красноярский край — 9046, районы БАМа — 1489,

Челябинская область — 665, Дальневосточный край — 320, Сталинградская область — 95, Куйбышевская — 60, Оренбургская — 26, Ленинградская — 2 га).

Ряд трудпоселков был организован в болотистой местности, где без осушения болот не только практически невозможно было наладить сельское хозяйство, но и во весь рост вставала сама проблема выживания. К началу 1938 года трудпоселенцы осушили 2988 га болот, причем исключительно на территории РСФСР. Не менее остро вставала проблема выживания и для тех раскулаченных крестьян, которые были выселены в безводные засушливые районы. Без ирригационного строительства выжить в этих районах было чрезвычайно сложно, не говоря уже об их хозяйственном освоении. Эта проблема касалась, прежде всего, трудпоселенцев, расселенных в Казахстане и Средней Азии. К началу 1938 года трудпоселенцами было орошено 12 857 га земель, из них 6070 — в Таджикистане, 3052 — Казахстане, 2900 — Киргизии, 575 — Узбекистане, 260 — России.

В комплекс показателей, определявших понятие «освоение малообжитых и необжитых районов», входили и такие, как раскорчевка, расчистка кустарников, строительство дорог, мостов, колодцев и т. д. К началу 1938 года трудпоселенцами было раскорчевано 183 416 га земель (из них только 110 га в Казахстане, а все остальные в России); площадь расчистки кустарников составила 58 800 га (исключительно на территории РСФСР). К этому времени трудпоселенцами было проложено грунтовых дорог протяженностью 7294 км, из них 7121 км в РСФСР, 168 — Казахстане и 5 км — в других союзных республиках (Украина и Узбекистан). По регионам России этот показатель выглядел следующим образом: Новосибирская обл. — 3812 км, Свердловская — 1139, Архангельская — 724, Омская — 593, Красноярский край — 317, Вологодская обл. — 217, Ставропольский край — 110 и другие регионы — 209 км. Протяженность деревянных мостов, возведенных трудпоселенцами, составляла 21,4 тыс. м, из них свыше 11,2 тыс. м — в Свердловской области и 10 тыс. — в Новосибирской. Количество новых колодцев, построенных трудпоселенцами, составляло 1578 единиц⁴⁴.

Органы НКВД не в силах были предотвратить естественные социально-демографические процессы, приводившие к постепенному размыванию «кулацкой ссылки». Поэтому с изрядной долей пессимизма руководство Отдела трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР констатировало в докладной записке в ЦК ВКП(б) (февраль 1939 года): «Пользуясь ослаблением режима, многие трудпоселенцы разъехались из трудпоселков, проникли на заводы оборонного значения, электростанции и другие предприятия в краевых, областных центрах и различных городах. Снятие их оттуда и водворение в трудпоселок встречает затруднения в связи с тем, что они работают на этих предприятиях ряд лет, приобрели квалификацию, многие сумели получить паспорта, вступили в брак с другими рабочими и служащими и обзавелись в ряде случаев своими домами и хозяйством»⁴⁵.

Сотрудников Отдела трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР серьезно беспокоило слишком быстрое, по их мнению, обогащение трудпоселенцев. Так, в сентябре 1938 года начальник этого отдела М. И. Конрадов писал Н. И. Ежову в докладной записке: «...Некоторая часть трудпоселенцев пошла по пути хозяйственного кулацкого роста. Например, в Обормском районе Хабаровской области 64 хозяйства трудпоселенцев имеют по 3-5 коров, по 1 лошади, 2-3 свиньи, 2-3 головы молодняка. Имеют оружие, занимаются охотой. В Иркутской области рост количества скота в личном пользовании трудпоселенцев превышает рост обобщественного стада»⁴⁶. А в докладной записке Отдела трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР в ЦК ВКП(б) в феврале 1939 года отмечалось: «Имеются многочисленные факты хозяйственного обрастания трудпоселенцев, спекуляции, невыполнения ими при попустительстве, а в отдельных случаях и содействии сросшихся с трудпоселенцами комендантов, — госпоставок и платежей. 29 сентября 1938 года № 1818 тов. ЕЖОВЫМ даны указания нач. УНКВД об усилении режима в трудпоселках...»⁴⁷.

Поскольку допущение «быстрого кулацкого роста» трудпоселенческих хозяйств считалось грубой политической ошибкой органов НКВД, то последние, как это тогда широко

практиковалось, сваливали все на «происки врагов народа». Репрессии 1937—1938 годов коснулись и ряда видных сотрудников НКВД, которые объявлялись виновниками и обогащения трудпоселенцев, и многого другого. Вот выдержка из докладной записки Отдела трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР в ЦК ВКП(б) (февраль 1939 года): «У руководства работой по кулацкой ссылке долгое время находились враги народа (Коган, Молчанов, Берман, Плинер, Фирин, Закарьян, Вишневский и др.). Вредительство проводилось по следующим направлениям... Высланные кулаки ставились в привилегированное положение по сравнению с окружающими колхозами. Проводилась политика нового окулачивания трудпоселенцев за счет государства. По представлению врагов народа, орудовавших в НКВД, трудпоселенцы освобождались от госпоставок, налогов и сборов, или пролонгировались и вовсе списывались ссуды уже тогда, когда трудпоселки не только хозяйственно окрепли, но и по своему хозяйственному уровню стояли выше окружающих колхозов...»⁴⁸.

Все эти заявления о «происках врагов народа» и т. п. являлись не более как специфической словесной и терминологической эквилибристикой, свойственной тому времени. В действительности дело обстояло совсем иначе. Многие трудпоселенческие хозяйства оказались в настоящей долговой кабале у государства, выбраться из которой в обозримом будущем было совершенно невозможно. Чтобы не допустить их разорения и не сорвать тем самым хозяйственное освоение малообжитых земель, местные органы власти, включая органы НКВД, на протяжении 1930-х годов довольно часто выступали с ходатайствами о списании с трудпоселенцев ссудной задолженности или ее пролонгации. В ряде случаев эти ходатайства удовлетворялись. Например, по постановлению СНК СССР № СО-1219 от 21 апреля 1937 года была списана ссудная задолженность с трудпоселенцев Омской области⁴⁹.

Десятки тысяч трудпоселенцев влились в коллективы крупнейших промышленных предприятий страны. Например, в начале 1938 года 8304 трудпоселенца работали на Магнитогорском металлургическом комбинате, 2126 — Кузнецком

металлургическом комбинате, 2809 — на Уралвагонстрое, 1727 — Уралвагонзаводе, 2240 — Тагилстрое, 658 — Уралмаше, 19 115 — комбинате «Карагандауголь»⁵⁰. В отдельных районах спецпереселенцы стали составлять большинство рабочих и служащих. Так, в общем балансе работающих на всех предприятиях г. Кировска Мурманского округа в 1934 году спецпереселенцы составляли более 60%⁵¹.

Число ударников в массе работающих трудпоселенцев постоянно росло, причем подчас довольно стремительно. Так, в начале 1933 года на предприятиях г. Кировска насчитывалось 1690 ударников-трудпоселенцев, а к началу 1935 года их число возросло до 4366, что составляло 41,6% от общего количества работавших в Кировске трудпоселенцев⁵².

До сентября 1935 года не существовало единого подхода к вопросу о социальном страховании трудпоселенцев. На одних предприятиях, где они работали, на них были распространены действующие законы о социальном страховании, на других — нет. В циркуляре ЦК профсоюза работников административных учреждений, ГУЛАГа и Финансового отдела НКВД СССР от 22 сентября 1935 года указывалось, что «все трудпереселенцы (бывшие кулаки), где бы они не находились, если они работают в предприятиях и учреждениях по найму, подлежат социальному страхованию, и, следовательно, они имеют также все права на получение пенсий, пособий по временной нетрудоспособности и т. д. на общих основаниях наравне с нечленами профессиональных союзов». Этот циркуляр обязал ввести социальное страхование трудпоселенцев на всех предприятиях и в учреждениях, где они работали⁵³.

По постановлению Секретариата ВЦСПС «Об условиях труда и социальном страховании спецпереселенцев» от 27 июля 1936 года в стаж, необходимый для назначения пенсий и пособий, не засчитывалось время до 1 августа 1931 года⁵⁴. Вся жизнь и деятельность этих людей до 1931 года считалась «эксплуататорским прошлым» и не засчитывалась в трудовой стаж. В дальнейшем выяснилось, что среди спецпереселенцев имеются люди не из числа бывших кулаков, работавшие много лет по найму. Поэтому в постановлении ВЦСПС от 11 авгу-

ста 1937 года было сделано уточнение, согласно которому в трудовой стаж не засчитывалось время до 1 августа 1931 года только спецпереселенцам из числа бывших кулаков⁵⁵.

В соответствии с постановлением СНК СССР № 174с от 16 августа 1931 года спецпереселенцы, расселенные в 1930—1931 годах, освобождались от уплаты всех государственных и местных налогов и сборов до 1 января 1934 года⁵⁶. Для спецпереселенцев, занятых в сельском хозяйстве Северного Казахстана, эта льгота была продлена до 1 января 1935 года⁵⁷. По истечении этих сроков спецпереселенцы были обязаны уплачивать все налоги и сборы на общих основаниях. Однако жизнь вносила коррективы, вызванные тяжелым положением трудпоселенческих хозяйств, и заставляла директивные органы принимать решения о продлении этих сроков. Так, в постановлении Наркомфина СССР от 27 июня 1933 года было записано: «Освободить трудпоселенцев в Западной Сибири и Казахстане от всех налогов и сборов до 1 января 1936 года»⁵⁸.

По постановлению СНК СССР от 11 октября 1935 года от госпоставок в 1935—1936 годах зерна, картофеля и продуктов животноводства было освобождено подсобное сельское хозяйство трудпоселенцев, занятых в промышленности⁵⁹.

Трудпоселенцы обязаны были погасить все ссуды, выдававшиеся государством на хозяйственное и иное освоение трудссылки. Так, в 1937 году трудпоселенцами было погашено ссуд по задолженности на сумму около 10,5 млн р. (остаток ссудной задолженности 1 января 1938 года составлял почти 68,2 млн р.⁶⁰.

Трудовое использование трудпоселенцев производилось на основе договоров, заключенных УНКВД с хозорганами. Трудпоселенцы в оплате труда и других условиях работы приравнивались ко всем рабочим и служащим, за исключением: в профсоюз не принимались, и из их зарплаты удерживалось 5% на содержание аппарата и административное обслуживание трудпоселений⁶¹. В августе 1937 года начальник ГУЛАГа И. И. Плинер в докладной записке на имя Н. И. Ежова сетовал по поводу того, что «хозяйственные организации в ряде районов прекращают производить 5-процентные отчис-

ления из зарплаты трудпоселенцев, расходуемые на содержание комендатур трудовых поселений и на их административно-хозяйственные расходы. Этот отказ они мотивируют 135-й статьей Конституции, по которой трудпоселенцы являются полноправными гражданами»⁶².

Коменданты спецпоселков вели списочный учет тылоополченцев в возрасте от 18 до 45 лет. Тылоополченцы — лица призывных возрастов из числа лишенных избирательных прав (лишенцев). Вместо службы в армии они в течение двух-трех лет должны были выполнять трудовую повинность. Мобилизованные тылоополченцы жили в казармах, в условиях полувоенного режима, использовались на тяжелых работах (добыча угля, лесоразработки).

Однако в отношении раскулаченных крестьян — спецпереселенцев призывных возрастов — дело ограничивалось обычно только проведением списочного учета. Политическое руководство СССР опасалось призывать их даже в тыловое ополчение. В разделе «Об использовании на работах оборонно-стратегического значения тылоополченцев, находящихся в спецпоселках» постановления СНК СССР «О хозяйственном устройстве и трудовом использовании спецпереселенцев, расселенных в Западной Сибири и Северном Казахстане» от 4 апреля 1932 года говорилось: «Разъяснить, что спецпереселенцы призывного возраста не подлежат призыву в армию, в том числе и в части тылового ополчения»⁶³.

В 1930-х годах трудпоселенцы в армию не призывались и на учете в военкоматах не состояли. Предпринимались также меры, чтобы они самостоятельно не овладевали военными знаниями и навыками. В письме от 15 мая 1932 года «Всем нач. отд. по С/ПЕРЕСЕЛЕНЦАМ ПП ОГПУ» за подписью М. Д. Бермана указывалось: «В циркуляре № 389/ГУЛ от 13/X—31 г. перечислены те добровольные общества группы содействия, которые могут быть организованы в спецпоселках, а именно: СББ, ОДД, ОДН, Автодор, РОКК. Однако на местах до сих пор продолжают организовывать группы содействия Осоавиахиму и МОПР. Надо иметь в виду, что организация Осоавиахима содействует военизации спецпереселенческой мо-

лодежи, что должно быть пресечено самым решительным образом... Все имеющиеся организации Осоавиахима и МОПРа распустить путем тактичного слияния их с другими группами содействия, организация которых разрешена... В работе групп содействия всех добровольных обществ необходимо тщательно избегать занятий и работ, содействующих военизации спецпереселенческой молодежи...»⁶⁴.

Поскольку перечисленные выше аббревиатуры малопонятны современному читателю, то мы даем их расшифровку: СВБ — Союз воинствующих безбожников; ОДД — Общество «Друг детей»; ОДН — Общество «Долой неграмотность»; Автодор — Всесоюзное общество содействия автомобильному и дорожному транспорту; РОКК — Российское общество Красного Креста; Осоавиахим — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству СССР; МОПР — Международная организация помощи борцам революции.

В число мер по недопущению военизации спецпереселенцев входили и ограничения на владение ими охотничьими ружьями. Для многих трудпоселенческих семей это было достаточно серьезной проблемой, так как охота на диких животных и птицу занимала заметное место в их стратегии выживания. В разъяснении ГУГБ НКВД и ГУЛАГа от 8 мая 1937 года отмечалось, что «выдача разрешений на право приобретения и хранения охотничьих ружей трудпоселенцам, как правило, запрещается» и что «правом на приобретение охотничьих ружей могут пользоваться только трудпоселенцы, состоящие в организованных, с ведома ОТП, охотничьих бригадах, ведущих плановую заготовку пушнины и сдающие продукцию по договорам заготовительным организациям». В этом разъяснении подчеркивалось, что «ружья должны храниться в поселковых или районных комендатурах и выдаваться охотникам только на сезон охоты и по его окончании подлежат возвращению в комендатуру на хранение», а «трудпоселенцев, хранящих без разрешения охотничьи ружья, привлекать к уголовной ответственности»⁶⁵.

Стремлением органов ОГПУ — НКВД перекрыть все каналы возможной самостоятельной военизации трудпоселен-

цев вызывалось и недопущение трудпоселенческой молодежи к сдаче норм на значки «Ворошиловский стрелок» и «Готов к Труду и Обороне»⁶⁶. Согласно циркуляру ГУЛАГа от 4 декабря 1932 года запрещалась даже организация пионерских отрядов из детей спецпереселенцев⁶⁷.

Во второй половине 30-х годов происходило постепенное снятие запретов на мероприятия, могущие способствовать военизации трудпоселенцев. Но это касалось только детей. По приказу ГУЛАГа от 20 апреля 1936 года разрешалась организация пионерских отрядов из детей трудпоселенцев⁶⁸. 21 июля 1939 года вышло разъяснение Всесоюзного комитета по делам физкультуры, согласно которому трудпоселенческая молодежь (только школьного возраста) допускалась к сдаче норм на значки «ГТО» и «БГТО»⁶⁹. Однако к сдаче норм на значок «Ворошиловский стрелок» по-прежнему не допускались даже школьники.

Из года в год в трудпоселках росло число жителей, не являвшихся трудпоселенцами. В начале 1932 года таковых было учтено 4234 человека⁷⁰. В последующие годы их число значительно возросло. Они не входили в общую численность спецпереселенцев (трудпоселенцев). Это были бывшие спецпереселенцы, освобожденные из «кулацкой ссылки», но по разным причинам не покидавшие трудпоселки, а также свободные граждане — рабочие и служащие (в основном системы Наркомлеса), которым в силу специфики своей работы было удобно проживать в трудпоселках. Сюда же входили тысячи свободных людей, прибывших к своим родственникам-трудпоселенцам, а также осевшие в трудпоселках всякого рода командированные, вербованные и т. п.

Случаи смешанных браков между трудпоселенцами и свободными гражданами постепенно учащались. В одном из документов Отдела трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР (февраль 1939 года) отмечалось: «Многочисленны случаи вступления в брак трудпоселенцев (на трудпоселках) с другими гражданами, которые, уезжая к себе на родину или на другую работу, требуют освобождения своих жен. Существует практика освобождения их по согласованию с УГБ из труд-

поселка, если на них нет компрометирующих данных и нет основания полагать, что брак является фиктивным с целью побега из трудпоселка»⁷¹.

Десятки тысяч свободных людей прибывали в трудпоселки с целью соединения семей. Как правило, они сохраняли статус свободных граждан и могли при желании покинуть трудпоселки (хотя и имели место факты, когда их ставили на учет трудпоселений). Только в 1934—1938 годах на соединение со своими семьями в «кулацкую ссылку» прибыло 31 352 свободных граждан (в 1934 году — 8022, 1935 году — 9692, 1936 году — 6195, 1937 году — 3758, 1938 году — 3685)⁷².

Тысячи свободных граждан приезжали в спецпоселки на короткий срок на свидания со своими родственниками-спецпереселенцами. В циркуляре ОГПУ от 14 октября 1932 года говорилось: «В связи с поступающими запросами с мест о том, как надлежит поступать с родственниками высланных кулаков, приезжающих в спецпоселки на свидания к спецпереселенцам, разъясняется, что приезжающие на свидания оставшиеся невысланными члены кулацких семей по приезде в спецпоселки никаким ограничениям по задержанию не подвергаются, сохраняя за собой право свободного выезда обратно из спецпоселка»⁷³.

В документах ОГПУ — НКВД нет сведений сводного характера о национальном составе спецпереселенцев (трудпоселенцев). Совершенно ясно, что их национальный состав был чрезвычайно пестрым, причем на первом месте по численности находились русские, на втором — украинцы. Так, 1 января 1935 года в г. Кировске Мурманского округа насчитывалось 18300 трудпоселенцев 32 национальностей, из них 13 553 русских (74,0%), 1196 украинцев (6,5%) и 3551 (19,5%) относились к 30 другим национальностям⁷⁴. Данные о половозрастном составе трудпоселенцев по состоянию на 1 июля 1938 года приведены в табл. 4.

По отдельным отрывочным сведениям об образовательном уровне взрослых спецпереселенцев можно сделать вывод, что в начале 30-х годов примерно 3/4 из них являлись грамотными и имели образование, как правило, в объеме на-

чальной школы. Впоследствии удельный вес грамотных еще более повысился в процессе ликвидации безграмотности, которая в той или иной степени коснулась и спецпереселенцев. В ряде районов охват спецпереселенцев ликбезом был весьма значительным. Так, из общего количества взрослого населения спецпереселенцев Хибинского (Кировского) Мурманского округа 3635 человек (или 26%) были неграмотными или малограмотными, но к началу 1935 года 3374 из числа последних прошли обучение в пунктах ликбеза⁷⁵.

В первой половине 30-х годов у сотрудников комендатур не было ясности в вопросе, следует ли записывать в метрики детям, что они — дети спецпереселенцев (трудпоселенцев). Этот вопрос был окончательно решен в конце 1935 года. На рапорте зам. наркома внутренних дел СССР М. Д. Бермана от 29 октября 1935 года по вопросу о записи в актах гражданского состояния детей трудпоселенцев Г. Г. Ягода поставил резолюцию: «Трудпоселенцы будут восстановлены, поэтому надо записывать так, как хотят родители. В метриках писать, что это ребенок трудпоселенца, не следует и ни к чему. Г. Я. 1/XI»⁷⁶. В инструкции Отдела актов гражданского состояния (ОАГС) НКВД СССР от 8 декабря 1935 года разъяснялось, что в случае, если родители носят разные фамилии и один из них является трудпоселенцем, фамилия ребенку присваивается по соглашению родителей. Трудпоселенческое происхождение ребенка запрещалось указывать не только в выдаваемых свидетельствах о рождении, но и в книгах записей актов гражданского состояния⁷⁷.

В первое время в «кулацкой ссылке» в плачевном состоянии находилась система школьного обучения. Количество детей школьного возраста только в спецпоселках Урала, Восточной Сибири и Северного Кавказа в 1931 году превышало 129 тыс., из них охвачено учебой не более 3%⁷⁸. К середине 30-х годов такое положение в значительной степени удалось выправить, и большинство детей обучалось в школах. Органы власти придавали этому особое значение, поскольку школьное обучение рассматривалось как важный инструмент отрыва детей от влияния на них «реакционных» родителей.

В сентябре 1938 года в трудпоселках имелось 1106 начальных, 370 неполных средних и 136 средних школ, а также 230 школ профтехобразования и 12 техникумов. Насчитывалось 8280 учителей, из них 1104 были трудпоселенцами. Всеми учебными заведениями трудпоселений было охвачено 217 454 детей трудпоселенцев. Сетью дошкольных учреждений было охвачено 22 029 малолетних детей (с ними занимались 2749 воспитателей). 5472 ребенка, не имевшие родителей, размещались в поселковых детских домах. В трудпоселках имелись 813 клубов, 1202 избы-читальни и красных уголка, 440 кинопередвижек, 1149 библиотек⁷⁹. По постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 декабря 1935 года «О школах в трудпоселках» разрешалось детям трудпоселенцев, окончивших неполную среднюю школу, принимать на общих основаниях как в техникумы, так и в другие специальные средние учебные заведения, а окончивших среднюю школу — допускать на общих основаниях в высшие учебные заведения⁸⁰.

*Таблица 4. Половозрастной состав трудпоселенцев
(по состоянию на 1 июля 1938 года)**

Категории	Численность	Удельный вес в процентах
Мужчины	247 961	28,53
Женщины	261 774	30,12
Подростки от 14 до 16 лет	69 267	7,97
Дети до 14 лет	290 189	33,38
Всего	869 191	100

* ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 48. Л. 11.

Примечание. В эту статистику не вошли 128 148 трудпоселенцев, восстановленных в избирательных правах до принятия Конституции СССР 5 декабря 1936 года.

Принятию решения о возможности обучения детей трудпоселенцев в высших и средних специальных учебных заведениях наравне со свободными гражданами способствовали весьма лестные оценки в отношении учащейся трудпоселенческой молодежи, звучавшие в докладных записках местного

партийно-советского руководства и органов НКВД. Так, в августе 1935 года Северный крайком партии в своем письме в ЦК ВКП(б) так характеризовал выпускников неполных средних школ в трудпоселках: «Среди учащихся есть очень одаренные, талантливые ребята, у которых большое стремление продолжить образование. По своему мировоззрению это вполне советски настроенная молодежь, что является одним из ярких доказательств претворения в жизнь идеи о переделке сознания людей»⁸¹.

Весной 1936 года был положительно решен вопрос об освобождении из «кулацкой ссылки» лиц, поступивших в институты, техникумы и т. д. Согласно циркуляру НКВД СССР от 15 апреля 1936 года и разъяснению ГУЛАГа от 20 апреля того же года, освобождению из трудпоселков подлежала трудпоселенческая молодежь, поступившая в высшие и средние специальные учебные заведения только после извещения учебного заведения о принятии заявителя в число учащихся. Для прохождения приемных экзаменов разрешался временный выезд из трудпоселков с выдачей на руки удостоверения на срок выезда. Этот же порядок освобождения и выезда из мест поселений распространяется и на молодежь, поступившую в 8—10 классы средних школ, при отсутствии последних в данном трудпоселке⁸².

Поступление на учебу в высшие и средние специальные учебные заведения на практике превратилось в наиболее распространенный легальный способ освобождения из «кулацкой ссылки». Только в 1939—1940 годах на учебу был освобожден 18 451 трудпоселенец⁸³. И это без учета десятков тысяч юношей и девушек, освобожденных в 1939—1940 годах по постановлению СНК СССР от 22 октября 1938 года, о чем речь ниже.

В начальный период все выселенные кулаки были лишены избирательных прав. С 1933 года стали восстанавливаться в этих правах дети, достигшие совершеннолетия. В постановлении Президиума ЦИК СССР от 17 марта 1933 года «О порядке восстановления в избирательных правах детей кулаков» указывалось: «Дети выселенных кулаков, как находящиеся в

местах ссылки, так и вне ее, и достигшие совершеннолетия, восстанавливаются в избирательных правах районными исполкомами по месту жительства при условии, если они занимаются общественно полезным трудом и добросовестно работают»⁸⁴.

Что касается взрослых, то восстановление их в избирательных правах до 1935 года производилось строго в индивидуальном порядке по истечении, как правило, 5-летнего срока с момента выселения и при наличии положительных характеристик о поведении и работе. Первый опыт освобождения спецпереселенцев — передовиков производства был произведен в 1932 году. В письме Г. Г. Ягоды от 5 мая 1932 года, адресованном начальникам ПП ОГПУ ряда областей, краев и республик, говорилось: «ЦИК СССР досрочно восстановил в правах спецпереселенцев в Вашем Крае по прилагаемому при сем списку... На общих собраниях широко объявить во всех без исключения спецпоселках Вашего Края (Области) о досрочном восстановлении ЦИК СССР по ходатайству ОГПУ и хозорганизаций этой группы спецпереселенцев, доказавших своей честной работой, высокой производительностью труда и поведением лояльное отношение к Советской власти... Среди восстановленных в правах провести широкую кампанию, с тем чтобы они добровольно остались жить и работать на тех предприятиях, на которых они работают в данный момент... Восстановленные лица имеют право выезда из спецпоселка, пользуются всеми правами граждан СССР, и к ним не могут быть применены никакие меры ограничения...»⁸⁵.

Практика восстановления спецпереселенцев в гражданских правах была законодательно закреплена специальным постановлением ЦИК СССР от 27 мая 1934 года⁸⁶. Большинство освобожденных спецпереселенцев, несмотря на проводившуюся с ними пропагандистскую работу, выезжало из мест поселений, что вызывало серьезную озабоченность руководства ОГПУ — НКВД. 2 января 1935 года М. Д. Берман в письменном рапорте на имя Г. Г. Ягоды отмечал: «...На 1 ноября 1934 года со дня существования трудпоселков всего восстановлено в правах 8 505 семей — 31 364 человека, из ко-

торых осталось в трудпоселках 2 488 семей — 7 857 человек, или 25,1% к числу восстановленных... По Северному Краю из восстановленных в правах 9 621 чел. осталось в трудпоселках 968 человек... Для недопущения в будущем подобных явлений считаю необходимым предложить Нач. Управлений УНКВД следующее: 1. Воспретить массовое восстановление спецпереселенцев в гражданских правах; 2. Восстанавливать в правах в индивидуальном порядке исключительно хозяйственно закрепившихся спецпереселенцев в местах их вселения; 3. Развернуть массовую работу среди восстанавливаемых спецпереселенцев по их добровольному закреплению в трудпоселках; 4. Не допускать возвращения восстановленных в правах спецпереселенцев в районы их прежнего местожительства...»⁸⁷.

На этом рапорте Г. Г. Ягода поставил резолюцию: «Надо немедленно дать указание, что восстановление в правах не дает права отъезда. Если нет закона, то надо войти или в ЦК или в ЦИК. Составьте записку и приведите эти цифры. 5.1. Г. Я.»⁸⁸. Не удовлетворившись этим, Г. Г. Ягода написал И. В. Сталину письмо следующего содержания (письмо датировано 17 января 1935 года):

«Постановлением ЦИК СССР от 27/V-34 года о восстановлении трудпоселенцев в гражданских правах, безусловно, предполагалось оседание восстановленных в местах поселения.

Однако, поскольку специального пункта в закон внесено не было, по мере восстановления в правах отмечены массовые выезды трудпоселенцев из мест поселения, что срывает мероприятия по освоению необжитых мест.

Вместе с тем, возвращение восстановленных трудпоселенцев в те края, откуда они были выселены, политически нежелательно.

Считаю целесообразным издание ЦИКом Союза ССР дополнения к постановлению от 27 мая 1934 года, где должно быть указано, что восстановление в правах трудпоселенцев не дает им права выезда из места вселения»⁸⁹.

В постановлении ЦИК СССР от 25 января 1935 года говорилось: «Восстановление в гражданских правах высланных

кулаков не дает им права выезда из мест поселений»⁹⁰. Это сильно девальвировало понятие «восстановление в правах». Если в 1932—1934 годах восстановление в избирательных правах во многих случаях влекло за собой и освобождение из «кулацкой ссылки» и получение вслед за этим более или менее полноценного статуса полноправного гражданина, то с 1935 года положение довольно резко изменилось. Теперь восстановленные в правах лишались возможности выезда из трудпоселков и сохраняли статус трудпоселенцев. Для них это событие мало что теперь меняло в их жизни, за исключением снятия некоторых ограничений по передвижению, выбору работы и места жительства внутри «кулацкой ссылки». Фактически в таком же положении оказались и остававшиеся в «кулацкой ссылке» восстановленные в правах в 1932—1934 годах, однако некоторым из числа последних в 1938—1941 годах по решениям местных органов власти было разрешено покинуть трудпоселки и выехать к избранным ими местам жительства⁹¹.

С 1932 года установилась практика ограничений распространения соответствующих прав на членов семей, восстановленных в правах. Это право распространялось только на жен и детей восстановленных в правах, а остальных членов семьи (родители, братья, сестры и др.) это не касалось. Если семья состояла из отца, матери и детей и в правах восстанавливался отец, то соответствующие права получали все члены данной семьи, а если в правах в такой семье восстанавливался кто-то из детей, не состоящий в браке и не имеющий собственных детей, то он (она) оставался единственным членом семьи, обладающим таким правом. В 1935—1936 годах было восстановлено в правах 115 676 трудпоселенцев⁹².

Однако восстановление в избирательных правах отнюдь не являлось синонимом полноправности. Трудпоселенцы по-прежнему ощущали себя несвободными, неполноправными людьми. В соответствии со статьей 135, принятой 5 декабря 1936 года, Конституции СССР трудпоселенцы были объявлены полноправными гражданами. На рубеже 1936/37 годов в трудпоселках царил эмоциональный подъем; многие надея-

лись, что им скоро разрешат вернуться в родные села и деревни. Вскоре наступило разочарование. Трудпоселенцам внушали, что хотя они и имеют теперь статус полноправных граждан, но... без права покинуть установленное место жительства. Это обстоятельство делало «полноправие» трудпоселенцев декларативным. В августе 1937 года И. И. Плинер писал Н. И. Ежову в докладной записке: «За последние три-четыре месяца усилилась подача жалоб трудпоселенцами в центральные и местные правительственные учреждения, в которых они жалуются на то, что, несмотря на принятие новой Конституции, в их правовом положении не произошло никаких изменений»⁹³.

В конце 1936 — начале 1937 годов имели место отдельные факты возвращения бывших кулаков в села и деревни, где они проживали до раскулачивания. Некоторым из них по решениям местных органов власти были предоставлены дома, приусадебные участки и возвращена часть конфискованного движимого имущества. Однако подобная практика уже весной 1937 года была пресечена. В разъяснении Генерального прокурора СССР А. Я. Вышинского от 14 апреля 1937 года, направленном в СНК СССР, отмечалось, что «лица, высланные за конкретные преступления или как социально опасный элемент на определенный срок, по отбытии этого срока имеют право вернуться в прежние места жительства», а лица, «высланные в порядке раскулачивания в спецпоселки, в силу постановления ЦИК СССР от 25/I—1935 года (Собр. Зак. СССР 1935 г. № 7 ст. 57) права возвращения в прежние места жительства не имеют»⁹⁴. А в разъяснении Наркомата юстиции СССР от 14 апреля 1937 года говорилось, что ст. 135 Конституции СССР «не имеет никакого отношения к вопросу о ссылке и высылке» и «ранее высланные не имеют права требовать своего возвращения на места прежнего жительства со ссылкой на 135 ст. Конституции СССР»⁹⁵.

После принятия Конституции СССР 5 декабря 1936 года трудпоселенцы, как и все взрослые граждане, вносились в списки избирателей и участвовали в выборах в Верховный Совет СССР, республиканские и местные Советы. Например, в

постановлении Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 октября 1939 года «О ходе подготовки к выборам в местные Советы депутатов трудящихся» указывалось: «Установить, что в спецпоселениях избирательные округа и избирательные участки по выборам в краевые, областные, окружные и сельские Советы депутатов трудящихся образуются на общих основаниях»⁹⁶.

Все это, однако, не могло заслонить в сознании трудпоселенцев очевидного факта, что они лишены свободы и фактически находятся в ссылке. Естественным поэтому было стремление несвободных людей вырваться на свободу. Широкий размах приняло бегство из «кулацкой ссылки», благо бежать из трудпоселка было несравненно легче, чем из тюрьмы или лагеря. Только с 1932 по 1940 года из «кулацкой ссылки» бежали 629 042 человека, а было возвращено из бегов за тот же период — 235 120 человек (табл. 2). Причем в некоторых районах сосредоточения «кулацкой ссылки» количество бежавших превысило число оставшихся в трудпоселках. Так, в 1938 году специальная комиссия НКВД обследовала трудпоселки в Архангельской области и установила, что из 89,7 тыс. состоявших здесь на учете трудпоселенцев 38,7 тыс. находились в наличии, а 51,0 тыс. числились в бегах. Активного розыска беглецов обычно не велось. В той же Архангельской области коменданты трудпоселков объявляли их розыск только в том случае, если им случайно удавалось узнать, где проживают бежавшие⁹⁷.

До 1937 года количество бежавших было значительно больше, чем возвращенных из бегов, но эта разница из года в год неуклонно сокращалась. В 1932 году бежавших было в 5,5 раза больше, чем извращенных из бегов, в 1933 году — в 4,0 раза, в 1934 году — на 92,8%, 1935 году — 29,6%, 1936 году — 13,5% и в 1937 году — на 16,0%. С 1938 года картина изменилась: теперь уже, наоборот, возвращенных из бегов стало больше, чем бежавших: в 1938 году — на 12,6%, в 1939 году — на 12,9%, в 1940 году — на 3,0% (см. табл. 2.).

Трудно определить состав бежавших по возрасту, полу, национальности и т. д. В отчетах местных органов ОПТУ —

НКВД иногда в общей форме констатировалось, что побеги совершают в основном юноши и молодые неженатые мужчины. Это, конечно, не могло не сказаться на трансформации половозрастного состава трудпоселенцев в сторону повышения удельного веса женщин, детей, а также мужчин старших возрастов.

Массовые побеги в основном молодых и здоровых людей приводили к существенному понижению доли трудоспособного контингента в составе трудпоселенцев. Например, в 1934 году в трудпоселках «Западолеса», расположенных в Коми-Пермяцком округе, Ныробском и Красновишерском районах нынешней Пермской области (Пермском крае) (это были не все трудпоселки системы «Западолеса»), было выявлено более 2 тыс. семей с количеством до 5 тыс. человек, не имевших в своем составе ни одного трудоспособного. Эти семьи целиком состояли из инвалидов, вдов с малолетними детьми, стариков и прочих нетрудоспособных лиц⁹⁸.

Беглецам зачастую весьма сложно было адаптироваться вне «кулацкой ссылки». Это вызывалось не только отсутствием нужных документов и характеристик для прописки и устройства на работу, но и необходимостью скрывать свою подлинную биографию, невозможностью возвратиться в родные селения, где они жили до раскулачивания и др. Все эти обстоятельства весьма усложняли жизнь беглецам и перспективы ее устройства «на воле». Однако наряду с этими обстоятельствами беглецам приходилось сталкиваться с факторами морально-психологического характера. Вырвавшись из «кулацкой ссылки», они как бы попадали в другую социальную среду, с несколько иным менталитетом и ценностными ориентирами. Например, при тогдашнем менталитете в обществе преобладало одобрительное и даже восторженное отношение к ликвидации кулачества как класса и выселению кулаков в «холодные края», а беглецам из «кулацкой ссылки» приходилось делать над собой усилия, чтобы подлаживаться под эти настроения.

После нескольких лет жизни в «кулацкой ссылке» побег нередко влек за собой серьезные материальные потери, так как приходилось бросать построенные собственными руками

жилища, относительно налаженное приусадебное хозяйство и др. Ту часть беглецов, которая в той или иной степени адаптировалась в местах высылки, после побега чаще всего ожидало разочарование, вызванное практической невозможностью достаточно быстро компенсировать указанные потери. Если в «кулацкой ссылке» они прошли мучительный процесс адаптации, то после побега из нее им предстояло как бы повторить этот процесс, может быть, не столь мучительный, но далеко не легкий. И далеко не все были к этому готовы. Сюда же накладывалась ностальгия по своим родным и близким, оставшимся в местах высылки.

Руководствуясь этими мотивами, а также сталкиваясь «на воле» с многочисленными сложностями при адаптации как в бытовом, так и в морально-психологическом плане, десятки тысяч беглецов принимали решение вернуться в трудпоселки. В начале 1930-х годов добровольные возвращения беглецов в спецпоселки были редкостью, но по мере налаживания там более или менее нормальной жизни их число неуклонно увеличивалось (см. табл. 5). Это было возвращение в родную социальную среду с ее особым менталитетом и морально-психологическим климатом, общей трагической судьбой, где бывшие беглецы в психологическом плане чувствовали себя более комфортно.

Таблица 5. Возвращение беглецов в «кулацкую ссылку»
в 1935—1939 годах*

Годы	Всего (чел.)	в том числе			
		наильно возвращенные		добровольно вернувшиеся	
		чел.	в %	чел.	в %
1935	33 238	20 133	60,6	13 105	39,4
1936	23 075	12 929	56,0	10 146	44,0
1937	17 384	9 418	54,2	7 966	45,8
1938	10 939	5 382	49,2	5 557	50,8
1939	8 290	4 493	54,2	3 797	45,8

* ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 209—214.

До 1933 года спецпереселенцы почти полностью состояли из раскулаченных крестьян. В дальнейшем в их составе появилась сравнительно небольшая «примесь» в лице других категорий. В спецпоселки выселялись колхозники и единоличники по обвинениям в срыве и саботаже хлебозаготовительной и других кампаний, городской деклассированный элемент, «неблагонадежный элемент» из погранзон, а также лица, осужденные органами ОГПУ и судами на сроки от 3 до 5 лет с заменой отбывания срока в местах лишения свободы высылкой в спецпоселки. Специальным постановлением СНК СССР от 26 апреля 1933 года городской деклассированный элемент, лица, высланные в связи с паспортизацией, а также осужденные органами ОГПУ и судами на срок от 3 до 5 лет с заменой отбывания срока высылкой в спецпоселки, во всех отношениях были приравнены к спецпереселенцам⁹⁹.

Во время проведения паспортизации весной и летом 1933 года в Москве, Ленинграде и некоторых других крупных городах был проведен ряд крупномасштабных облав на бродяг, нищих, проституток и прочих полууголовных и уголовных элементов, уклонявшихся от «добровольного» выезда из этих городов на соответствующее расстояние (в Москве и Ленинграде — за 101-й километр, в Харькове — за 51-й километр и др.). Уже к 15 мая 1933 года в спецпоселки Западной Сибири из городов европейской части СССР поступило 7985 человек «деклассированного соцвредного элемента»¹⁰⁰. Деклассированные элементы были начисто лишены такого качества, как трудолюбие. Этим они резко отличались от выселенных крестьян. Коменданты трудпоселков всеми силами старались избавиться от «трудового» пополнения в лице бродяг, нищих и т. п.

В 1933 году были предприняты попытки организовать цыганские трудпоселки. Объектом этой идеи стали цыгане, кочевавшие в Подмосковье. В рапорте И. И. Плинера на имя Г. Г. Ягоды от 10 июля 1933 года отмечалось: «Доношу, что операция выселения т. н. «иностраннных» цыган из окрестностей Москвы, начатая 28 июня, окончена 9 июля. Всего за этот период изъято и выселено 1008 семей, 5470 человек, в том числе 1440 мужчин, 1506 женщин и 2524 детей. Весь указанный кон-

тингент направлен в гор. Томск в трудпоселки ОГПУ Зап. Сиб. края, где будет расселен в отдельных поселках по национальному признаку...»¹⁰¹. Для транспортировки этих цыган было сформировано пять эшелонов, куда погрузили также принадлежавшее им имущество, включая лошадей. Однако идея цыганских трудпоселков рухнула в самой начальной стадии ее осуществления. Цыгане, прибыв в места высылки, упорно не желали здесь обжиться и при первой же возможности совершали массовые побеги. Уже осенью 1933 года этот контингент трудпоселенцев фактически перестал существовать, так как почти все цыгане бежали. В документах нами не обнаружено никаких указаний о предпринятых мерах по возвращению их назад в места высылки.

В середине 1930-х годов происходил заметный переход от социально-классового принципа выселения больших масс людей к национальному. При этом было бы ошибкой возводить «китайскую стену» между принципами, на основании которых происходило раскулачивание, и мотивами последующих этнических чисток. На самом деле они гораздо больше взаимосвязаны, чем это кажется на первый взгляд. Например, на Украине и в Белоруссии в период кампании по раскулачиванию местные немцы и поляки рассматривались чуть ли не как поголовные кулаки. Среди отправленных в «кулацкую ссылку» из числа раскулаченных на Украине и в Белоруссии доля поляков была непропорционально велика¹⁰². Это являлось следствием того, что на практике применялся комбинированный социально-классовый и этнический принцип выселения — одновременно и антикулацкий, и антипольский. Таким образом, еще в ходе «ликвидации кулачества как класса» в 1930—1933 годах (при которой национальность человека вроде бы не должна была иметь никакого значения) вызревали симптомы грядущих «чисток» по этническому признаку.

Первой депортацией, которую можно квалифицировать как частичную этническую чистку, стало выселение весной 1935 года финского населения из погранполосы Ленинградской области и Карелии (решение об этом было принято Бюро Ленинградского обкома ВКП(б) 4 марта 1935 года). Всего то-

гда было выселено 5059 финских семей общей численностью 23 217 человек, из них 1556 человек попали в трудпоселки Западной Сибири, 7354 — Свердловской области, 1998 — Киргизии, 3886 — Таджикистана, 2122 — Северного Казахстана и 6301 — Южного Казахстана¹⁰³. Эти люди сразу же получили статус трудпоселенцев, т. е. включены в контингент «бывшие кулаки», и в последующем никогда из него не вычленились.

По постановлению СНК СССР № 776—120сс от 28 апреля 1936 года была произведена основательная «очистка» от польского населения 800-метровой полосы вдоль тогдашней советско-польской границы. Всего, по данным на 11 октября 1936 года, были выселены 69 283 человека¹⁰⁴. В течение четырех лет они находились в Казахстане в неопределенном правовом статусе, пока, наконец, по приказу ГУЛАГа от 30 октября 1940 года не были приравнены к трудпоселенцам (к этому времени их численность на поселении в Казахстане уменьшилась до 41 772 человек)¹⁰⁵. Кроме того, ряды трудпоселенцев пополнили несколько тысяч выселенных в 1937 году из Закавказья курдов.

Включение десятков тысяч «неблагонадежных элементов» в состав трудпоселенцев приводило к тому, что термины «трудпоселенцы» и «бывшие кулаки» все меньше становились синонимами. В конце 1940 года в состав 977 110 трудпоселенцев 888 449 человек, или 90,9%, являлись раскулаченными крестьянами с семьями, а 88 661 человек (9,1%) были, так сказать, «примесью» из числа высланных из крупных городов, погранзон и др. (включая выселенных в течение 1935—1937 годов финнов, поляков, курдов)¹⁰⁶.

В течение 1930-х годов постепенно шла на убыль готовность наиболее непримиримой части спецпереселенцев к вооруженной борьбе за изменение своей жизни. В начале 1930-х годов в местах спецпоселений имели место попытки организации партизанских отрядов, а иногда даже повстанческого войска. Самое крупное спецпереселенческое восстание за всю историю существования спецпоселенческой системы произошло в конце июля 1931 года в зоне Парбигской коммандатуры в Нарымском крае. В нем участвовало до 1,5 тыс.

спецпереселенцев. Восстание было подавлено силами ОГПУ, милиции и вооруженного партийно-комсомольского актива. Потери у восставших только убитыми составили 105 человек. Организаторы этого восстания были осуждены, а часть активных участников (несколько сотен человек, включая членов семей) отправлена на поселение в зону отдаленной штрафной Александрово-Ваховской комендатуры¹⁰⁷. Позднее же действия подобного рода в «кулацкой ссылке» если полностью и не прекратились, то, во всяком случае, были сильно минимизированы.

В начале 1930-х годов в спецпереселенческой среде были распространены «интервенционистские ожидания», суть которых сводилась к тому, что какое-то иностранное государство скоро нападет на Советский Союз и освободит их. Некоторые даже нашествия японских самураев ожидали как спасения. К середине 1930-х годов подобные настроения довольно резко пошли на убыль. Один из спецпереселенцев, бывший «зажиточный труженик», как он себя назвал, А. И. Панов (Северный край) в апреле 1936 года писал Сталину: «Нет никаких оснований опасаться, что в случае войны эти люди станут вредить словом или делом. Давно прошло то время, когда они мечтали о войне, как об избавлении и средстве восстановления царского строя. Было это да прошло! Давно они поняли, что победа японцев ли, германцев ли будет означать великую кабалу, что в результате таковой придется выплачивать все многомиллиардные царские долги с процентами за многие годы, что все лучшие земли отойдут победителям, что мы окажемся тем навозом, на который будут насаждать свою “цивилизацию”, свою “арийскую” или “самурайскую” “культуру”, что миллионы молодежи — цвет наций, населяющих Советский Союз (а в том числе и их дети), погибнут и т. д.». И. В. Сталин, прочитав это письмо, передал его Я. А. Яковлеву (заведующий Сельхозотделом ЦК), который написал: «Письмо умного, хитрого врага»¹⁰⁸.

Судя по этой резолюции, Сталин не поверил в искренность автора письма. И напрасно. Письмо было, безусловно, искренним, и в нем отражался наступивший перелом в созна-

нии основной массы спецпереселенцев относительно своего поведения в случае иностранной военной интервенции — от потенциально коллаборационистского к патриотическому.

Десятки трудпоселков были организованы в непосредственной близости от государственной границы СССР. По данным на 1 января 1938 года, дислоцированными в пограничной зоне (на расстоянии менее 100 км от границы) являлись 129 трудпоселков с количеством трудпоселенцев в них 55 969 человек, из них в Мурманской обл. — соответственно 8 и 16 513, Ленинградской — 2 и 3494, Таджикской ССР — 17 и 9434, Казахской ССР — 12 и 5241, Дальневосточном крае — 43 и 12988, Украинской ССР — 44 и 7108, Красноярском крае — 3 и 750¹⁰⁹. Причем в понятие «граница» входило и побережье морей. Так, все указанные выше трудпоселки, находившиеся в Украинской ССР (территория нынешней Херсонской области), были отнесены к пограничным на том основании, что они располагались на расстоянии менее 100 км от Черного моря.

Некоторые трудпоселенцы убегали за границу. Но это были единичные случаи. Что касается основной массы трудпоселенцев, проживавших в непосредственной близости от границы, то чекисты и пограничники никогда не усматривали в их поведении каких-либо признаков, которые можно было бы истолковать как намерение уйти в сопредельные страны (Финляндию, Афганистан, Китай). Такое поведение трудпоселенцев нельзя объяснять только боязнью задержания при попытке перехода границы и последующего сурового наказания. Оно проистекало из традиционной крестьянской психологии, согласно которой другие страны рассматривались как чужой, «басурманский» мир. Свое же государство, которое хоть их и ограбило и выселило из родных селений, по-прежнему считалось своим государством, своей страной, родиной в широком плане. Трудпоселенцы были составной частью той геополитической и этносоциальной общности, называвшейся тогда советским народом, хотя судьба и забросила их как бы на обочину этой общности. Но только на обочину, а не вне ее. Несмотря на серьезные претензии к собственному государству, эти люди не могли преодолеть в себе психологиче-

ский барьер, позволявший перейти в «басурманский» мир, в чужую этносоциальную среду. К тому же было ясно, что за кордоном им земли не дадут, что их там скорее всего ожидает участь безземельных чужаков и изгоев, а трудпоселенцы по духу оставались крестьянами, нацеленными на ведение индивидуального сельского хозяйства.

В 1930-х годах шел не только процесс направления людей в «кулацкую ссылку», но и имел место незначительный обратный процесс — процесс освобождения оттуда. Например, только в 1934—1938 годах из «кулацкой ссылки» было освобождено 31 515 человек как «неправильно высланных»¹¹⁰. Десятки тысяч людей были освобождены в связи с направлением на учебу, вступлением в брак с нетрудпоселенцами, передачей на иждивение и по другим причинам. Однако эти факты освобождения не имели широкого размаха и не могли серьезно подорвать «кулацкую ссылку».

Одним из каналов освобождения из «кулацкой ссылки» являлась передача на иждивение. В циркулярном распоряжении ГУЛАГа от 29 декабря 1931 года подчеркивалось, что передачу на иждивение следует производить только в крайних случаях¹¹¹. На практике же эти «крайние случаи» исчислялись десятками тысяч. Коменданты трудпоселков вынуждены были оформлять передачу на иждивение одиноких инвалидов, больных неизлечимым недугом, престарелых, которые не могли самостоятельно обеспечить свое существование. Передача этих людей их родственникам — свободным гражданам, а также в дома старчества и т. п. осуществлялась только после того, как выяснялось, что в трудпоселках некому взять их на иждивение. Только в 1934—1938 годах из «кулацкой ссылки» было освобождено посредством передачи на иждивение 33 565 человек¹¹².

Первым правовым актом, реализация которого стала впоследствии (в конце 1940-х — начале 50-х годов) одним из главных каналов ликвидации «кулацкой ссылки», было постановление СНК СССР № 1143-280с от 22 октября 1938 года «О выдаче паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных», текст которого приводится ниже полностью:

«Детям спецпереселенцев и ссыльных при достижении ими 16-летнего возраста, если они ничем не опорочены, паспорта выдавать на общих основаниях и не чинить им препятствия к выезду на учебу или на работу.

В целях ограничения въезда их в режимные местности, в графе 10 в выдаваемых паспортах делать ссылку на пункт 11 постановления СНК СССР № 861 от 28 апреля 1933 года, предусмотренную постановлением СНК СССР от 8 августа 1936 года за № 1441»¹¹³.

Согласно этому постановлению, дети трудпоселенцев, если они лично ничем не были опорочены, по достижении 16-летнего возраста на персональный учета Отдела трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР не ставились. 16-летние юноши и девушки получали паспорта на общих основаниях и могли покинуть трудпоселки, но с ограничением проживания в режимных местностях. Однако в первые месяцы после выхода этого постановления никаких освобождений не производилось, так как сотрудники Отдела трудовых поселений, ОМЗ УНКВД и комендатур не знали, по какому принципу это делать. Причем они никак не могли получить соответствующего разъяснения от вышестоящих инстанций. В одной из докладных записок Отдела трудовых поселений в ЦК ВКП(б) говорилось: «Необходимо разъяснение, как применять постановление от 22/X—1938 года к достигшим 16-летнего возраста: к моменту издания постановления и позже или же ко всем детям трудпоселенцев, которые в момент высылки были моложе 16 лет. СНК дать такое разъяснение отказался. Необходимо ведомственное разъяснение, так как на местах идет большая путаница в этом вопросе»¹¹⁴.

В разъяснении зам. наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышева от 27 января 1939 года, направленном начальникам управлений РК милиции республик, краев и областей, указывалось, что паспорта «выдаются только детям спецпереселенцев и ссыльных, которым сейчас исполнилось 16 лет, если они лично ничем не опорочены и если они из спецпоселков и мест ссылки выезжают на учебу или на работу»¹¹⁵. Из этого разъяснения вытекало, что круг претендентов

на освобождение по постановлению СНК СССР от 22 октября 1938 года ограничивался узкими возрастными рамками 1922—1923 годов рождения, да и то с оговорками (выезд на работу или учебу, отсутствие порочащих данных). В 1939 году по указанному постановлению СНК СССР из «кулацкой ссылки» было освобождено 1824 человека, что составляло менее 0,2% от общей численности трудпоселенцев на 1 января 1939 года¹¹⁶.

Практика освобождения и выдачи паспортов по постановлению СНК СССР от 22 октября 1938 года только для лиц 1922—1923 годов рождения вызывала недовольство десятков тысяч трудпоселенцев более старших возрастов, но которые в свое время в момент поступления в «кулацкую ссылку» были моложе 16 лет. От них и их родителей в различные инстанции поступали соответствующие прошения. В ряде случаев местные органы НКВД, а также местные партийные и советские органы признавали доводы этих людей вполне справедливыми и отмечали это в своих отчетах и докладных записках в республиканские и общесоюзные органы.

Все это возымело действие. В докладной записке зам. председателя СНК СССР А. Я. Вышинского от 11 ноября 1939 года на имя В. М. Молотова выражалось несогласие с разъяснением В. В. Чернышева от 27 января 1939 года. «...Так как это разъяснение ограничивает право выезда на учебу и на работу детей спецпереселенцев и ссыльных, достигших шестнадцатилетнего возраста до издания вышеуказанного Постановления СНК СССР, — отмечал А. Я. Вышинский, — полагаю необходимым указанное разъяснение НКВД СССР отменить. Т.т. Вознесенский и Булганин проголосовали за отмену этого разъяснения. Прошу Ваших указаний». На этом документе В. М. Молотов поставил резолюцию: «За отмену незаконного распоряжения т. Чернышева. В. Молотов»¹¹⁷. В письме А. Я. Вышинского от 21 ноября 1939 года на имя В. В. Чернышева (копия — прокурору СССР М. И. Панкратьеву) говорилось, что СНК СССР отменяет разъяснение НКВД СССР от 27 января 1939 года¹¹⁸.

В связи с отменой в конце 1939 года январского (1939 год) разъяснения НКВД СССР, фактически ограничивавшего круг освобождаемых по постановлению СНК СССР от 22 октября 1938 года только лицами 1922—1923 годов рождения, ситуация с этой проблемой в 1940 году резко изменилась. Теперь на освобождение по этому постановлению могли претендовать трудпоселенцы, которым в момент поступления в «кулацкую ссылку» в 1930—1931 годах и позднее не было 16 лет. Нижняя планка претендентов на освобождение опустилась до значительного числа лиц 1915—1916 годов рождения, а верхняя передвинулась в 1940 год на лиц 1924 года рождения (по мере достижения 16-летнего возраста). В 1940 году по постановлению СНК СССР от 22 октября 1938 года был освобожден 77 661 трудпоселенец, или в 42,6 раза больше, чем в 1939 году¹¹⁹.

Освобождение в 1939—1940 годах почти 80 тыс. молодых трудпоселенцев по постановлению СНК СССР от 22 октября 1938 года отнюдь не означало, что в «кулацкой ссылке» не осталось людей соответствующих возрастов. В ней продолжали находиться десятки тысяч людей, которые по возрасту могли бы быть освобождены. Одни по каким-то причинам не подавали соответствующих заявлений и, естественно, продолжали оставаться на учете трудпоселений, другие, подав заявления, не могли четко и внятно объяснить, на какую именно работу или учебу они собираются выехать из трудпоселков. В толковании понятия «порочащие факты» царили субъективизм и волюнтаризм. Случалось, что освобождались почти все подавшие заявления, за исключением имевших в своем активе серьезные правонарушения. В то же время в ряде трудпоселков при рассмотрении заявлений производился значительный отсев за счет включения в «порочащие факты» игру в карты, употребление спиртных напитков, драки и потасовки между подростками, недостаточно вежливую манеру разговора с начальством и др.

Вплоть до 1940 года оставался открытым вопрос о призыве на военную службу бывшей трудпоселенческой молодежи, освобожденной из «кулацкой ссылки» по постановлению СНК СССР от 22 октября 1938 года и другим решениям.

27 февраля 1940 года вышло указание Главного Управления РККА «О порядке приписки к призывным участкам трудпереселенческой молодежи», в котором говорилось (приводим весь текст):

«1. На основании статьи 30 Закона о всеобщей воинской обязанности к категории лиц, сосланных и высланных, относятся также и трудпереселенцы.

Призывников из числа трудпереселенческой молодежи, состоящей на учете местных органов ОТП ГУЛАГ НКВД, к призывным участкам не приписывать, учет их не вести и в Красную Армию и флот не призывать.

Лица, указанные в статье 30 Закона о всеобщей воинской обязанности, также не подлежат приписке к призывным участкам.

2. На основании постановления СНК СССР за № 1143-280с от 22 октября 1938 года, дети трудпоселенцев при достижении 16-летнего возраста, если они лично ничем не опорочены, освобождаются из трудовых поселков с выдачей паспортов, но с ограничением проживания в режимных городах.

Освобожденная из трудовых поселков призывная молодежь подлежит приписке к призывным участкам и призыву в Армию с зачислением в кадровые части по особому указанию НКО СССР»¹²⁰.

Таким образом, указание ГУ РККА от 27 февраля 1940 года подтвердило незыблемость прежней практики, а именно: все лица, сохраняющие статус трудпоселенца, на военную службу не призываются. Исключение делалось только для молодежи, освобожденной по постановлению СНК СССР от 22 октября 1938 года, т. е. для лиц, уже не имевших статуса трудпоселенца.

К концу 1930-х годов подавляющее большинство трудпоселенцев продолжало оставаться без паспортов. Они не выдавались даже трудпоселенцам, работавшим в угольных шахтах и проживавшим в шахтных поселках бок о бок со свободными гражданами. В августе 1939 года зам. наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышев в письме на имя секретаря Президиума Верховного Совета СССР А. Ф. Горкина сообщал: «Труд-

поселенцам, проживающим в зоне шахтных поселков, паспорта выдаваться не будут. Этот контингент будет прописываться по справкам комендатур трудпоселков...»¹²¹. Во второй половине 1939 года некоторым трудпоселенцам, работавшим на строительстве, лесосплаве и в других отраслях народного хозяйства по трудовым соглашениям, заключенным между ними и хозорганами, было разрешено выдавать паспорта с отметкой в графе 10-й: «Годен для проживания в таком-то районе». Лица, вступившие в брак с нетрудпоселенцами, обычно получали право на выезд в избранные ими места жительства и на получение паспортов.

В апреле 1939 года Л. П. Берия представил в ЦК ВКП(б) и СНК СССР на утверждение проект партийно-правительственного постановления об «уточнении правового положения трудпоселенцев». По своей сути проект был ориентирован на наиболее радикальное за все 1930-е годы реформирование «кулацкой ссылки». В частности, предусматривалось упразднение комендатур с возложением функций последних на районные отделы милиции. Однако НКВД сделал все возможное, чтобы не допустить такой «реформы», вследствие которой могла быть нарушена создававшаяся в течение почти десятилетия система «трудовой ссылки». Проект обсуждался и уточнялся на протяжении почти двух лет, пока, наконец, в марте 1941 года руководство НКВД само не уведомило СНК о «неактуальности этого вопроса» и не попросило «проект с обсуждения снять»¹²².

По нашим оценкам, общее число раскулаченных в 1929—1933 годах и позднее крестьян (всех трех групп) могло максимально составлять 3,5 млн, из них порядка 2,1 млн побывали на спецпоселении («кулацкой ссылке»). Всего, по нашим расчетам, в период 1930—1940 годов через спецпоселение в форме «кулацкой ссылки» прошли около 2,3 млн человек, включая «примесь» в лице городского деклассированного элемента, высланного из погранзон «сомнительного элемента» и др. В 1940 году в «кулацкой ссылке» оставалось около 1 млн человек, и, следовательно, убыль за 1930—1940 года составила около 1,3 млн (2,3 млн — 1,0 млн), из них умерших

было не более 600 тыс., а бежавших и освобожденных — свыше 700 тыс.

Экспроприация «эксплуататоров-кулаков» являлась составной частью политики «ликвидации эксплуататорских классов» и оправдывалась «государственными интересами» и «интересами трудового народа». Выселение людей с конфискацией их собственности органически вписывалось в теорию и практику «классовой борьбы» (в их большевистском понимании). Спецпоселенческая система («кулацкая ссылка») зародилась и стремительно росла в условиях «форсированного строительства социализма» и служила местом ссылки и «перевоспитания» для многих из тех, кого политическое руководство и карательные органы рассматривали как мешающих или вредящих указанному строительству. Сюда же была интегрирована идея спецколонизации, т. е. освоения необжитых и малообжитых земель посредством насильственных переселений.

В течение 1930-х годов «кулацкая ссылка» прошла определенные этапы в своем развитии — от зарождения в страшных родовых муках до относительной стабилизации. Сложился особый социальный слой — спецпереселенцы (трудпоселенцы), близкий поначалу по своему положению к политическим ссыльным, но в последующем имевшим тенденцию эволюционировать в сторону обычного гражданского населения. Эта эволюция постоянно находилась в стадии процесса, который по разным причинам то ускорялся, то замедлялся, но... не завершался. Можно сказать, что к 1940 году «кулацкая ссылка» находилась в зените своего развития, а дальше начался ее закат.

Глава 2

СТАЛИНСКИЕ РЕПРЕССИИ

Правда ли, что было осуждено 40 миллионов человек?

К концу 1980-х годов историческая наука оказалась перед острой необходимостью доступа к секретным фондам силовых ведомств (бывшим и настоящим), так как в литературе, по радио и телевидению постоянно назывались разные оценочные, виртуальные цифры репрессий, ничем не подтвержденные, и которых нам, профессиональным историкам, нельзя было вводить в научный оборот без соответствующего документального подтверждения.

Во второй половине 1980-х годов на какое-то время сложилась несколько парадоксальная ситуация, когда снятие запрета на публикацию работ и материалов по этой теме сочеталось с традиционным недостатком источниковой базы, так как соответствующие архивные фонды по-прежнему были закрыты для исследователей. По своему стилю и тональности основная масса публикаций периода горбачевской перестройки (да и позднее тоже) носила, как правило, резко разоблачительный характер, находясь в русле развернутой тогда пропагандистской антисталинской кампании (мы имеем прежде всего в виду многочисленные публицистические статьи и заметки в газетах, журнале «Огонек» и т. п.). Скучность конкретно-исторического материала в этих публикациях с лихвой перекрывалась многократно преувеличенной «самодельной статистикой» жертв репрессий, поражавшей читательскую аудиторию своим гигантизмом.

В начале 1989 года по решению Президиума Академии наук СССР была создана комиссия Отделения истории АН

СССР во главе с членом-корреспондентом Академии наук Ю. А. Поляковым по определению потерь населения. Будучи в составе этой комиссии, мы в числе первых историков получили доступ к ранее не выдававшейся исследователям статистической отчетности ОГПУ — НКВД — МВД — МГБ, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР, находившейся на специальном хранении в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР СССР), переименованном ныне в Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Комиссия Отделения истории действовала в конце 80-х — начале 90-х годов, и уже тогда нами была опубликована серия статей по статистике репрессий, заключенных, спецпоселенцев, перемещенных лиц и т. д.¹²³ В дальнейшем и до настоящего времени мы продолжали эту работу.

Еще в начале 1954 года в МВД СССР была составлена справка на имя Н. С. Хрущева о числе осужденных за контрреволюционные преступления, то есть по 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР и по соответствующим статьям УК других союзных республик, за период 1921—1953 года. (Документ подписали три человека — Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко, министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов и министр юстиции СССР К. П. Горшенин).

В документе говорилось, что, по имеющимся в МВД СССР данным, за период с 1921 года по настоящее время, то есть до начала 1954 года, за контрреволюционные преступления было осуждено Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, Военной коллегией, судами и военными трибуналами 3 777 380 чел., в том числе к высшей мере наказания — 642 980¹²⁴.

В конце 1953 года в МВД СССР была подготовлена еще одна справка. В ней на основе статистической отчетности 1-го спецотдела МВД СССР называлось число осужденных за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления за период с 1 января 1921 года по 1 июля 1953 года — 4 060 306 человек (5 января 1954 года на имя Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева было послано письмо за подписью С. Н. Круглова с содержанием этой информации).

Эта цифра слагалась из 3 777 380 осужденных за контрреволюционные преступления и 282 926 — за другие особо опасные государственные преступления. Последние были осуждены не по 58-й, а по другим приравненным к ней статьям; прежде всего по пп. 2 и 3 ст. 59 (особо опасный бандитизм) и ст. 193-24 (военный шпионаж). К примеру, часть басмачей была осуждена не по 58-й, а по 59-й статье. (См. таблицу № 1).

Таблица 1. Число осужденных за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления в 1921—1953 годах.*

Годы	Всего осужденных (чел.)	в том числе			
		высшая мера	лагеря, колонии и тюрьмы	ссылка и высылка	прочие меры
1	2	3	4	5	6
1921	35 829	9 701	21 724	1 817	2 587
1922	6 003	1 962	2 656	166	1 219
1923	4 794	414	2 336	2 044	—
1924	12 425	2 550	4 151	5 724	—
1925	15 995	2 433	6 851	6 274	437
1926	17 804	990	7 547	8 571	696
1927	26 036	2 363	12 267	11 235	171
1928	33 757	869	16 211	15 640	1 037
1929	56 220	2 109	25 853	24 517	3 741
1930	208 069	20 201	114 443	58 816	14 609
1931	180 696	10 651	105 683	63 269	1 093
1932	141 919	2 728	73 946	36 017	29 228
1933	239 664	2 154	138 903	54 262	44 345
1934	78 999	2 056	59 451	5 994	11 498
1935	267 076	1 229	185 846	33 601	46 400
1936	274 670	1 118	219 418	23 719	30 415
1937	790 665	353 074	429 311	1 366	6 914
1938	554 258	328 618	205 509	16 842	3 289
1939	63 889	2 552	54 666	3 783	2 888
1940	71 806	1 649	65 727	2 142	2 288
1941	75 411	8 011	65 000	1 200	1 210

1942	124 406	23 278	88 809	7 070	5 249
1943	78 441	3 579	68 887	4 787	1 188
1944	75 109	3 029	70 610	649	821
1945	123 248	4 252	116 681	1 647	668
1946	123 294	2 896	117 943	1 498	957
1947	78 810	1 105	76 581	666	458
1948	73 269	—	72 552	419	298
1949	75 125	—	64 509	10 316	300
1950	60 641	475	54 466	5 225	475
1951	54 775	1 609	49 142	3 425	599
1952	28 800	1 612	25 824	773	591
1953 (1-е полугодие)	8 403	198	7 894	38	273
Итого	4 060 306	799 455	2 634 397	413 512	215 942

* ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 201—205; Попов В. П. Государственный террор в советской России. 1923—1953 гг.: источники и их интерпретация // Отечественные архивы, 1992. № 2. С. 28.

Примечание. В период с июня 1947 года по январь 1950 года в СССР была отменена смертная казнь. Этим объясняется отсутствие смертных приговоров в 1948—1949 годах. Под прочими мерами наказания имелись в виду зачет времени нахождения под стражей, принудительное лечение и высылка за границу.

Следует иметь в виду, что понятия «арестованные» и «осужденные» не являются тождественными. В общую численность осужденных не входят те арестованные, которые в ходе предварительного следствия, т. е. до осуждения, умерли, бежали или были освобождены.

Вплоть до конца 1980-х годов в СССР эта информация являлась государственной тайной. Впервые подлинная статистика осужденных за контрреволюционные преступления (3 777 380 за 1921—1953 года) была опубликована в сентябре 1989 года в статье В. Ф. Некрасова в «Комсомольской правде». Затем более подробно эта информация излагалась в статьях А. Н. Дугина (газета «На боевом посту», декабрь 1989 года), В. Н. Земскова и Д. Н. Нохотович («Аргументы и факты», февраль 1990 года), в других публикациях В. Н. Зем-

скова и А. Н. Дугина. Число осужденных за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления (4 060 306 за 1921—1953 года) впервые было обнародовано в 1990 году в одной из статей члена Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлева в газете «Известия». Более подробно эту статистику (I спецотдела МВД) с динамикой по годам опубликовал в 1992 году В. П. Попов в журнале «Отечественные архивы»¹²⁵.

Мы специально привлекаем внимание к этим публикациям, потому что именно в них содержится подлинная статистика политических репрессий. В конце 1980-х — начале 1990-х годов они являлись, образно говоря, каплей в море по сравнению с многочисленными публикациями иного рода, в которых назывались недостоверные цифры, как правило, многократно преувеличенные.

Реакция общественности на публикацию подлинной статистики политических репрессий была неоднозначной. Нередко высказывались предположения, что это фальшивка. Известный публицист А. В. Антонов-Овсеенко, акцентируя внимание на том, что эти документы подписывали такие заинтересованные лица, как Руденко, Круглов и Горшенин, внушал в 1991 году читателям «Литературной газеты»: «Служба дезинформации была на высоте во все времена. При Хрущеве тоже... Итак, за 32 года — менее четырех миллионов. Кому нужны такие преступные справки, понятно»¹²⁶. Несмотря на уверенность А. В. Антонова-Овсеенко, что эта статистика является дезинформацией, мы позволим себе смелость утверждать, что он ошибается. Это подлинная статистика, составленная путем суммирования за 1921—1953 года соответствующих данных, имеющихся в I спецотделе. Этот спецотдел, входивший в разное время в структуру ОГПУ, НКВД, МГБ (с 1953 года и по настоящее время — МВД), занимался сбором полной информации о числе осужденных по политическим мотивам у всех судебных и внесудебных органов. I спецотдел — это орган не дезинформации, а сбора всеобъемлющей объективной информации.

Вслед за А. В. Антоновым-Овсеенко с резкой критикой в наш адрес выступил в 1992 году другой известный публи-

цист — Л. Э. Разгон¹²⁷. Смысл обвинений Антонова-Овсеенко и Разгона сводился к тому, что, мол, В. Н. Земсков занимается фальсификацией, оперируя сфабрикованной статистикой, и что документы, которыми он пользуется, будто бы недостоверны и даже фальшивы. Причем Разгон намекал на то, что Земсков причастен к изготовлению этих фальшивых документов. При этом они не смогли подкрепить подобные обвинения сколько-нибудь убедительными доказательствами. Мои ответы на критику Антонова-Овсеенко и Разгона в наш адрес были опубликованы в 1991—1992 годах в академических журналах «История СССР» и «Социологические исследования»¹²⁸.

Резкое неприятие Антоновым-Овсеенко и Разгоном наших публикаций, опирающихся на архивные документы, вызывалось также их стремлением «спасти» свою «самодельную статистику», не подтверждавшуюся никакими документами и являвшуюся не более чем плодом их собственного фантазирования. Так, Антонов-Овсеенко еще в 1980 году опубликовал в США на английском языке книгу «Портрет тирана», где назвал число арестованных по политическим мотивам только за период 1935—1940 годов — 18,8 млн человек¹²⁹. Наши же публикации, с опорой на архивные документы, прямо разоблачали эту «статистику» как чистое шарлатанство. Отсюда и проистекали их, Антонова-Овсеенко и Разгона, неуклюжие попытки представить дело так, что их «статистика» правильная, а Земсков якобы является фальсификатором и публикует сфабрикованную статистику.

Со стороны Л. Э. Разгона была предпринята попытка противопоставить архивным документам свидетельства репрессированных сотрудников НКВД, с которыми он общался в заключении. По словам Разгона, «в начале 1940 года встретившийся мне на одной из пересылок бывший начальник финансового отдела НКВД на вопрос: "Сколько же посадили?" — призадумался и ответил: знаю, что на 1 января 1939 года в тюрьмах и лагерях находилось около 9 миллионов живых заключенных»¹³⁰. Нам, профессиональным историкам, прекрасно известно, насколько сомнительна подобного рода информация и как опасно вводить ее в научный оборот без тщатель-

ной проверки и перепроверки. Детальное изучение текущей и сводной статистической отчетности НКВД привело, как и следовало ожидать, к опровержению указанного «свидетельства»: в действительности в начале 1939 года в лагерях, колониях и тюрьмах насчитывалось около 2 млн заключенных, из них 1 млн 317 тыс. — в лагерях¹³¹.

Попутно заметим, что общее число заключенных во всех местах лишения свободы (лагеря, колонии, тюрьмы) на определенные даты редко когда превышало 2,5 млн. Обычно оно колебалось в разные периоды от 1,5 млн до 2,5 млн. Наивысшее количество заключенных за всю советскую историю нами зафиксировано по состоянию на 1 января 1950 года — 2 760 095 человек, из них 1 416 300 — в лагерях, 1 145 051 — в колониях и 198 744 — в тюрьмах¹³².

Поэтому нельзя всерьез воспринимать, к примеру, утверждения того же А. В. Антонова-Овсеенко, что после войны в лагерях и колониях ГУЛАГа содержалось 16 млн заключенных¹³³. Надо понимать, что на ту дату, которую имеет в виду Антонов-Овсеенко (1946 год), в лагерях и колониях ГУЛАГа содержалось не 16 млн, а 1,6 млн заключенных. Следует все-таки обращать внимание на запятую между цифрами.

Главную причину роста численности заключенных в конце 1940-х — начале 1950-х годов следует усматривать в успехах правоохранительных органов в борьбе с уголовной преступностью. Это — положительный результат деятельности плеяды прототипов Жеглова и Шарапова из телевизионного фильма «Место встречи изменить нельзя», их успехов в обуздании распоясавшейся уголовной стихии. Что касается политических репрессий, то таковые, конечно, тогда тоже имели место, но по своим масштабам, как это видно из таблиц 1 и 3, намного уступали уровню 1937—1938 годов.

А. В. Антонов-Овсеенко и Л. Э. Разгон были бессильны предотвратить массовый ввод в научный оборот архивных документов, включая и ненавистную им статистику репрессий. Данное направление исторической науки стало прочно опираться на документальную архивную базу (и не только в нашей стране, но и за рубежом). В этой связи в 1999 году

А. В. Антонов-Овсеенко, по-прежнему пребывая в глубоко ошибочном убеждении, что опубликованная Земсковым статистика является фальшивой, а его, Антонова-Овсеенко, «собственная статистика» якобы правильной (в действительности чудовищно извращенной), вновь с прискорбием констатировал: «Служба дезинформации была на высоте во все времена. Жива она и в наши дни, иначе как объяснить “сенсационные” открытия В. Н. Земскова? К сожалению, явно сфальсифицированная (для архива) статистика облетела многие печатные издания и нашла сторонников среди ученых»¹³⁴. Этот «крик души» был не более чем гласом вопиющего в пустыне, бесполезным и безнадежным (для Антонова-Овсеенко). Идея «явно сфальсифицированной (для архива) статистики» уже давно воспринимается в ученом мире как на редкость нелепая и абсурдная; подобные оценки не вызывают иной реакции, кроме недоумения и иронии.

Таков был закономерный результат схватки между профессионализмом и дилетантизмом, ведь в конечном итоге профессионализм обязан победить. «Критика» Антонова-Овсеенко и Разгона в наш адрес находилась тогда в общем русле наступления воинствующего дилетантизма с целью подмять под себя историческую науку, навязать ей свои правила и приемы научного (вернее, псевдонаучного) исследования, с профессиональной точки зрения совершенно неприемлемые.

Свою лепту в фальсификацию вопроса о численности заключенных внес и Н. С. Хрущев, который написал в своих мемуарах: «... Когда Сталин умер, в лагерях находилось до 10 млн человек»¹³⁵. Если даже понимать термин «лагеря» широко, включая в него также колонии и тюрьмы, то и с учетом этого в начале 1953 года насчитывалось около 2,6 млн заключенных¹³⁶. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) хранятся копии докладных записок руководства МВД СССР на имя Н. С. Хрущева с указанием точного числа заключенных, в том числе и на момент смерти И. В. Сталина. Следовательно, Н. С. Хрущев был прекрасно информирован о подлинной численности заключенных и преувеличил ее почти в четыре раза преднамеренно.

Большой резонанс в обществе вызвала публикация Р. А. Медведева в «Московских новостях» (ноябрь 1988 года) о статистике жертв сталинизма¹³⁷. По его подсчетам, за период 1927—1953 годов было репрессировано около 40 млн человек, включая раскулаченных, депортированных, умерших от голода в 1933 году и др. В 1989—1991 годах эта цифра была одной из наиболее популярных при пропаганде преступлений сталинизма и довольно прочно вошла в массовое сознание.

На самом деле такого количества (40 млн) не получается даже при самом расширенном толковании понятия «жертвы репрессий». В эти 40 млн Р. А. Медведев включил 10 млн раскулаченных в 1929—1933 годах (в действительности их было около 4 млн), почти 2 млн выселенных в 1939—1940 годах поляков (в действительности — около 380 тыс.), и в таком духе абсолютно по всем составляющим, из которых слагалась эта астрономическая цифра.

Однако эти 40 млн скоро перестали удовлетворять «растущим потребностям» определенных политических сил в очернении отечественной истории советского периода. В ход пошли «изыскания» американских и других западных советологов, согласно которым в СССР от террора и репрессий погибли 50—60 млн человек. Как и у Р. А. Медведева, все составляющие подобных расчетов были чрезвычайно завышены; разница же в 10—20 млн объяснялась тем, что Р. А. Медведев начал отсчет с 1927 года, а западные советологи — с 1917 года. Если Р. А. Медведев оговаривал в своей статье, что репрессии не всегда смерть, что большая часть раскулаченных осталась жива, что из репрессированных в 1937—1938 годах расстреляна меньшая часть и т. д., то ряд его западных коллег называл цифру в 50—60 млн человек как физически истребленных и умерших в результате террора, репрессий, голода, коллективизации и др. Словом, потрудились над выполнением заказов политиков и спецслужб своих стран с целью дискредитировать в наукообразной форме своего противника по «холодной войне», не гнушаясь фабриковать прямую клевету.

Это, конечно, не означает, что в зарубежной советологии не было исследователей, старавшихся объективно и добросо-

вестно изучать советскую историю. Крупные ученые, специалисты по советской истории А. Гетти (США), С. Виткрофт (Австралия), Р. Дэвис (Англия), Г. Риттершпорн (Франция) и некоторые другие подвергали открытой критике исследования большинства советологов и доказывали, что в действительности число жертв репрессий, коллективизации, голода и т. д. в СССР было значительно меньше¹³⁸.

Однако труды именно этих зарубежных ученых с их несравненно более объективной оценкой масштабов репрессий у нас в стране замалчивались. В массовое сознание активно внедрялось только то, что содержало недостоверную, многократно преувеличенную статистику репрессий. И мифические 50—60 млн скоро затмили собой в массовом сознании роймедведевские 40 миллионов.

Поэтому, когда председатель КГБ СССР В. А. Крючков в своих выступлениях по телевидению называл подлинную статистику политических репрессий (он неоднократно приводил данные по учету в КГБ СССР за 1930—1953 года — 3 778 234 осужденных политических, из них 786 098 приговоренных к расстрелу)¹³⁹, то многие в буквальном смысле не верили своим ушам, полагая, что ослышались. Журналист А. Мильчаков в 1990 году делился с читателями «Вечерней Москвы» своим впечатлением от выступления В. А. Крюčkова: «...И дальше он сказал: таким образом, о десятках миллионов не может быть и речи. Не знаю, сделал ли он это сознательно. Но я знаком с последними широко распространенными исследованиями, которым верю, и прошу читателей «Вечерней Москвы» еще раз внимательно прочитать произведение А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», прошу ознакомиться с опубликованными в «Московском комсомольце» исследованиями известнейшего нашего ученого-литературоведа И. Виноградова. Он называет цифру в 50—60 миллионов человек. Хочу обратить внимание и на исследования американских советологов, которые подтверждают эту цифру. И я в ней глубоко убежден»¹⁴⁰.

Комментарии, как говорится, излишни. Недоверие было проявлено только к документально подтвержденной инфор-

мации и безмерное доверие — к информации противоположного свойства.

Можно констатировать, что информационное противостояние Крючков — Мильчаков в плане влияния на массовое сознание завершилось победой последнего. Почему так произошло? Мильчаков довольно эффектно встал в позу «борца за историческую правду» (на самом деле все было с точностью до наоборот: он в данном случае осознанно или не совсем осознанно выступал как борец за историческую неправду). Ни Солженицын, ни американские советологи, на которых ссылался Мильчаков, не имели доступа в советские секретные архивы, и, следовательно, вся их «статистика» является не более чем плодом их собственного фантазирования. Это понятно профессиональным историкам, но далеко не всем из многомиллионной читательской аудитории, и на их недостаточной компетентности активно спекулировали Мильчаков и ему подобные. На этой зыбкой «источниковой» базе (фактически у него не было никакой источниковой базы) Мильчаков в эмоциональной форме, не без использования действенных методов «психологической войны», как бы «опроверг» те цифры (в действительности достоверные), которые называл Крючков. Это был один из методов обработки общественного сознания, чем-то похожий на зомбирование, по результатам которого подлинная, зафиксированная в документах статистика репрессий в сознании людей отторгалась.

Однако и это еще не было пределом оболванивания общественности. В июне 1991 года в «Комсомольской правде» было опубликовано интервью А. И. Солженицына испанскому телевидению в 1976 году. Из него мы узнаем следующее: «Профессор Курганов косвенным путем подсчитал, что с 1917 года по 1959 только от внутренней войны советского режима против своего народа, то есть от уничтожения его голодом, коллективизацией, ссылкой крестьян на уничтожение, тюрьмами, лагерями, простыми расстрелами, — только от этого у нас погибло, вместе с нашей гражданской войной, 66 миллионов человек... По его подсчетам, мы потеряли во Второй мировой войне от пренебрежительного, от неряшливого ее веде-

ния 44 миллиона человек! И так, всего мы потеряли от социалистического строя — 110 миллионов человек!»¹⁴¹.

На волне этой псевдосенсационной и лживой «статистики» родилась и стала довольно активно пропагандироваться (особенно в публицистике) идея «геноцида собственного народа». Отчасти подобная «идея» (как бы в виде вируса, разъедающего здоровый организм) проникла и в научную среду. Но, если руководствоваться элементарным здравым смыслом, надо понимать: сам термин «геноцид» предполагает, что территория СССР в конечном счете должна была стать почти безлюдной. Однако Всесоюзная перепись населения 1959 года показала, что тогда в СССР жило даже больше людей, чем до Великой Отечественной войны. И как же в свете этого быть с идеей «геноцида собственного народа»? Ведь само понятие «геноцид» означает тотальное или почти тотальное физическое истребление людей! Для нас совершенно очевидно, что идея «геноцида собственного народа» придумана в определенных политических и пропагандистских целях и входит в арсенал клеветнических измышлений озлобленных антисоветчиков.

Чаще всего в качестве примера «геноцида собственного народа» приводится смертность от голода в 1933 году, дескать, это «заранее планировалось». На самом же деле, конечно, такого «планирования» не существовало. Для Политбюро и Правительства разразившийся тогда голод являлся непредвиденным неприятным сюрпризом, и реакция на это была при тогдашних нравах обычной и стандартной: «найти и покарать виновных». В качестве «козлов отпущения» оказались 10 руководящих работников Наркомата земледелия, которые были приговорены к расстрелу якобы за организацию голода в стране¹⁴². На этом примере видно, что политическое руководство СССР в лице И. В. Сталина и его окружения не только не планировало «геноцида собственного народа», но и лица, только заподозренные в чем-то подобном, несли суровое наказание, вплоть до расстрела.

Формулировкой «от пренебрежительного, от неряшливого ее ведения» А. И. Солженицын все людские потери в Великой Отечественной войне фактически приравнивал к умершим и

погибшим в результате коллективизации и голодомора, которые многими историками и публицистами включаются в число жертв политического террора и репрессий. Мы же склонны решительно дистанцироваться от подобного приравнивания.

Оценка этих потерь в 44 млн человек, конечно, чрезвычайно завышена. К общепринятой в последнее время оценке в 27 млн, вошедшей во многие учебники, мы тоже относимся скептически, считая ее завышенной. Не беря в расчет обычную ежегодную смертность населения (а также снижение рождаемости), мы пытались установить людские потери (военные и гражданские), так или иначе связанные именно с боевыми действиями. К потерям вооруженных сил погибшими (около 11,5 млн, включая умерших в плену) прибавлялись потери гражданских добровольческих формирований (ополченцы, партизаны и др.), ленинградских блокадников, жертвы гитлеровского геноцида на оккупированной территории, убитые и замученные советские граждане в фашистских лагерях и др. Итоговая цифра не превышает 16 млн человек.

В средствах массовой информации время от времени, но довольно регулярно приводилась статистика политических репрессий по воспоминаниям О. Г. Шатуновской. Она — бывший член Комитета партийного контроля при ЦК КПСС и комиссии по расследованию убийства С. М. Кирова и политических судебных процессов 30-х годов во времена Н. С. Хрущева. В 1990 году в «Аргументах и фактах» были опубликованы ее воспоминания, где она, ссылаясь на некий документ КГБ СССР, впоследствии якобы таинственно исчезнувший, отмечала: «...С 1 января 1935 года по 22 июня 1941 года было арестовано 19 млн 840 тыс. "врагов народа". Из них 7 млн было расстреляно. Большинство остальных погибло в лагерях»¹⁴³.

Мотивы поступка О. Г. Шатуновской не совсем понятны: то ли она сознательно выдумала эти цифры с целью мести (она была репрессирована), то ли сама стала жертвой какой-то дезинформации. Шатуновская уверяла, что Н. С. Хрущев якобы затребовал справку, в которой приводились эти сенсационные цифры, в 1956 году. Это очень сомнительно. Вся информация о статистике политических репрессий была изло-

жена в двух справках, подготовленных в конце 1953 — начале 1954 года, о которых мы говорили выше.

Мы уверены, что такого документа никогда не существовало. Ведь уместен вопрос: что же мешает ныне находящимся у власти политическим силам, не менее О. Г. Шатуновской заинтересованным, надо полагать, в разоблачении преступлений сталинизма, официально подтвердить статистику Шатуновской со ссылкой на заслуживающий доверия документ? Если, по версии Шатуновской, служба безопасности в 1956 году подготовила такую справку, что же мешало сделать то же самое в 1991—1993 годах и позднее? Даже если сводная справка 1956 году и была уничтожена, то первичные данные сохранились.

Ни Министерство безопасности Российской Федерации (МБРФ, позднее — ФСБ РФ), ни МВД, ни другие органы не могли этого сделать по той простой причине, что вся соответствующая информация, которой они располагают, прямо опровергает статистику Шатуновской.

Утверждение О. Г. Шатуновской, что «большинство остальных погибло в лагерях» (надо полагать, 7—10 млн, если считать от ее виртуальных почти 13 млн «остальных»), разумеется, тоже не соответствует истине. Подобные утверждения могут восприниматься как достоверные только в той среде, где господствуют ошибочные представления, что в ГУЛАГе якобы умерли и погибли десятки миллионов людей. Детальное же изучение статистической отчетности о смертности заключенных дает иную картину. За 1930—1953 годы в местах лишения свободы (лагеря, колонии и тюрьмы) умерло около 1,8 млн заключенных, из них почти 1,2 млн — в лагерях и свыше 0,6 млн — в колониях и тюрьмах¹⁴⁴. Эти подсчеты не оценочные, а основаны на документах. И здесь возникает непростой вопрос: какова доля политических среди этих 1,8 млн умерших заключенных (политических и уголовных). Ответа на этот вопрос в документах нет. Думается, что политические составляли примерно одну треть, т. е. порядка 600 тыс. Этот вывод базируется на том факте, что осужденные за уголовные преступления обычно составляли примерно 2/3 заключен-

ных. Следовательно, из указанного в таблицах 1 и 2 количества приговоренных к отбыванию наказания в лагерях, колониях и тюрьмах приблизительно такое количество (порядка 600 тыс.) не дожило до освобождения (в промежутке времени между 1930 годом и 1953 годом).

Наивысший уровень смертности имел место в 1942—1943 годах: за эти два года в лагерях, колониях и тюрьмах умерло 661,0 тыс. заключенных, что в основном являлось следствием значительного урезания норм питания в связи с чрезвычайной военной обстановкой. В дальнейшем масштабы смертности стали неуклонно снижаться и составили в 1951—1952 годах 45,3 тыс. человек, или в 14,6 раз меньше, чем в 1942—1943 годах¹⁴⁵. При этом хотелось бы обратить внимание на один любопытный нюанс: по имеющимся у нас данным, за 1954 год среди свободного населения Советского Союза на каждые 1000 чел. умерло в среднем 8,9 чел., а в лагерях и колониях ГУЛАГа на каждые 1000 заключенных — только 6,5 чел.¹⁴⁶.

Составной частью системной фальсификации советской истории периода 1930—40-х годов является намеренное отождествление немецких лагерей смерти (особенно Освенцима) с гулаговскими лагерями. Однако отождествлять их, мягко говоря, некорректно. Только за период 1936—1940 годов из лагерей ГУЛАГа (без учета сотен тысяч освобожденных из колоний, тюрем и ссылки) по отбытии установленных сроков и досрочно было освобождено в общей сложности 1 554 394 заключенных, в том числе 369 544 — в 1936 году, 364 437 — в 1937 году, 279 966 — в 1938 году, 223 622 — в 1939 году и 316 825 — в 1940 году¹⁴⁷. Что же касается узников гитлеровского концлагеря Освенцим, то им пути на свободу не было — они сотнями тысяч заживо сжигались в крематориях и газовых камерах. И как же в свете этого можно отождествлять Освенцим и лагеря ГУЛАГа? Ведь некорректность подобного отождествления совершенно очевидна.

В сталинский период и в течение нескольких лет после смерти Сталина система мест заключения была трехчленной и выглядела так: исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) — ис-

правильно-трудовые колонии (ИТК) — тюрьмы. Систему ИТЛ принято называть гулаговскими лагерями. Последние в течение 1956—1961 годов были ликвидированы¹⁴⁸, и установилась существующая и поныне несколько иная система мест заключения, но тоже трехчленная: исправительно-трудовые колонии строгого режима — исправительно-трудовые колонии общего режима — тюрьмы. Причем современные исправительно-трудовые колонии строгого режима мало чем отличаются от бывших гулаговских лагерей.

К сказанному выше надо добавить, что в середине и во второй половине 1950-х годов произошли довольно радикальные качественные изменения в составе заключенных. В этот период стремительно уменьшались численность и удельный вес политических. Из таблицы 2 видно, что с 1 января 1952 года по 1 января 1959 года количество последних в лагерях и колониях ГУЛАГа понизилось в 52,4 раза (с 579 757 до 11 059 человек), а их удельный вес в общем составе заключенных упал с 23,1% до 1,3%.

Таблица 2. Снижение численности и удельного веса политических в составе заключенных лагерей и колоний ГУЛАГа в 1952—1959 годах (без тюрем) (данные на 1 января каждого года)*

Годы	Общее количество заключенных лагерей и колоний	В том числе			
		уголовные		политические	
		чел.	в %	чел.	в %
1952	2 509 788	1 930 031	76,9	579 757	23,1
1953	2 472 247	1 932 764	78,2	539 483	21,8
1954	1 325 003	914 446	69,0	460 557	31,0
1955	1 075 280	766 192	71,2	309 088	28,8
1956	781 630	667 895	85,5	113 735	14,5
1959	862 707	851 648	98,7	11 059	1,3

* ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1356. Л. 139-140; Д. 1398. Л. 9; Д. 1426. Л. 39; Д. 1427. Л. 132-133, 140-141, 177-178; Д. 1429. Л. 2-5.

Обладая документально подтвержденными доказательствами, что статистика О. Г. Шатуновской недостоверна, мы в 1991 году на страницах академического журнала «Социологические исследования» опубликовали соответствующие опровержения¹⁴⁹.

Казалось, что с версией Шатуновской еще тогда вопрос был решен. Но не тут-то было. И по радио, и по телевидению продолжали пропагандироваться ее цифры в довольно навязчивой форме. Например, 5 марта 1992 года в вечерней программе «Новости» диктор Т. Комарова вещала на многомиллионную аудиторию о 19 млн 840 тыс. репрессированных, из них 7 млн расстрелянных в 1935—1940 годах как о якобы безусловно установленном факте. И это происходило в то время, когда историческая наука доказала недостоверность этих сведений и располагала подлинной статистикой.

За счет 10-кратного преувеличения реальных масштабов жертв Большого террора в СССР в 1937—1938 годах (с почти 0,7 млн до 7 млн) отодвигается на второй план совершенное нацистами во главе с Гитлером и Гиммлером действительно самое чудовищное гуманитарное преступление XX века — Холокост (уничтожение 6 млн евреев). Гитлер, Гиммлер и иже с ними уже не выглядят главными гуманитарными преступниками XX века (каковыми они в действительности были), так как на первый план выдвигается тогдашнее советское руководство во главе со Сталиным. И достигается эта поразительная «рокировка» посредством откровенного статистического мошенничества, в результате чего жертв политических репрессий в СССР в 1937—1938 годах (приговоренных к расстрелу) становится на 1 млн больше, чем жертв Холокоста (на самом же деле их было примерно на 5,3 млн меньше).

Ложным является и прошедшее в средствах массовой информации заявление руководителя Центра публикации документов по истории XX века Института всеобщей истории РАН Н. Б. Лебедевой, что в период с 1937 по 1941 год в СССР было репрессировано 11 млн человек¹⁵⁰. При этом она не пояснила, откуда взяла эту цифру, которая всеми имеющимися в нашем распоряжении достоверными документами безоговорочно

опровергается. В недоумении находятся и другие специалисты, причем не исключается версия умышленной фальсификации со стороны Н. Б. Лебедевой. Так, М. А. Колеров в статье, опубликованной в 2011 году в журнале «Родина», делает вывод, что Н. Б. Лебедева «до сих пор, видимо, следует тому предположению, что в идейной борьбе против сталинизма полезней всего не фундированные источниками факты, а произвольные, зато максимальные, поражающие воображение цифры»¹⁵¹. Если же допустить, что Н. Б. Лебедева видела эту цифру (11 млн) в каком-то документе (на который почему-то не сослалась), то, скорее всего, речь идет об общей уголовной статистике за 1937—1941 годы. Но, поскольку мы занимаемся политическими репрессиями, то из этой статистики надо отсеять убийц, насильников, воров, жуликов, взломщиков, взяточников, хулиганов, мошенников всех мастей и прочих осужденных за уголовные преступления.

Уголовных в общем составе осужденных всегда было значительно больше, чем политических. Их нельзя смешивать при разработке проблем политических репрессий, поскольку подавляющее большинство уголовных было осуждено именно за уголовные преступления, без предъявления обвинений политического характера. К тому же политические и уголовные довольно резко отличались друг от друга по ментальности, поведенческой позиции, восприятию в общественном сознании и др. Особенно наглядно эти отличия продемонстрированы в художественном фильме «Холодное лето пятьдесят третьего...», где двое политических ссыльных (их сыграли артисты Приемыхов и Папанов) противостоят группе амнистированных уголовников и по сюжету фильма дело дошло до вооруженной схватки между ними.

2 августа 1992 года в пресс-центре Министерства безопасности Российской Федерации (МБРФ) состоялся брифинг, на котором начальник отдела регистрации и архивных фондов МБРФ генерал-майор А. Краюшкин заявил журналистам и другим приглашенным, что за все время коммунистической власти (1918—1990 года) в СССР по обвинению в государственных преступлениях и некоторым другим статьям уголов-

ного законодательства аналогичного свойства осуждены 3 853 900 человек, 827 995 из них приговорены к расстрелу. В терминологии, прозвучавшей на брифинге, это соответствует формулировке «за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления». Любопытна реакция средств массовой информации на это событие: большинство газет обошли его гробовым молчанием. Одним эти цифры показались слишком большими, другим — слишком маленькими, и в итоге редколлегии газет и журналов различных направлений предпочли не публиковать этот материал, утаив тем самым от своих читателей общественно значимую информацию (умолчание, как известно, одна из форм клеветы). Надо отдать должное редколлегии газеты «Известия», опубликовавшей подробный отчет о брифинге с указанием приводимой там статистики¹⁵².

Примечательно, что в указанных выше данных МБРФ добавление сведений за 1918—1920 и 1954—1990 года принципиально не изменило приводимую нами статистику политических репрессий за период 1921—1953 годов. Сотрудники МБРФ пользовались каким-то другим источником, сведения которого несколько расходятся со статистикой 1-го спецотдела МВД. Сопоставление сведений этих двух источников приводит к весьма неожиданному результату: по информации МБРФ, в 1918—1990 годах по политическим мотивам было осуждено 3 853 900, а по статистике 1-го спецотдела МВД в 1921—1953 годах — 4 060 306 человек. По нашему мнению, такое расхождение следует объяснять отнюдь не неполнотой источника МБРФ, а более строгим подходом составителей этого источника к понятию «жертвы политических репрессий». При работе в ГАРФ с оперативными материалами ОГПУ — НКВД мы обратили внимание, что довольно часто на рассмотрение Коллегии ОГПУ, Особого совещания и других органов представлялись дела как на политических или особо опасных государственных преступников, так и на обычных уголовников, ограбивших заводские склады, колхозные кладовые и т. д. По этой причине они включились в статистику 1-го спецотдела как «контрреволюционеры» и по нынеш-

ним понятиям являются «жертвами политических репрессий» (такое про воров-рецидивистов можно сказать только в насмешку), а в источнике МБРФ они отсеяны.

Проблема отсева уголовников из общего числа осужденных за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления является гораздо серьезнее, нежели это может показаться на первый взгляд. Если в источнике МБРФ и был произведен их отсев, то далеко не полный. В одной из справок, подготовленных I спецотделом МВД СССР в декабре 1953 года, имеется пометка: «Всего осужденных за 1921—1938 года — 2 944 849 чел., из них 30% (1062 тыс.) — уголовники»¹⁵³. Это означает, что в 1921—1938 годах осужденных чисто политических насчитывалось 1883 тыс.; за период же 1921—1953 годов получается не 4060 тыс., а менее 3 млн. Это при условии, если в 1939—1953 годах среди осужденных «контрреволюционеров» не было уголовников, что весьма сомнительно.

В пропаганде, публицистике и кинематографе весьма широко распространен следующий фальсификаторский прием: преступников, заслуженно осужденных за свои преступные деяния, изображать «невинными жертвами сталинизма». Так, по сюжету фильма «Последний бой майора Пугачева», вышедшему на экраны к 9 мая 2005 года, 12 заключенных, являвшихся будто бы невинно осужденными заслуженными офицерами-фронтовиками, поднимают в одном из лагерей нечто вроде восстания. Встает вопрос: а кто же был их прототипами? Выясняется, что подобный факт действительно имел место 26 июля 1948 года: тогда из одного гулаговского лаготделения бежали 12 опасных преступников (один убийца, два полицая и девять бандеровцев), убив при этом троих человек (старшего надзирателя, дежурного по взводу и дежурного по вахте). В ходе их преследования действительно состоялся бой: в завязавшейся перестрелке девять беглецов были убиты, а троих удалось взять живьем¹⁵⁴. И вот в фильме «Последний бой майора Пугачева» эта шайка немецких пособников, участников бандформирований и «мокрушников» чудесным образом трансформируется в «заслуженных офицеров-фронтовиков,

невинно осужденных сталинским правосудием». Это — сознательный фальсификаторский трюк.

В 1997 году В. В. Лунеев опубликовал годовую статистику осужденных политических, взятую из источника КГБ СССР (МБРФ, ФСБ РФ)¹⁵⁵. Это дало возможность составить сравнительную таблицу статистики осужденных в 1921—1952 годах по политическим мотивам (с указанием числа приговоренных к расстрелу) по данным двух источников — I спецотдела МВД СССР и КГБ СССР (см. таблицу 3). По 15 годам из 32 соответствующие показатели этих двух источников в точности совпадают (включая 1937—1938 года); по остальным же 17 годам имеются расхождения, причины которых еще предстоит выяснять.

*Таблица 3. Сравнительная статистика осужденных в 1921—1952 годах по политическим мотивам (по данным I спецотдела МВД СССР и КГБ СССР)**

Годы	По данным I спецотдела МВД СССР		По данным КГБ СССР	
	всего	из них к высшей мере	всего	из них к высшей мере
1	2	3	4	5
1921	35 829	9 701	35 829	9 701
1922	6 003	1 962	6 003	1 962
1923	4 794	414	4 794	414
1924	12 425	2 550	12 425	2 550
1925	15 995	2 433	16 481	2 433
1926	17 804	990	17 804	990
1927	26 036	2 363	26 036	2 363
1928	33 757	869	33 757	869
1929	56 220	2 109	56 220	2 109
1930	208 069	20 201	208 069	20 201
1931	180 696	10 651	33 539	1 481
1932	141 919	2 728	141 919	2 728
1933	239 664	2 154	239 664	2 154
1934	78 999	2 056	78 999	2 056
1935	267 076	1 229	267 076	1 229
1936	274 670	1 118	114 383	1 118
1937	790 665	353 074	790 665	353 074

1938	554 258	328 618	554 258	328 618
1939	63 889	2 552	66 627	2 601
1940	71 806	1 649	75 126	1 863
1941	75 411	8 011	111 384	23 726
1942	124 406	23 278	119 445	26 510
1943	78 441	3 579	96 809	12 569
1944	75 109	3 029	82 425	3 110
1945	123 248	4 252	91 526	2 308
1946	123 294	2 896	105 251	2 273
1947	78 810	1 105	73 714	898
1948	73 269	—	72 017	—
1949	75 125	—	74 778	—
1950	60 641	475	60 908	468
1951	54 775	1 609	55 738	1 602
1952	28 800	1 612	30 307	1 611
Всего за 1921—1952 гг.	4 051 903	799 257	3 753 490	815 579

* ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 201—205; *Попов В. П.* Государственный террор в советской России. 1923—1953 гг.: источники и их интерпретация // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 28; *Лунев В. В.* Преступность XX века. М., 1997. С. 180; *Кудрявцев В. Н., Трусов А. И.* Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 314.

Сравнительная статистика за 1921—1952 года не лишена отдельных странных феноменов. Так, по учету КГБ (ФСБ) за этот период осужденных «контрреволюционеров» получается почти на 300 тыс. меньше, чем по статистике I спецотдела МВД, а приговоренных к смертной казни в их составе — на 16,3 тыс. человек больше. Конечно, основная причина такой ситуации кроется в данных за 1941 год, когда органы госбезопасности учли 23 726 приговоренных к высшей мере по политическим мотивам, а I спецотдел НКВД — только 8011.

Наибольшее расхождение в числе осужденных по политическим мотивам зафиксировано в данных за 1931 год: I спецотдел их насчитал 180 696, а органы госбезопасности — лишь 33 539, т. е. разница в 147 157 человек. Мы скептически относимся к гипотезе, согласно которой органы госбезо-

пасности якобы допустили «оплошность» и «забыли» поставить на свой учет означенные 147 157 человек. Дело, скорее, в другом. Из общего числа осужденных по всем статьям Уголовного Кодекса в 1931 году сотрудники 1 спецотдела усматривали наличие политической подоплеки у 180 696 человек, а сотрудники органов госбезопасности — только у 33 539 человек. Это, на наш взгляд, является одним из наглядных свидетельств очень высокой степени субъективизма, предвзятости и волюнтаризма в выявлении пресловутой «политической подоплеки», и при различных трактовках получился указанный разницей в статистике. В данном случае даже трудно сказать, завышены ли данные 1 спецотдела или, наоборот, занижены данные органов госбезопасности. Во всяком случае, насколько нам известно, в статистике органов госбезопасности учтены все осужденные в 1931 году участники подпольных антисоветских организаций и групп.

Тем не менее, важно, что, несмотря на указанные расхождения, показания этих двух источников за период 1920-х — начала 1950-х годов находятся в рамках одного масштаба.

В этой статистике особое место занимают два года (1937 и 1938), известные как годы Большого террора, когда наблюдался резкий взлет (или скачок) масштаба политических репрессий. За эти два года было осуждено по обвинениям политического характера 1 млн 345 тыс. человек, или 35% от общего их числа за период 1918—1990 годов.

Еще более впечатляющая картина по статистике приговоренных к смертной казни из их числа. Всего за весь советский период их было 828 тыс., из них 682 тыс. (или свыше 82%) приходится на эти два года (1937—1938). На остальные 70 лет советского периода приходится в общей сложности 146 тыс. смертных приговоров по политическим мотивам, или менее 18%.

В данной статистике приговоренных к высшей мере по политическим мотивам наличествуют определенные нестыковки. На указанном брифинге в пресс-центре МБРФ было названо их общее число за весь советский период — 827 995 человек. Однако простой подсчет по годам дает несколько иную цифру — 841 288 только за 1918—1952 годы, без учета приговоренных к

высшей мере по политическим мотивам в 1953 году и в последующие годы, вплоть до конца советской эпохи.

Общее количество осужденных по политическим мотивам по учету КГБ СССР за 1918—1990 года (3 853 900 человек) подразделяется во времени на две неравные части: 3 815 721 — за 1918—1952 года и 38 179 — за 1953—1990 года. Если взять за 100% указанное общее число за 1918—1990 года, то на период 1918—1952 годов приходится 99%, а на период 1953—1990 годов — 1%.

Излюбленным приемом фальсификаторов, утверждающих, что данная статистика «фальшивая», «фальсифицированная», «заниженная» и т. п., является следующий аргумент: часть политических осуждалась по уголовным статьям, которые якобы не учтены в ней, так как, дескать, учитывались только осужденные по 58-й статье. Это неправда. У органов госбезопасности не было такого формалистского подхода, и они ставили на свой учет всех лиц, в действиях которых усматривалась политическая подоплека (реальная или мнимая), независимо от того, осуждены ли они по политической 58-й статье или же по уголовным статьям. Так что в указанную статистику органов госбезопасности (3 853 900 человек за 1918—1990 года) входят все осуждавшиеся по 58-й статье с добавлением тех осуждавшихся по уголовным статьям, в действиях которых усматривалась какая-то политическая подоплека.

Попутно заметим: лживое утверждение о «непонимании» Земсковым того факта, что часть политических осуждалась по уголовным статьям, и, следовательно, публикуемая им статистика является «заниженной» и «недостоверной», активно используется фальсификаторами в закулисной дискредитации нашей скромной персоны.

В арсенале мошеннических приемов фальсификаторов, подвизающихся на поприще «ниспровержения» публикуемой нами статистики, заметное место занимают клеветнические утверждения о «низком профессионализме» Земскова: дескать, он, Земсков, чего-то «не понимает», чего-то «не учитывает» и т. п. В августе 2009 года одна из передач радиостанции «Эхо Москвы» специально была посвящена подобному «нис-

провержению», и там основной аргумент звучал так: Земсков не является специалистом в области сравнительного источниковедения. Это просто чудовищная клевета. На самом деле в кругу соответствующих специалистов мы имеем репутацию одного из лучших, не говоря уже о том, что в бытность нашу студентом Истфака МГУ (1968—1974 года) по источниковедению у нас всегда были только отличные оценки (впрочем, как и по многим другим предметам, в результате чего в 1974 году мы окончили Истфак МГУ с дипломом красного цвета).

Важно отметить, что со стороны крупных ученых в оценке результатов наших исследований принципиальной критики нет. Она в основном исходит из дилетантской и псевдонаучной среды. В солидной же научной литературе (и в нашей стране, и за рубежом), в которой в той или иной мере затрагиваются проблемы политических репрессий, заключенных ГУЛАГа, спецпоселенцев, «кулацкой ссылки» и т. п., именно публикуемая нами статистика воспринимается как наиболее достоверная, с высоким индексом ее цитирования и использования в соответствующих научных разработках.

Такое восприятие наших научных разработок является доминирующим в ученом историческом мире. Однако бывают и исключения — как говорится, в семье не без урода. 18 апреля 2008 года на Ассоциации историков Второй мировой войны с докладом «Репрессии в 1930-е годы: новый взгляд» выступил главный научный сотрудник Института российской истории РАН доктор исторических наук Ю. Н. Жуков и сделал шокирующее аудиторию безответственное лженаучное заявление: «Статистики репрессий не существует. Нет ее». Это прозвучало как смертный приговор моей научной деятельности. Докладчик вскоре исчез, и мне потом долго пришлось втолковывать недоумевающим членам Ассоциации, что Ю. Н. Жуков в данном случае попался на удочку одного фальсификаторского приема. В основе его лежит сочиненная А. В. Антоновым-Овсеенко клеветническая басня о «двух статистиках»: «фальшивой», находящейся в государственном архиве (которую «подсунули» Земскову для публикации), и «достоверной», которую в государственный архив не передавали и «припря-

тали» где-то в МВД и КГБ. Поскольку со временем становилось все более очевидным, что «припрятанная» в МВД и КГБ (ФСБ) «подлинная» статистика — это всего лишь нелепая выдумка, что не существует никаких «двух статистик» и в государственном архиве хранится подлинная статистика (а именно ее-то и публиковал Земсков), то в фальсификаторской среде родилась идея подкорректировать «концепцию» А. В. Антонова-Овсеенко, а именно: сохранить в неизменности лживый тезис о том, что Земсков публиковал «фальшивую» статистику, а взамен легенды о «припрятанной» в МВД и ФСБ «подлинной» статистике заявить, что ее, подлинной статистики, якобы вообще не существует. Насколько нам известно, Ю. Н. Жуков лично не участвовал в сочинении этой гнусной клеветы в наш адрес, но кое-кто сумел это ему внушить.

Поскольку настоящая глава посвящена масштабам, т. е. статистике политических репрессий, то в ней не ставится задача исследования их причин и мотивации. Но на одно обстоятельство мы все же хотели бы обратить внимание, а именно на роль И. В. Сталина в этом деле. В последнее время раздаются голоса, утверждающие, что Сталин будто бы лично не является инициатором массовых репрессий, в том числе Большого террора 1937—1938 годов, что это ему якобы навязали местные партийные элиты и т. д. Мы же должны понимать, что это не так.

Существует большое количество документов, в том числе опубликованных, где отчетливо видна инициативная роль Сталина в репрессивной политике. Взять, к примеру, его речь на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года, после которого начался Большой террор. В этой речи Сталин сказал, что страна оказалась в крайне опасном положении из-за происков саботажников, шпионов, диверсантов, а также тех, кто искусственно порождает трудности, создает большое число недовольных и раздраженных. Досталось и руководящим кадрам, которые, по словам Сталина, пребывают в самодовольстве и утратили способность распознавать истинное лицо врага. О троцкистах же он сказал, что это есть «разбойники с большой дороги, способные на любую гадость, способ-

ные на все мерзкое, вплоть до шпионажа и прямой измены своей родине»¹⁵⁶.

Для нас совершенно ясно, что эти заявления Сталина на февральско-мартовском Пленуме 1937 года — это и *есть призыв к Большому террору*, и он, Сталин, его главный инициатор и вдохновитель.

Естественно желание сравнить масштабы политических репрессий в СССР с соответствующими показателями в других странах с тоталитарными, репрессивными режимами — прежде всего с гитлеровской Германией и франкистской Испанией.

В то же время хочется предостеречь от некорректного характера сравнений с масштабами политических репрессий в фашистской Германии. Утверждается, что, мол, в Германии масштаб репрессий в отношении германских граждан был значительно меньше. Да, политические репрессии в отношении этнических немцев выглядят относительно невысокими, хотя речь идет о десятках тысяч людей. Но именно в этом случае нельзя замыкаться в рамках отдельных государств, и следует ставить вопрос в иной плоскости: *а что принес гитлеровский режим человечеству?* И получается, что это Холокост с шестью миллионами жертв и плюс к этому еще длинный ряд гуманитарных преступлений со множеством жертв, исчисляемых миллионами, в отношении русского, белорусского, украинского, польского, сербского и других народов.

Или другой пример — сравнение с масштабами политических репрессий во франкистской Испании. Значит, в СССР свыше 800 тыс. приговоров к смертной казни по политическим мотивам, в Испании при Франко — более 80 тыс., или в 10 раз меньше. Отсюда делается вывод, что масштабы политического террора в СССР были неизмеримо выше, чем в Испании при Франко. Этот вывод совершенно неправильный, на самом деле эти масштабы были примерно одинаковыми. Львиная доля смертных приговоров по политическим мотивам в Испании приходится на конец 30-х—начало 40-х годов, когда население Испании составляло около 20 млн человек, а население СССР к началу Великой Отечественной войны при-

ближалось к 200 млн, т. е. разница в численности населения в 10 раз. Да, во франкистской Испании смертных приговоров по политическим мотивам было в 10 раз меньше, чем в СССР, но и население страны было в 10 раз меньше, т. е. в пересчете на душу населения эти показатели одинаковые, практически идентичные.

Мы отнюдь не посягаем на известный постулат об отсутствии в США преследований по политическим мотивам. Однако у нас есть основания утверждать, что американская юриспруденция отдельные преступления, имеющие политическую подоплеку, сознательно квалифицирует как чисто уголовные. В самом деле, в СССР Николаев — убийца Кирова — однозначно политический преступник; в США же Ли Харви Освальд — убийца президента Кеннеди — не менее однозначно уголовный преступник, хотя и совершил чисто политическое убийство. В СССР выявленные шпионы осуждались по политической 58-й статье, а в США таковые — уголовные преступники. При таком подходе у американцев, естественно, есть все основания рекламировать самих себя как общество, в котором полностью отсутствуют преследования и осуждения по политическим мотивам.

Грандиозной мистификацией является прочно внедренный в массовое сознание известный миф о тотальном (или почти тотальном) репрессировании в СССР советских военнослужащих, побывавших в фашистском плену. Мифология выстроена, как правило, в самых мрачных и зловещих тонах. Это касается различных публикаций, издававшихся на Западе, и публицистики в нашей стране. Для того чтобы представить процесс репатриации советских военнопленных в СССР из Германии и других стран и его последствия в максимально жутком виде, используется исключительно тенденциозный подбор фактов, что само по себе уже является изощренным способом клеветы. В частности, смакуются подчас жуткие сцены насильственной репатриации личного состава коллаборационистских воинских частей, а соответствующие выводы и обобщения переносятся на основную массу военнопленных, что в принципе неправильно. Соответственно этому и их

репатриация, в основе которой, несмотря на все издержки, лежала естественная и волнующая эпопея обретения Родины многими сотнями тысяч людей, насильственно лишенных ее чужеземными завоевателями, трактуется как направление чуть ли не во «чрево дьявола». Причем и тенденциозно подобранные факты подаются в искаженном виде с заданной интерпретацией, буквально навязывая читателю абсурдный вывод, будто репатриация советских военнопленных осуществлялась якобы только для того, чтобы их в Советском Союзе репрессировать, а других причин репатриации вроде бы и не было.

Однако приведенные в таблице 4 данные решительно не подтверждают столь пессимистических оценок. Напротив, они вдребезги разбивают миф о якобы чуть ли не поголовном репрессировании в СССР советских военнослужащих, побывавших в фашистском плену. В эту статистику вошли 1 539 475 военнопленных, поступивших в СССР за период с октября 1944 года и до 1 марта 1946 года из Германии и других стран, из них 960 039 прибыло из зон действия союзников (Западная Германия, Франция, Италия и др.) и 579 436 — из зон действия Красной Армии за границей (Восточная Германия, Польша, Чехословакия и др.)¹⁵⁷. В 1945 году из армии были демобилизованы военнослужащие 13 старших возрастов, и, соответственно, их ровесники из числа военнопленных (свыше 280 тыс.) были отпущены по домам. Часть военнопленных недемокбилизуемых возрастов были зачислены в рабочие батальоны — это отнюдь не репрессированные, а одна из форм мобилизованной рабсилы (обычная практика в то время), и их направление к месту жительства ставилось в зависимость от будущей демобилизации их ровесников, продолжавших службу в Красной (Советской) армии. Большинство же военнопленных недемокбилизуемых возрастов было восстановлено на военной службе. Остается только спецконтингент НКВД (удельный вес — менее 15%), но при этом не надо забывать, что основную массу этой категории репатриированных военнопленных составляли лица, которые в свое время после пленения поступили на военную или полицейскую службу к противнику.

**Таблица 4. Распределение репатриированных
советских военнопленных по категориям
(по состоянию на 1 марта 1946 года)***

№ п/п	Категории	Количество	
		чел.	в %
1.	Направлено к месту жительства	281 780	18,31
2.	Призвано в армию	659 190	42,82
3.	Зачислено в рабочие батальоны Наркомата обороны (НКО)	344 448	22,37
4.	Передано в распоряжение НКВД (спецконтингент)	226 127	14,69
5.	Находилось на сборно-пересыльных пунктах и использовалось на работах при советских воинских частях и учреждениях за границей	27 930	1,81
	ИТОГО	1 539 475	100,00

* ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 3. Д. 53. Л. 175; Оп. 4а. Д. 1. Л. 62, 70, 223.

Представление о том, что высшее политическое руководство СССР якобы отождествляло понятия «пленные» и «предатели», относится к разряду придуманных задним числом небылиц. Подобное «сочинительство» обычно преследовало цель побольше ошельмовать и дискредитировать И. В. Сталина. В частности, приписываемое Сталину выражение — «у нас нет пленных, у нас есть предатели» — является басней, сочиненной в 1956 году в писательско-публицистической среде на волне критики культа личности Сталина. Вообще-то, придуманных историй бытует довольно много. К ним, например, относится и сказка об «отказе» Сталина произвести обмен пленными — фельдмаршала Паулюса на своего сына Якова Джугашвили (в реальности этого не было; это — позднейший художественный вымысел). Специально с целью дискредитации Сталина еще в хрущевские времена было сфабрикова-

но подложное «донесение» советского разведчика Рихарда Зорге, якобы датированное 15 июня 1941 года и сообщавшее дату немецкого вторжения — 22 июня 1941 года (на самом же деле Зорге такого донесения не посылал, так как не знал точной даты немецкого нападения на СССР).

Р. А. Медведев предполагает, что до 1946 года включительно органами НКВД было репрессировано от 2 до 3 млн человек, проживающих на территории СССР, подвергавшейся фашистской оккупации¹⁵⁸. В действительности по всему Советскому Союзу в 1944—1946 годах было осуждено по политическим мотивам 321 651 чел., из них 10 177 приговорено к высшей мере (по учету I спецотдела МВД). Думается, большинство осужденных с бывшей оккупированной территории было наказано справедливо — за конкретную изменническую деятельность.

Имеющее широкое хождение в западной советологии утверждение, что во время коллективизации 1929—1932 годов погибло 6—7 млн крестьян (в основном кулаков), не выдерживает критики. В 1930—1931 годах в «кулацкую ссылку» было направлено немногим более 1,8 млн крестьян, а в начале 1932 года их там оставалось 1,3 млн. Убыль в 0,5 млн приходилась на смертность, побеги и освобождение «неправильно высланных». За 1932—1940 годы в «кулацкой ссылке» родилось 230 258, умерло 389 521, бежало 629 042 и возвращено из бегов 235 120 человек. Причем с 1935 года рождаемость стала выше смертности: в 1932—1934 годах в «кулацкой ссылке» родилось 49 168 и умерло 271 367, в 1935—1940 годах — соответственно 181 090 и 108 154 человека¹⁵⁹.

В научной и публицистической литературе нет согласия в вопросе, причислять ли раскулаченных крестьян к жертвам политических репрессий или нет? Раскулаченные делились на три категории, и их общее число варьировалось в пределах от 3,5 млн до 4 млн (точнее установить пока сложно). Здесь следует сразу же отметить, что кулаки 1-й категории (арестованные и осужденные) входят в приводимую в таблицах 1 и 3 статистику политических репрессий. Спорным является вопрос относительно кулаков 2-й категории, направлен-

ных под конвоем на жительство в «холодные края» (на спецпоселение), где они находились под надзором органов НКВД, что очень походило именно на *политическую* ссылку. Кулаков 3-й категории, избежавших как ареста и осуждения, так и направления на спецпоселение, нет оснований, по нашему мнению, включать в число жертв политических репрессий. Попутно заметим, что из числа помещиков, у которых в 1918 году была экспроприирована собственность, к жертвам политических репрессий можно относить только тех из них, кто в дальнейшем был арестован и осужден карательными органами советской власти. Не следует отождествлять понятия «экспроприированные» и «репрессированные».

Нами изучен весь комплекс статистической отчетности Отдела спецпоселений НКВД — МВД СССР. Из него следует, что в 1930—1940 годах в «кулацкой ссылке» побывало около 2,5 млн человек, из них порядка 2,3 млн — раскулаченные крестьяне и примерно 200 тыс. — «примесь» в лице городского деклассированного элемента, «сомнительного элемента» из погранзон и др. В указанный период (1930—1940) там умерло приблизительно 600 тыс. человек, из них подавляющее большинство — в 1930—1933 годы¹⁶⁰. В свете этого известное и часто цитируемое утверждение У. Черчилля, что в одной из бесед с ним И. В. Сталин якобы назвал 10 млн высланных и погибших кулаков¹⁶¹, следует воспринимать как недоразумение.

В число жертв политического террора часто включаются умершие от голода в 1933 году, что вряд ли правомерно. Ведь речь-то идет о фискальной политике государства в условиях стихийного бедствия (засухи). Тогда в регионах, пораженных засухой (Украина, Северный Кавказ, часть Поволжья, Урала, Сибири, Казахстана), государство не сочло нужным снизить объем обязательных поставок и изымало у крестьян собранный скудный урожай до последнего зернышка, обрекая их на голодную смерть. Poleмика по вопросу о численности умерших от голода далека от своего завершения: оценки варьируются в основном в пределах от 2 млн до 8 млн¹⁶². По нашим оценкам, жертвами голодомора 1932—1933 годах стали около

3 млн человек, из них примерно половина — на Украине. Наш вывод, конечно, не является оригинальным, поскольку примерно такие же оценки еще в 80-х годах XX века давали историки В. П. Данилов (СССР), С. Виткрофт (Австралия) и др.¹⁶³

Главным препятствием для включения умерших от голода в 1933 году в число жертв именно политического террора с выработанной в правозащитных организациях формулировкой «искусственно организованный голод с целью вызвать массовую гибель людей» является то обстоятельство, что фискальная политика была вторичным фактором, а первичным — стихийное бедствие (засуха). Не преследовалась также цель вызвать массовую гибель людей (политическое руководство СССР не предвидело и не ожидало столь негативных последствий своей фискальной политики в условиях засухи).

С начала 1990-х годов на Украине активно пропагандируется идея (в том числе в научных кругах), что голод 1932—1933 годов явился следствием антиукраинской политики Москвы, что это был сознательный геноцид в отношении украинцев и т. п. Но ведь точно в таком же положении оказалось население Северного Кавказа, Поволжья, Казахстана и других районов, где царил голод. Здесь не было какой-то избирательной антирусской, антиукраинской, антиказахской или какой-то иной направленности. Собственно, такими же соображениями руководствовалась и Организация Объединенных Наций, отказавшаяся в 2008 году большинством голосов признать факт геноцида украинского народа (хотя США и Англия и голосовали за такое признание, но они оказались в меньшинстве).

Сильно преувеличены также потери у депортированных в 1941—1944 годах народов — немцев, калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар и др. В прессе, к примеру, проскальзывали оценки, согласно которым до 40% крымских татар умерло при транспортировке в места высылки. Тогда как из документов следует, что из 151 720 крымских татар, направленных в мае 1944 года в Узбекскую ССР,

было принято по актам органами НКВД Узбекистана 151 529, а в пути следования умер 191 человек (0,13%)¹⁶⁴.

Другое дело, что в первые годы жизни на спецпоселении в процессе мучительной адаптации смертность значительно превышала рождаемость. С момента первоначального вселения и до 1 октября 1948 года у выселенных немцев (без трудовой армии) родилось 25 792 и умерло 45 275, у северокавказцев (чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы и др.) соответственно 28 120 и 146 892, у крымчан (татары, армяне, болгары, греки) — 6564 и 44 887, у выселенных в 1944 году из Грузии (турки—месхетинцы и др.) — 2873 и 15 432, у калмыков — 2702 и 16 594 человек. С 1949 года у всех них рождаемость стала выше смертности¹⁶⁵.

Выселение отдельных народов с лишением их исторической родины, иначе называемое этнической чисткой, однозначно входит в разряд гуманитарных преступлений.

В число безусловных жертв большевистского режима дилетанты от истории включают все людские потери во время Гражданской войны. С осени 1917 года до начала 1922 года население страны сократилось на 12 741,3 тыс. человек¹⁶⁶; сюда входит и белая эмиграция, численность которой точно неизвестна (ориентировочно 1,5—2 млн). Виновником Гражданской войны безапелляционно объявляется только одна противоборствующая сторона (красная), и ей приписываются все жертвы, включая свои собственные. Сколько в последние годы публиковалось «разоблачительных» материалов о «пломбированном вагоне», «кознях большевиков» и т. п.?! Не сосчитать. Нередко утверждалось, что не будь Ленина, Троцкого и других большевистских лидеров, то и не было бы революции, Красного движения и Гражданской войны (от себя добавим: с таким же «успехом» можно утверждать, что не будь Деникина, Колчака, Юденича, Врангеля, то и не было бы Белого движения). Нелепость подобных утверждений совершенно очевидна. Самый мощный в мировой истории социальный взрыв, каковым являлись события 1917—1920 годов в России, был предопределен всем предшествующим ходом истории и вызван сложным комплексом трудноразрешимых социальных, клас-

совых, национальных, региональных и других противоречий. В свете этого наука не может расширительно толковать понятие «жертвы политических репрессий» и включает в него только лиц, арестованных и осужденных карательными органами Советской власти по политическим мотивам. Это значит, что жертвами политических репрессий не являются миллионы умерших от сыпного, брюшного и повторного тифа и других болезней. Таковыми не являются также миллионы людей, погибших на фронтах Гражданской войны у всех противоборствующих сторон, умершие от голода, холода и др.

И в итоге получается, что жертвы политических репрессий (в годы красного террора) исчисляются вовсе не миллионами. Самое большее, о чем можно вести речь, — это о десятках тысяч. Недаром, когда на брифинге в пресс-центре МБРФ 2 августа 1992 года было названо число осужденных по политическим мотивам начиная с 1917 года, оно принципиально не повлияло на соответствующую статистику, если вести отчет с года 1921-го.

По имеющемуся учету в ФСБ РФ, в 1918—1920 годы за «контрреволюционную преступность» был осужден 62 231 человек, в том числе 25 709 — к расстрелу¹⁶⁷. Эти сведения составной частью входят в указанную выше статистику, названную на брифинге в пресс-центре МБРФ 2 августа 1992 года. Мы считаем, что приведенная статистика по периоду Гражданской войны неполная. Там наверняка не учтены многие жертвы самосудов над «контрреволюционерами». Эти самосуды нередко вообще не документировались, а в ФСБ явно учтено только то количество, которое подтверждается документами. Вызывает также сомнение, что в 1918—1920 годы в Москву поступала с мест исчерпывающая информация о числе репрессированных. Но даже с учетом всего этого мы полагаем, что общее число репрессированных «контрреволюционеров» (включая жертв «красного террора») в 1918—1920 годы едва ли превышало 100 тыс. человек.

Наши публикации с опирающейся на архивные документы статистикой политических репрессий, заключенных ГУЛАГа, «кулацкой ссылки» оказали существенное влияние на за-

падную советологию, заставив ее отказаться от своего главного тезиса о якобы 50—60 млн жертв советского режима. От опубликованной архивной статистики западные советологи не могут просто так отмахнуться, как от назойливой мухи, и вынуждены принимать ее в расчет. В подготовленной в конце 1990-х годов французскими специалистами «Черной книге коммунизма» этот показатель снижен до 20 млн¹⁶⁸.

Но даже этот «сниженный» показатель (20 млн) мы не можем признать приемлемым. В него вошли как ряд достоверных, подтвержденных архивными документами, данных, так и оценочные цифры (многомиллионные) демографических потерь в Гражданской войне, умерших от голода в разные периоды, и др. Авторы «Черной книги коммунизма» в число жертв политического террора включили даже умерших от голода в 1921—1922 годах (голодомор в Поволжье, вызванный сильнейшей засухой), чего ранее ни Р. А. Медведев, ни многие другие специалисты в этой области никогда не делали.

Тем не менее сам факт снижения (с 50—60 млн до 20 млн) оценочных масштабов жертв советского режима свидетельствует о том, что в течение 1990-х годов западная советология претерпела значительную эволюцию в сторону здравого смысла, но, правда, застряла на полпути в этом позитивном процессе.

По нашим подсчетам, строго опирающимся на документы, получается не более 2,6 млн при расширенном толковании понятия «жертвы политического террора и репрессий». В это число входят более 800 тыс. приговоренных к высшей мере по политическим мотивам, порядка 600 тыс. политических заключенных, умерших в местах лишения свободы, и около 1,2 млн скончавшихся в местах высылки (включая «кулацкую ссылку»), а также при транспортировке туда (депортированные народы и др.). Составляющие наших расчетов соответствуют сразу четырем критериям, указанным в «Черной книге коммунизма» при определении понятия «жертвы политического террора и репрессий», а именно: «расстрел, повешение, утопление, забивание до смерти»; «депортация — смерть во время транспортировки»; «смерть в местах

высылки»; «смерть в результате принудительных работ (изнурительный труд, болезни, недоедание, холод)»¹⁶⁹.

В итоге мы имеем четыре основных варианта масштабов жертв (казненных и умерщвленных иными способами) политического террора и репрессий в СССР: 110 млн (А. И. Солженицын); 50—60 млн (западная советология в период «холодной войны»); 20 млн (западная советология в постсоветский период); 2,6 млн (наши, основанные на документах, расчеты).

Может возникнуть вопрос: а где же роймедведевские 40 млн? Эта цифра несопоставима с приведенными выше: там речь идет только о казненных и умерщвленных иными способами, а статистика Р. А. Медведева включает в себя также миллионы людей, которые хотя и подвергались различным репрессиям, но остались живы. Это, однако, не отменяет того факта, что статистика Р. А. Медведева все равно является многократно преувеличенной.

В серьезной научной литературе современного периода авторы избегают делать легковесные заявления о якобы многих десятках миллионов жертв большевизма и советского режима. В свете этого резким диссонансом выглядит книга Ю. Л. Дьякова «Идеология большевизма и реальный социализм» (М., Тула, 2009), в которой в перечне преступлений КПСС упомянуто также «уничтожение десятков миллионов своих людей» (с. 146). Более того, Ю. Л. Дьяков считает вполне достоверными и так называемые «расчеты» профессора И. Курганова (которые в свое время воспринял А. И. Солженицын), согласно которым по вине большевизма потери населения России (СССР) в 1918—1958 годах составили свыше 110 млн человек (с. 234). Такая позиция автора этой книги покоится на полном игнорировании всего комплекса имеющихся исторических источников. Использование Ю. Л. Дьяковым документально опровергнутой статистики, на основе которой он строит далеко идущие выводы и обобщения по исследуемой теме, нельзя назвать иначе, как патологическим отклонением от магистрального направления в данной области исторической науки.

Еще один вопрос, который мы хотели бы осветить, — это статистика реабилитаций и ее этапы. Возвращаемся к нашей базовой цифре — 3 млн 854 тыс. (точнее — 3 853 900) осужденных по политическим мотивам за все 73 года советской власти. От этой цифры отталкивались, рассчитывая количество и удельный вес реабилитированных.

Реабилитации имели место еще при жизни Сталина, но их масштабы были совершенно незначительны. Период массовой реабилитации начался с 1953 года, сразу после известных событий, связанных со смертью Сталина, арестом и расстрелом Берии, и особенно после XX съезда КПСС 1956 года, осудившего культ личности Сталина.

Реабилитацию возглавило бывшее сталинское окружение во главе с Н. С. Хрущевым, напрямую причастное к прежним сталинским репрессиям. В данном случае оно, в особенности Хрущев, проявили известную политическую прозорливость. В первые годы после смерти Сталина ситуация была такова, что продолжать линию покойного вождя без существенных корректировок — это был путь заведомого политического самоубийства. Идея массовой реабилитации по многим соображениям была политически выигрышной и буквально напрашивалась. Тот факт, что этот процесс инициировало и возглавило бывшее сталинское окружение, напрямую причастное к репрессиям, то их внутренние побудительные мотивы мы бы сформулировали так: «Лучше это сделаем мы, чем вместо нас кто-то другой». Тут сработал инстинкт политического самосохранения.

Процесс реабилитации во времени имел свои взлеты и падения. Первый ее этап — массовая «хрущевская» реабилитация — охватывает период 1953—1961 годов. Затем реабилитация пошла на спад, но тем не менее продолжалась (замедленными темпами). С 1987 года началась массовая «горбачевская» реабилитация, значительно превзошедшая по масштабам «хрущевскую». Численность и удельный вес реабилитированных (и нереабилитированных) представлены в таблице 5.

Таблица 5. Процесс реабилитации в 1953—1999 годах*

Периоды	Реабилитировано		Оставались нереабилитированными	
	чел.	в %	чел.	в %
1953—1961	737 182	19,1	3 116 718	80,9
1962—1986	157 055	4,1	2 959 663	76,8
1987—1990	1 043 750	27,1	1 915 913	49,7
1991—1999	500 013	13,0	1 415 900	36,7
Состояние к началу 2000 года	2 438 000	63,3	1 415 900	36,7

* Известия. 1992. 3 авг.; Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 314—316.

Надо сказать, что не все осуждавшиеся по политическим мотивам желают быть реабилитированными. Известный диссидент Натан Шаранский, отсидевший более 10 лет в советских местах заключения и ставший позднее министром в правительстве Израиля, решительно отклонил предложение председателя Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий А. Н. Яковлева реабилитировать его на том основании, что акт реабилитации девальвирует его, Шаранского, имидж борца против КПСС и КГБ.

Термин «невинно осужденные» применим далеко не ко всем реабилитированным. Действительно, сотни тысяч оказались жертвами целиком надуманных и сфабрикованных обвинений. Но было и немало таких, кто имел в своем активе конкретные действия (в том числе вооруженного характера), направленные против существующего строя. Их реабилитировали на том основании, что их борьба против большевизма и Советской власти якобы «была справедливой». В частности, в середине 1990-х годов под этим политически ангажированным и весьма сомнительным с правовой точки зрения тезисом происходила массовая реабилитация практически всех участников многочисленных кулацко-крестьянских восстаний и мятежей периода 1918—1933 годов (причем реабили-

тировали таковых всех подряд, включая и палачей, расстреливавших и вешавших коммунистов, комсомольцев и беспартийных советских активистов).

Дело дошло даже до того, что в 1996 году был реабилитирован решением Главной военной прокуратуры (ГВП) группенфюрер СС Г. фон Паннвиц. Казачьи части под командованием Паннвица — 1-я казачья кавалерийская дивизия, затем развернутая в 15-й казачий кавалерийский корпус — участвовали в карательных операциях в Югославии. В 1947 году вместе с другими военными преступниками он был повешен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Реабилитация же означала, что он, оказывается, был «невинной жертвой сталинизма». Правда, в 2001 году ГВП вынесла уже иное заключение: фон Паннвиц за совершенные преступные деяния осужден обоснованно и реабилитации он не подлежит.

Из таблицы 5 видно, что из почти 3 млн 854 тыс. осужденных по политическим мотивам (по имеющемуся в ФСБ РФ персонифицированному учету) к началу 2000 года было реабилитировано 2 млн 438 тыс. (63,3%) и остались нереабилитированными около 1 млн 416 тыс. (36,7%).

В дальнейшем процесс реабилитации застопорился, поскольку, собственно, и реабилитировать стало некого. Основу нереабилитированных составляют пособники фашистских оккупантов — все эти полицаи, каратели, зондеркомандовцы, власовцы и т. д. и т. п., которые, как правило, проходили по 58-й статье как политические преступники. В советском законодательстве существовало положение, запрещавшее реабилитацию пособников фашистских оккупантов. Это положение перешло и в нынешнее российское законодательство, т. е. их реабилитация прямо запрещена законом. Помимо пособников фашистских оккупантов, остается нереабилитированным еще ряд лиц, действия которых носили такой характер, что их просто невозможно реабилитировать.

Для ответа на вопрос о влиянии репрессий в их реальном масштабе на советское общество мы бы посоветовали ознакомиться с выводами американского историка Робер-

та Терстона, выпустившего в середине 1990-х годов научную монографию «Жизнь и террор в сталинской России. 1934—1941» (Thurston R. Life and Terror in Stalin's Russia. 1934—1941. New Haven, 1996). Основные выводы, по Терстону, звучат так: система сталинского террора в том виде, в каком она описывалась предшествующими поколениями [западных] исследователей, никогда не существовала; влияние террора на советское общество в сталинские годы не было значительным; массового страха перед репрессиями в 1930-е годы в Советском Союзе не было; репрессии имели ограниченный характер и не коснулись большинства советского народа; советское общество скорее поддерживало сталинский режим, чем боялось его; большинству людей сталинская система обеспечила возможность продвижения вверх и участия в общественной жизни.

Эти выводы Р. Терстона, являющиеся под углом зрения традиций и духа западной советологии чуть ли не кощунственными и именно так воспринимаемые большинством советологов, основаны на документально подтвержденных фактах и статистике. Кроме того, Терстон, не будучи сторонником коммунизма и советской власти, тем не менее в своем стремлении докопаться до исторической правды сумел абстрагироваться от устоявшихся антикоммунистических и антисоветских стереотипов и догматов. Это, образно говоря, луч света в темном царстве.

Особое неприятие у многих советологов вызывает вытекающий из исследования Терстона вывод, что большинство населения СССР не подвергалось никаким репрессиям. Известная и авторитетная в западной советологии исследовательница Шейла Фицпатрик написала рецензию на монографию Терстона и опубликовала ее в 1997 году в американском научном журнале «Американское историческое обозрение» («American Historical Review»). В ней был подвергнут критике ряд положений Терстона, но больше всего «досталось» его выводу, что террор не был так страшен, как его обычно представляют, что он не затронул большинство совет-

ских людей, которые были вполне удовлетворены своей жизнью¹⁷⁰. Конечно, для школы классической западной советологии, представительницей которой является Ш. Фицпатрик, выводы, сделанные Р. Терстоном, звучат по меньшей мере непривычно и нетрадиционно и (это главное) фактически опровергают сложившиеся в ней, западной советологии, соответствующие концептуальные построения.

И здесь возникают отнюдь не риторические вопросы. Кто же все-таки прав: Терстон или Фицпатрик? Подвергались репрессиям большинство советских граждан или не большинство? Для ответов на эти вопросы надо, во-первых, иметь представление об общей численности подвергавшихся различным репрессиям по политическим мотивам и, во-вторых, — об общем количестве населения, проживавшего в 1918—1958 годах.

Согласно Всесоюзной переписи, состоявшейся 15 января 1959 года, население СССР составило тогда 208,8 млн человек¹⁷¹. Но это только жившие в начале 1959 года, а здесь надо учитывать и десятки миллионов людей, которые жили в 1918—1958 годах и тогда же умерли. По имеющимся источникам чрезвычайно сложно определить общее число умерших в 1918—1958 годах, но мы все же попробуем это сделать. В 1918—1922 годы, по самым минимальным оценкам, в среднем в год умирало и погибало никак не менее 6 млн человек, и в сумме за указанный период получается около 30 млн. За 1923—1926 годы точной статистики нет, но если взять за основу количество умерших в 1927 году (3984 тыс.)¹⁷², то получится свыше 15 млн. Согласно статистической сводке, приведенной в 1-м томе книги «Население России в XX веке», в 1927—1940 годах умерло 62 млн человек¹⁷³. По нашим расчетам и оценкам, из числа живших до начала Великой Отечественной войны (с учетом родившихся во время войны и тогда же умерших) к началу 1946 года не было в живых около 38 млн человек (из коих 16 млн составляют прямые жертвы войны и 22 млн — естественная смертность с учетом косвенных людских потерь вследствие войны). Весьма сложно определить ежегодную смертность в 1946—1958 годах, но ясно,

что она не могла быть ниже уровня 1940 года. (4,2 млн умерших)¹⁷⁴. Следовательно, в 1946—1958 годах умерло свыше 50 млн человек. Вышеприведенные расчеты показывают, что на том геополитическом пространстве, называвшемся с декабря 1922 года Советским Союзом, в 1918—1958 годах проживало свыше 400 млн человек, из них почти 209 млн существовали в начале 1959 года, а примерно 195 млн умерли в течение указанных четырех десятилетий. Именно от этой цифры (свыше 400 млн) и следует рассчитывать удельный вес жертв политических репрессий и террора в составе населения СССР. «Мемориал» определяет общее число таковых в 14 млн человек (осужденные по политическим мотивам, высланные кулаки, депортированные народы, жертвы коллективизации и голода периода 1930—1933 годов и некоторые другие). И сколько же в процентах указанные 14 млн составляют по отношению к свыше 400 млн? Отвечаем: 3,5%. Это означает, что даже при таком широком толковании понятия «репрессированные по политическим мотивам», какое дает «Мемориал», 96,5% населения СССР не подвергалось политическим репрессиям ни в какой форме. Такая статистика получается, если исходить из мемориальной версии количества репрессированных по политическим мотивам. Наша же версия несколько иная. Мы исходим из того, что таковых было не 14 млн, а около 10 млн (осужденные по политическим мотивам, кулаки 1-й и 2-й групп, депортированные народы, пострадавшие за политические или религиозные убеждения, подвергавшиеся «чисткам» по социальным и иным признакам). Таким образом, и наша интерпретация понятия «репрессированные по политическим мотивам» достаточно широкая. В отличие от «Мемориала», мы не включаем в число жертв политического террора и репрессий умерших от голода в 1933 году, исходя из убеждения, что такое включение на практике производится весьма искусственно, посредством ряда малоубедительных и спорных доводов, носящих зачастую казуистический характер и к тому же используемых для подкрепления ложного тезиса о некоем «геноциде украинского народа».

Таким образом, исходя из нашей версии общего числа репрессированных по политическим мотивам, удельный вес таковых в составе населения, жившего в 1918—1958 годах, составляет 2,5% (около 10 млн по отношению к свыше 400 млн). Это значит, что 97,5% населения СССР не подвергалось политическим репрессиям ни в какой форме.

На сокрытие этого непреложного факта в последние почти четверть века направлена вся мощь пропагандистской машины. Делается все возможное и невозможное, чтобы сохранить внедренное в массовое сознание ложное представление о том, что якобы весь или почти весь народ подвергался различным репрессиям. На этом «черном мифе» возвращено младшее поколение нашего народа и изрядно распропагандированы в соответствующем духе старшие поколения. Если еще во времена «холодной войны» на Западе было немало людей, которые сомневались в достоверности немецко-фашистской, англо-американской и перестроечно-советской пропаганды относительно «гигантских масштабов» политического террора и репрессий в СССР в 1930—40-х годах, то теперь там таковых почти не осталось. А. Н. Яковлев, как председатель упоминавшейся выше Комиссии, в 1990-х годах в своих выступлениях и интервью иногда использовал статистику «Мемориала», но к 2000 году отказался от нее: дескать, «точных данных нет». В своей книге «Омут памяти», изданной в 2000 году, он написал: «Точных данных, которые бы основывались на документах, о масштабах всенациональной трагедии нет». Это клеветническое заявление: на самом деле данных, основанных именно на документах, вполне достаточно если не для выведения точной цифры, то для установления реального масштаба (а А. Н. Яковлев говорил именно о масштабе) политических репрессий и в узком и в широком смысле.

Мы не можем отделаться от подозрения, что А. Н. Яковлев сделал такое заявление с целью не мешать фальсификаторам сочинять заведомо высокую, фантастическую статистику репрессий. Кроме того, в его приведенной цитате заложена изощренная фальсификация, направленная на поддержание в общественном сознании ложного представления о «гигант-

ских» масштабах репрессий. Ведь сочетание выражений «точных данных нет» и «всеукраинская трагедия» при желании можно истолковывать и так, что, дескать, репрессии носили такие «огромные» масштабы, охватившие чуть ли не весь народ, что и сосчитать невозможно (массовый читатель именно так и понимает).

Помимо всего прочего, это заявление А. Н. Яковлева адресно направлено против добросовестных исследователей, старающихся объективно и беспристрастно разобраться в этой проблеме.

Глава 3

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Правда ли, что советские люди ненавидели власть и боялись ее?

История советского общества в предвоенные 1938—1941 годы относится к числу наименее исследованных периодов отечественной истории XX века. Даже в официальной советской историографии ему уделялось явно недостаточное внимание. В различных трудах по истории СССР, истории КПСС и др. период 1938—1941 годов освещался в основном схематично, как-то скороговоркой. В постсоветской же литературе история советского общества в предвоенные годы либо совсем перестала исследоваться, либо же затрагивались некоторые аспекты, представляемые чаще всего в разоблачительном или карикатурном виде.

А ведь речь идет о том поколении нашего народа, которому предстояло в недалеком будущем выдержать тяжелейшее испытание в виде Великой Отечественной войны и одержать в ней Великую Победу. Один только этот аргумент, казалось бы, должен был вызвать повышенный интерес исследователей к изучению отечественной истории периода 1938—1941 годов.

Прежде всего, следует сказать, что перед Великой Отечественной войной и в обществе, и в политическом руководстве росло ощущение растущей военной угрозы. Война представлялась вероятной, но отнюдь не неизбежной. В разговорах рабочих, крестьян, служащих, интеллигенции противником в будущей возможной войне иногда назывались Япония или Англия, но чаще — Германия, т. е. в большинстве случаев потенциальный противник определялся совершенно пра-

вильно. Проведенные в январе 1941 года масштабные военные учения, на которых отрабатывался сценарий отражения немецкой агрессии, показывают, что и политическое руководство СССР не заблуждалось относительно того, кто является главным потенциальным противником.

Однако господствовали представления, что войне с Германией будут предшествовать какие-то требования и ультиматумы, ухудшение и разрыв дипломатических отношений, официальная отмена действия советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 года и т. д. Того, что немцы нападут внезапно, при действовавшем на момент вторжения советско-германском пакте о ненападении, — именно такого сценария, который на самом деле случился на рассвете 22 июня 1941 года, похоже, не предвидел никто. Это значит, что при в целом правильном определении потенциального противника в будущей возможной (но не фатально неизбежной) войне в то же время и в обществе, и в высшем политическом руководстве имела место недооценка степени коварства и вероломства германских нацистских правителей. И. В. Сталин и другие советские руководители до самого последнего момента лелеяли надежду, что войны с Германией удастся избежать дипломатическим путем.

По нашему мнению, наиболее верную оценку поведению Сталина (и в целом политического руководства СССР) перед лицом германской угрозы дала советский посол в Швеции А. М. Коллонтай, которая в день немецкого вторжения, 22 июня 1941 года, сказала, что Сталин, «конечно, надеялся и верил, что война не начнется, пока не состоятся переговоры, в ходе которых может быть найдено решение, позволяющее избежать войны». Это подтверждает и тот известный факт, что утром 22 июня 1941 года Сталин, находясь в удрученном состоянии от известия о внезапной германской агрессии и осознания крушения указанных надежд, говорил, что немцы «обрушились на нас без всякого предлога, не проведя никаких переговоров; просто напали, подло, как разбойники». Пять дней спустя, 27 июня 1941 года, В. М. Молотов в разговоре с английским послом в Москве С. Криппсом признался,

что советское руководство совершенно не ожидало, что война «начнется без всякого спора или ультиматума».

Теперь вернемся немного назад, в 1940-й год. Было зафиксировано, что после известия о поражении Франции и вступлении немецких войск в Париж (июнь 1940 года), в народе велись такие разговоры: «Сколько с Германией ни дружим, а Советскому Союзу будет то же, что и Франции». Удручающее впечатление это известие произвело и на высшее советское руководство. По свидетельству Н. С. Хрущева, И. В. Сталин якобы тогда сказал, что «теперь Гитлер непременно даст нам по мозгам».

Главной целью внешней политики СССР в этот период было стремление не быть втянутым в орбиту разрастающейся новой мировой войны. Американский посол в СССР Л. Штейнгардт писал 2 октября 1940 года в Вашингтон: «Если говорить о советской политике, как я ее понимаю, то она направлена на то, чтобы избежать войны...».

Еще со времен «хрущевской оттепели» Сталина активно критикуют за всякие «ошибки» и «просчеты». На наш же взгляд, его взвешенная и осторожная стратегия, направленная на предотвращение возможной войны с Германией, была в целом правильной, но, к сожалению, не дала желаемого результата. Надо понимать, что от политического руководства СССР далеко не все зависело, ведь вопрос о том, быть или не быть войне, решался все-таки не в Москве, а в Берлине. Могли ли у советского руководства в данной ситуации быть более верные альтернативы? На этот вопрос совершенно правильно ответил израильский историк Г. Городецкий: «И все же даже теперь, задним числом, трудно назвать более верные альтернативы, какие могли бы быть у Сталина. Если бы он принял упреждающие меры, удар можно было бы в лучшем случае смягчить, но, конечно, не предотвратить». К этому верному заключению Г. Городецкого мы бы добавили следующее: известно, что план нападения на СССР (план «Барбароса») был любимым детищем Гитлера (он лично его инициировал и взлелеял), и в свете этого никакая, даже самая мудрая стратегия по недопущению германо-советской войны не мог-

ла сподвигнуть его, Гитлера, к отказу от плана «Барбаросса», т. е. практически не имела никаких шансов на успех.

Английский корреспондент Александр Верт, находившийся с 3 июля 1941 года в СССР, писал: «...В годы войны я многим в Советском Союзе задавал два таких вопроса: “Что вы думали о советско-германском пакте?” и “Когда пакт еще находился в силе, в какой момент вы начали серьезно сомневаться насчет него?”

На первый вопрос мне почти всегда отвечали примерно следующее: “Каждый, конечно, понимал, что тошно и неприятно делать вид, будто мы дружба с Гитлером; но уж такое положение сложилось в 1939 году, что нам любой ценой надо было выиграть время, а другого выбора у нас не было. Мы не думали, чтобы и самому Сталину очень нравилась эта идея, но мы глубоко верили в его правоту; если он решил заключить с Гитлером пакт о ненападении, значит, он наверняка знал, что другого выхода нет. И не забывайте также, что нам в то же время грозила и японская агрессия; нам пришлось драться на Халхин-Голе как раз в то же время”.

А ответ на второй вопрос неизменно следовал в таком приблизительно духе: “Мы начали действительно нервничать, когда увидели, что Гитлер сумел за какой-нибудь месяц, если не меньше, разгромить французскую армию. Мы питали довольно большое доверие к французской армии, и мы многое также слышали о линии Мажино, а потому — будем говорить прямо — рассчитывали, что война во Франции продлится долгое время и что в результате немцы будут сильно ослаблены. Эгоисты? Да, мы были эгоистами, а кто ими не был?... Мы никогда не ожидали, что немцы так внезапно нападут на нас, а главное, что они сумеют захватить у нас такую огромную территорию, но мы чувствовали, что должны готовиться к очень тяжелой борьбе, если Гитлер спятит с ума настолько, что полезет на нас”.

Был также и дополнительный вопрос, который я задавал с интересом: “Между разгромом Франции и нападением Германии на Советский Союз происходила война между Германией и Англией — что вы о ней думали?” Тут ответы становились неопределенными, но в общем они сводились к следую-

щему: "К Англии у нас относились совершенно по-разному. Знаете, сама жизнь научила нас быть против англичан — после этого Чемберлена, Финляндии и всего прочего. Но постепенно, как-то очень незаметно мы начали восхищаться англичанами, потому, очевидно, что они не склонились перед Гитлером. В наших газетах много писали о бомбардировках Лондона, Ковентри и других английских городов. И мы начали также сочувствовать английскому народу: начали думать, что рано или поздно нам тоже суждено будет испытать нечто подобное. Особенно болела за англичан наша интеллигенция. У многих уже тогда начала складываться мысль, что война Англии против Гитлера — это "справедливая война". Но потом, в мае [1941 года], в Англию вдруг прилетел Гесс, и мы вновь стали смотреть на Англию с опаской и подозрением».

Со смешанным чувством тревоги и надежды было встречено в народе опубликованное 14 июня 1941 года сообщение ТАСС, в котором опровергались слухи о скорой войне между Германией и СССР. Основное содержание этого сообщения звучало так: «...В английской и вообще в иностранной печати стали муссироваться слухи о "близости войны между СССР и Германией". По этим слухам: 1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера, и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними; 2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР; 3) Советский Союз в свою очередь стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны.

ТАСС заявляет, что: 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более

тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь места; 2) по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям; 3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными...».

В советской и постсоветской литературе было выпущено немало критических стрел в адрес этого сообщения ТАСС, что, на наш взгляд, не совсем справедливо. Советское руководство просто обязано было в той ситуации выступить с публичным миролюбивым заявлением, и тогда еще не было известно, что оно окажется бесполезным. Трудно согласиться и с распространенным в литературе мнением, что данное сообщение ТАСС оказало «расхолаживающее» или «усыпляющее» воздействие на советский народ. На самом же деле оно породило в нем определенную встревоженность и обеспокоенность, так как в тексте прямо говорилось о сосредоточении германских войск вблизи границ СССР. На этот счет А. Верт верно подметил: «Советские люди к тому времени уже достаточно привыкли читать правительственные сообщения между строк, чтобы не увидеть косвенного намека в такой фразе: «переброска германских войск... связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям». Очень многие русские, которых это сообщение ТАСС далеко не успокоило, следующие несколько дней с тревогой ожидали, какова будет «реакция» на него Берлина. По словам бывшего румынского посланника в Москве Гафенку, тысячи людей сидели в эти дни за своими радио-

приемниками, ожидая новостей из Берлина. Но они так ничего и не услышали. Германское правительство никак не ответило на это сообщение ТАСС и даже не опубликовало его».

Тем не менее миллионы советских людей продолжали надеяться и верить, что Гитлер не решится напасть на СССР. Представлялось совершенно невероятным, чтобы политики, находящиеся в здравом уме, всерьез могли вынашивать планы завоевания самой большой (по территории) страны в мире и к тому же имевшей, в чем многие были уверены, очень сильную армию. Казалось, элементарное благоразумие должно было удержать от такого рискованного шага. Когда же немецкое нападение все же состоялось, то, по свидетельству А. Верта, «многих [советских людей] чрезвычайно удивляло, что СССР вообще подвергся вторжению». Это как-то не укладывалось в рамки здравого смысла.

Американский историк Г. С. Дойч, имея в виду скептицизм в настроениях политиков на Западе в конце 1939 — начале 1940 годов относительно намерений Гитлера напасть на ведущие западные страны — Францию и Англию, поскольку это выглядело чистым безумием и противоречило здравому смыслу, справедливо отметил: «Тогда мало кто осознавал, что все нормальные и разумные доводы не могут быть применимы к Гитлеру, который действовал по своей собственной, необычной и зачастую извращенной логике, бросая вызов всем доводам здравого смысла». Упоная на то, что у Гитлера якобы возобладают благоразумие и здравый смысл, на Западе фактически «прозевали» начавшееся 10 мая 1940 года масштабное немецкое наступление с целью сокрушить западные демократии. Во многом теми же причинами объяснялась и «внезапность» немецкого нападения на СССР 22 июня 1941 года.

В советском общественном сознании весьма вероятной представлялась перспектива совместной германо-английской агрессии против СССР, несмотря на то что было известно, что с сентября 1939 года Англия и Германия находятся в состоянии войны между собой. Считалось, что это не мешает им организовать совместное нападение на СССР. Подобного рода подозрения еще больше обострились в дневные

часы 22 июня 1941 года при известии о немецком нападении, о чем, например, свидетельствует бывший нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов: «Все думали, что британский флот идет на всех парах в Северное море для совместной с Гитлером атаки на Ленинград и Кронштадт». Позднее в сознании советских людей с трудом, не без изрядной доли скепсиса и недоверия, происходило признание того факта (до войны, по общему мнению, совершенно невероятного), что англичане являются нашими союзниками.

А. Верт так описывает трансформацию в советском общественном сознании образа Англии из врага в союзника: «Почти все комментарии, которые я слышал от русских, сводились к следующему: “Мы слышали насчет Гесса, и мы подозревали, что между Англией и Германией существует какой-то сговор. Мы помнили о Мюнхене и об англо-франко-советских переговорах летом 1939 года. Мы глубоко переживали бомбежки Лондона, но мы все время испытывали чувство недоверия по отношению к Англии. Когда Германия напала на нас, одной из наших первых мыслей было, что, может быть, она сделала это по договоренности с Англией. А что Англия станет нашей союзницей — да, союзницей, — это превзошло все наши ожидания”».

1 сентября 1939 года был принят Закон о всеобщей воинской обязанности (опубликован в газете «Правда» 3 сентября 1939 года). Осенью 1939 года в обстановке большого патриотического подъема проводился призыв городской и сельской молодежи в ряды РККА (Рабоче-Крестьянской Красной Армии). Эту аббревиатуру надо понимать буквально: армия была именно рабоче-крестьянской, и лица рабочего или крестьянского происхождения составляли в ней абсолютное большинство. Служба в Красной Армии составляла не только почетную обязанность граждан СССР, но и прекрасную школу воспитания советской молодежи. Рейтинг красноармейца по степени почета и уважения в общественном сознании был неизмеримо выше, чем это имело место в царские времена у солдат старой русской армии. Старики, многие из которых являлись в прошлом солдатами царской армии, с гордостью смотрели на своих одетых в красноармейскую форму детей и

внуков и даже завидовали им. Пожилой крестьянин Н. Н. Жаров из дер. Грабки Мытищинского района Московской области говорил: «Теперь идет красноармеец по улице и гордится своим званием. А то ли раньше было? Вспомнишь старое — сердце заболит. Солдата раньше за последнего человека считали. В общественный сад вход запрещен, в трамваях ездить нельзя, я сам на своей спине хорошо испытал, что значила служба в царской армии. Красная Армия — лучшая школа, особенно для нашего колхозного молодняка». Под специфическим термином «колхозный молодняк» имелась в виду крестьянская молодежь.

Именно в предвоенные годы окончательно сформировалась советская общественно-политическая система с присущими ей особенностями. Фактически на шестой части земного шара сложилась новая цивилизация. Это была уникальная цивилизация, аналогов которой не было в истории человечества ни в прошлом, ни в настоящем. Советская цивилизация, несмотря на наличие всякого рода недостатков, издержек и негативных явлений, в тот период еще являлась молодым организмом, достаточно жизнеспособным и имевшим потенции для дальнейшего поступательного развития.

В СССР царил дух боевитости, готовности к ратным и трудовым подвигам, предрасположенности к массовому героизму и самопожертвованию. Это как бы было визитной карточкой молодой советской цивилизации. Можно только поражаться удивительной близорукости и извращенности представлений политического и военного руководства фашистской Германии, что СССР вместе с его политической системой и вооруженными силами есть якобы «гнилое строение», которое «рухнет» при первом же ударе германской армии. Так, перед нападением на СССР Гитлер внушал фельдмаршалу Рундштедту: «Вам нужно только пнуть дверь — и все гнилое строение рухнет».

Можно согласиться с выводом английского историка А. Кларка, что Гитлер, приняв решение о нападении на СССР и предвкушая быструю и легкую победу, «просмотрел один очень важный фактор в своей оценке потенциала русских.

Теперь вермахт имел перед собой противника совершенно иного сорта, не похожего на мягонькие нации Запада».

Конечно, в обществе существовали антисоветские, антибольшевистские и антисталинские настроения. Но не стоит преувеличивать их масштабы. Сложившийся в СССР общественно-политический строй имел массовую поддержку — большинство людей были преданы ему. Он являлся воплощенным идеалом Октябрьской революции 1917 года, и само Советское государство в сознании миллионов людей воспринималось как единственное в мире государство рабочих и крестьян. Поэтому советские граждане в массе своей в случае военной опасности были готовы защищать не только свою Родину, свое государство безотносительно к его политическому устройству, но и сложившуюся в СССР общественно-политическую систему, его общественный и государственный строй.

Эту особенность в ментальности советского народа тонко уловил А. Верт, понимавший, что советские люди борются с немецкими захватчиками не только за свою родину, но и за существовавший тогда общественно-политический строй. «Было бы, разумеется, слишком большим упрощением, — писал А. Верт, — считать (как считают некоторые), что это была “национальная” или даже “националистическая” война, и ничего больше. Нет, в этой национальной, народной войне советские люди сражались также за свою, советскую власть». Верт также правильно понимал, как это следует из его вышеприведенной цитаты, что советские люди считали советскую власть именно своей властью. Тут еще надо иметь в виду, что тогда выражение «советская власть» имело более глубокий и широкий смысл (в том числе и заменяя собой понятие «российская власть»), в противовес намерению вторгнувшегося на территорию СССР противника навязать «немецкую власть».

Надо также учитывать, что СССР был многонациональным государством, в котором декларировались идеи равенства, равноправия и дружбы народов, отрицался как национализм, так и национальный, нигилизм. Включавший в себя десятки наций и народностей советский суперэтнос, который

обычно называют советским народом, являлся порождением именно сложившегося в СССР общественно-политического строя. Историк Е. М. Малышева справедливо отмечала: «Общественно-политический строй, сложившийся в СССР на основе социалистической, марксистской идеологии, в предвоенный период создал такое феноменальное суперэтническое образование с высочайшей пассионарностью, как советский народ». Тезис, конечно, не бесспорный, но мы с ним в основном согласны. Понятия «советский общественно-политический строй» и «советский народ» до такой степени взаимосвязаны, что отрывать их друг от друга, как это иногда делается в литературе, методологически неверно и противоречит принципу историзма. Ведь такой суперэтнический феномен, как советский народ, вряд ли мог бы образоваться в условиях какого-то иного общественно-политического строя.

Та этнополитическая общность людей, которую мы называем советским народом, была воспитана в антифашистском духе. С момента прихода Гитлера к власти в Германии и до заключения советско-германского пакта о ненападении, т. е. с января 1933 года до августа 1939 года, в СССР активно велась пропаганда по разоблачению фашизма. В результате этой пропаганды антифашизм стал важной составной частью менталитета советского народа. После заключения советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 года антифашистская пропаганда в СССР была приглушена, но антифашистская составляющая в ментальности советского народа отнюдь не исчезла. Она сохранялась как бы в латентном состоянии, готовая в любой момент при соответствующем изменении обстоятельств заявить о себе во весь голос. Этот момент, как известно, наступил 22 июня 1941 года.

Сам по себе советско-германский пакт, заключенный 23 августа 1939 года, в широких кругах советского общества воспринимался с трудом, и никогда не исчезало ощущение его противоестественности. На сознание людей удручающе действовала неожиданная трансформация германского фашизма из врага чуть ли не в «друга». Все это тонко подметил Константин Симонов, написавший в своих воспоминаниях: «Что-то тут

невозможно было понять чувствами. Может быть, умом — да, а чувствами — нет. Что-то перевернулось и в окружающем нас мире, и в нас самих. Вроде бы мы стали кем-то не тем, чем были; вроде бы нам надо было продолжать жить с другим самоощущением после этого пакта». То, что произошло 22 июня 1941 года, сразу же все поставило на свои места, привело к возвращению адекватного восприятия германского фашизма как опасного врага.

Представление о том, что это есть отечественная война, активно внедрялось в советское общественное сознание с первого же дня немецкой агрессии. В заявлении Советского правительства, которое днем 22 июня 1941 года зачитывал по радио В. М. Молотов, в частности, упоминалось, что Россия уже подвергалась вторжениям, что «в свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение», и, подчеркивалось в заявлении, «то же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь народ вновь поведут победоносную Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу». Дважды упоминавшийся в этом заявлении термин «Отечественная война» довольно прочно врезался в сознание людей — уже с 22 июня 1941 года в народе пошли разговоры, что началась новая Отечественная война.

Это тогда понимали и наиболее дальновидные и проницательные люди на Западе. А. Верт вспоминал, что у него 2 июля 1941 года состоялась продолжительная беседа с английским историком Б. Пэрсом, который сказал: «Я уже вижу, что это будет огромная отечественная война, более крупная и успешная, чем война 1812 года». Верт и Пэрс относились к немногочисленной тогда плеяде иностранцев-оптимистов, которые даже летом и осенью 1941 года, несмотря на впечатляющие успехи германской армии, были твердо убеждены, что Гитлер войну с Россией не выиграет.

Верт обратил внимание на поразительное отличие в реакции французского общества на немецкое вторжение во Францию в мае 1940 года и настроениях большинства советского народа в конце июня — августе 1941 года. О Франции

он написал следующее: «...вся Франция была совершенно ошеломлена и ее быстро охватили пораженческие настроения. Миф о неприступности линии Мажино, которым все эти годы убаюкивали французский народ, вдруг рассыпался в прах». Применительно же к СССР Верт дал совсем иную характеристику: «Страну охватил ужас, но к нему примешивалось чувство национальной непокорности и опасение, что это будет долгая, упорная и отчаянная борьба... И все же, казалось, лишь очень немногие думали о возможности полного военного поражения и завоевания страны немцами. В этом отношении контраст с Францией во время германского вторжения 1940 года был разительным».

Попавший в плен к немцам генерал М. И. Потапов на допросе, состоявшемся 28 сентября 1941 года, на вопрос о том, готов ли русский народ в глубине души вести войну и в том случае, если обнаружит, что армия отступила до Урала, ответил: «Да, он будет оставаться в состоянии моральной обороны».

Мы вынуждены упрекнуть западную историографию в системной фальсификации в одном важном вопросе. Из того, что известно сегодня о планах политического и военного руководства Германии в отношении Советского Союза, однозначно следует вывод, что для народов СССР понятие «Великая Отечественная война» является адекватным и по сути, и по содержанию. Однако в западной литературе именно это адекватное понятие тщательно избегают употреблять, подменяя его поверхностными, примитивными и иногда даже карикатурными формулировками типа «схватка двух тоталитарных режимов», «сталинская война» и т. п.

Впрочем, подобный упрек можно адресовать и ряду современных российских авторов. Именно им известный историк А. К. Соколов напоминает непреложную истину, что для Советского Союза это была «война за выживание, за право России вообще существовать» и, следовательно, «термин “Великая Отечественная война”, которого многие авторы стараются избегать как советского идеологического штампа, является верным и позволяет правильно освещать события войны, не исключая даже самых мрачных и печальных ее страниц».

Надо признать, что у отдельных западных авторов при освещении войны Германии с Советским Союзом присутствует понимание того, что со стороны русского и других народов СССР это была именно Великая Отечественная война. Вот что, например, писал западногерманский историк Г.-А. Якобсен: «Советы провозгласили свою борьбу "Великой Отечественной войной" и тем самым пробудили в русском народе все национальные чувства и страстное желание защищать свою Родину; за многие века истории России такой призыв всегда открывал огромные источники силы для борьбы против иностранных интервентов». Как раз понимание характера этой войны со стороны СССР позволяет таким западным авторам, как Г.-А. Якобсен, более-менее правильно и адекватно интерпретировать и освещать ее возникновение, ход и результаты.

В литературе и публицистике постсоветского времени прослеживается тенденция, которую мы бы деликатно назвали недооценкой степени опасности, нависшей над самим существованием нашей цивилизации в связи с германским вторжением. Но недооценка здесь недопустима, так как факты говорят под этим углом зрения именно о страшной опасности. Так, находившийся в советском плену генерал-фельдмаршал Ф. Шернер на допросе, состоявшемся 28 апреля 1947 года, сказал: «В мае или июне 1941 года... Гиммлер открыто заявил, что вскоре предстоит большая война на Востоке, целью которой является вытеснение славян из восточного пространства и колонизация славянских земель немцами. При этом он ориентировал на физическое истребление русских в случае оказания ими сопротивления во время вторжения немцев в пределы России. Он тогда заявил буквально следующее: "Если мы при выполнении наших планов в России натолкнемся на упорное сопротивление народа и армии, то ничего не остановит нас перед очищением страны от славян". Таковы известные мне факты, предшествующие нападению Германии на Советский Союз».

Конечно, в 1941 году такие откровения еще не были известны, но советские люди в массе своей интуитивно чувствовали, что немецкие фашисты во главе с Гитлером замысли-

ли нечто подобное. Во многом из этого интуитивного чувства проистекала непоколебимая решимость дать достойный отпор захватчикам и, невзирая на все жертвы, трудности и лишения, разгромить и уничтожить их. 28 июля 1941 года в газете «Правда» была опубликована статья писателя А. Толстого, в которой говорилось: «Мы должны объединиться в одной воле, в одном чувстве, в одной мысли — победить и уничтожить Гитлера и его армию, которые несут смерть и рабство, рабство и смерть и больше ничего...». Эти слова как нельзя лучше отражали морально-психологический настрой подавляющего большинства советских людей.

В этом общенародном порыве защитить Родину естественным образом произошло сплочение атеистов и верующих. Уже 22 июня 1941 года глава Русской Православной Церкви митрополит Московский и Коломенский Сергей выступил с обращением к православным христианам, в котором говорилось: «В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснется нашей страны. Но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству...». Заканчивалось обращение Сергея словами: «Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу».

Советский посол в Англии И. М. Майский вечером 22 июня 1941 года записал в своем дневнике: «Итак, война! Неужели Гитлер ищет самоубийства? Мы не хотели войны, очень не хотели войны. Мы делали все возможное для того, чтобы

ее избежать. Но раз германский фашизм навязал нам войну, пощады быть не может. Будем драться твердо, решительно, упорно до конца...». Примечательно, что применительно к Гитлеру И. М. Майский еще в первый день немецкого нападения на СССР употребил слово «самоубийство», и это, волею судеб, оказалось пророчеством в прямом смысле (как известно, Гитлер 30 апреля 1945 года покончил жизнь самоубийством в бункере имперской канцелярии, окруженной со всех сторон наступающими частями Красной Армии).

Существует представление, что в СССР большинство населения пострадало от репрессий и якобы было ими запугано. Это, конечно, сильное преувеличение. Документально подтвержденная статистика репрессий известна — она неоднократно публиковалась, и из нее вытекают совсем иные выводы. К тому же простые советские граждане в массе своей мало что знали или вообще ничего не знали о репрессиях, жертвами которых стали многие тысячи невинных людей, и впервые услышали об этом только после знаменитой речи Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 году. А тогда, в довоенные годы, сложившийся в СССР политический режим в сознании многомиллионных масс народа прочно ассоциировался не с террором и репрессиями, а с воплощенными идеалами социальной справедливости. И этот режим однозначно расценивался большинством советских граждан как самый справедливый на всем земном шаре.

В литературе и публицистике последних двух десятилетий отчетливо прослеживается тенденция реанимировать лживый тезис Гитлера о «превентивной войне» Германии против СССР. Концепция «превентивной войны» с ее соответствующим обоснованием наиболее рельефно была изложена в речи Гитлера в рейхстаге 11 декабря 1941 года:

«...Я не искал войны, а, напротив, делал все, чтобы ее избежать. Но я бы забыл свой долг и действовал бы вопреки своей совести, если бы, несмотря на понимание неизбежности столкновения, не сделал отсюда одного единственно возможного вывода: считая Советскую Россию смертельной опасностью не только для германского рейха, но и для всей Европы,

я решил всего за несколько дней до этого столкновения дать сигнал к наступлению. Сегодня имеются поистине неоспоримые и аутентичные материалы, подтверждающие факт намерения русских осуществить нападение на нас. Точно так же нам известен и тот момент, когда должно было произойти это нападение. Учитывая осознанную нами во всем ее объеме только ныне огромную опасность, могу лишь поблагодарить Господа нашего, вразумившего меня в нужный час и давшего мне силу сделать то, что должно было сделать...».

В этом заявлении Гитлера нет ни слова правды. Абсолютно все — сплошное вранье, и это было убедительно доказано еще на Нюрнбергском процессе. Однако в последние два десятилетия в литературе и публицистике довольно неожиданно произошла реанимация этой выдумки Гитлера: мол, Гитлер всего лишь упредил Сталина, готовившего агрессию против Германии (по некоторым версиям, якобы даже не только против Германии, но и в целом против Запада). Делается это обычно посредством тенденциозного подбора фактов и их извращенной интерпретации, а также целой системы логических построений, носящих преимущественно казуистический характер. И все эти «творческие» усилия направлены на то, чтобы «доказать», что заявление Гитлера в рейхстаге 11 декабря 1941 года будто бы было «правдивым».

Несмотря на все обоснования «правдивости» тезиса Гитлера о «превентивной войне», он, этот тезис, как был лживым, так таковым и останется навсегда. Ибо он прямо противоположен исторической правде. Тот же немецкий историк Г.-А. Якобсен (несмотря на то что в молодости он, будучи военным служащим вермахта, участвовал в войне против СССР) нашел в себе мужества написать правду: «...Необходимо разрушить одну все еще распространенную легенду: германское нападение на Советский Союз в 1941 году... не являлось превентивной войной. Решение Гитлера осуществить его было порождено отнюдь не глубокой тревогой перед грозящим Германии предстоящим советским нападением, а явилось конечным выражением той его агрессивной политики, которая с 1938 года становилась все более неприкрытой». Именно это заключение Г.-А. Якобсена и является исторической правдой.

К разряду системной фальсификации истории следует отнести настойчивые в последние годы попытки представить СССР как якобы виновника Второй мировой войны, поставить его в один ряд с фашистской Германией. Это совершенно недопустимо. Томас Манн как-то сказал о Третьем рейхе: «Это не государство и не социальный порядок, это дьявольское злодейство. Война против него — это священная война человечества против самого дьявола». Сказано, конечно, слишком резко, с элементами мистицизма, но по большому счету Т. Манн прав. Ведь во Второй мировой войне речь шла о спасении европейской (и еще шире — в целом человеческой) цивилизации от «коричневой чумы». И в этой «священной войне» (по выражению Т. Манна) прогрессивного и свободолюбивого человечества нельзя отрицать огромный вклад Советского Союза и его вооруженных сил. Нельзя забывать и о многомиллионных жертвах советского народа, принесенных на алтарь Победы.

И как же в свете этого можно ставить на одну доску гитлеровскую Германию и Советский Союз, вермахт и Красную Армию? Д. А. Медведев в интервью газете «Известия» 7 мая 2010 года сказал: «Те, кто ставит на одну доску роль Красной Армии и роль фашистских захватчиков, совершают моральное преступление». К сожалению, указанное моральное преступление процветает в литературе и публицистике, а также в политике и пропаганде.

Глава 4

В ГОДЫ ВОЙНЫ

***Правда ли, что народ был готов сбросить
«иго большевизма»?***

Многим зарубежным (да и некоторым отечественным тоже) исследователям и публицистам непонятен «странный феномен» массового патриотизма (ратного и трудового) советского народа. Им непонятно, например, как можно было сражаться за землю, которую Советская власть у крестьян «отобрала», «изъяла», «конфисковала», «экспроприировала» и т. п. Между тем вся эта аргументация была бы справедливой только в том случае, если бы «отобранная» земля отошла к каким-то другим владельцам, но она же ведь осталась в коллективном владении тех же самых крестьян. Весь массив исторических источников, которым мы располагаем, неопровержимо свидетельствует о том, что *советские крестьяне в массе своей не рассматривали колхозную землю как якобы чужую и отнюдь не собирались отдавать ее без боя чужеземным завоевателям.*

Крестьян глубоко возмущало стремление чужеземных завоевателей захватить их землю, политую потом, хлеб, скот. «Видите, время-то какое настало, — обращался к землякам-крестьянам член колхоза «Новая жизнь» Киренского района Иркутской области И. Г. Попов. — Фашист полез на нашу землю, приглянулась она ему, стервятнику. Мы ее, родную, полили своим потом и сделали плодородной, посмотрите наши хлеба! За них мы постоим!.. Земли не отдадим злодеям ни одного клочка»¹⁷⁵. Можно привести еще множество подобных высказываний крестьян.

Чтобы адекватно разбираться в истоках и мотивах массового патриотизма советских людей (и особенно многомиллионных масс крестьянства), самим исследователям желательно хотя бы чуть-чуть быть российскими патриотами. Но, поскольку у американских, английских и других зарубежных исследователей это «чуть-чуть» наистро отсутствует, то они в этом вопросе многое воспринимают в превратном и искаженном свете. Подлинным камнем преткновения для них стал феномен массового патриотизма колхозного крестьянства. Распространенной в западной историографии была тенденция истолковывать данный феномен «ошибками» и «просчетами» немецких захватчиков в плане привлечения на свою сторону основной массы населения СССР (и в первую очередь крестьян), будто бы стонущего под «игмом» большевизма и, чтобы сбросить это «иго», готового к сотрудничеству с оккупантами. Английский историк А. Ситон выдвинул совершенно бредовую, по нашему мнению, идею «отторгнутой протянутой руки», смысл которой состоит в том, что, мол, немцы, проявив с первых дней оккупации непомерную жесткость, не сумели привлечь население на свою сторону, оттолкнули якобы «протянутую им руку»¹⁷⁶.

Несостоятельность указанной «идеи» совершенно очевидна, так как на самом деле никакой «протянутой руки» не было. Факты пособнической деятельности отдельных представителей крестьянства не носили массового характера, и их, следовательно, ни в коем случае нельзя ставить во главу угла. Следует четко уяснить: *коллорабационизм некоторой части крестьянства — это не правило, а исключение из правила.*

В этой связи даже в поведенческой позиции бывших кулаков (а это, как известно, наиболее пострадавшая от Советской власти прослойка крестьянства) преобладали патриотические мотивы. Мы считаем своим долгом опровергнуть довольно прочный стереотип в общественном сознании, согласно которому бывшие кулаки, оказавшиеся на оккупированной территории, якобы чуть ли не поголовно становились полицией или карателями. Разумеется, часть бывших кулаков, руково-

дствуясь мотивами, которые условно можно назвать «классовой местью» или «попыткой классового реванша», пошла на полицейскую или иную службу к врагу. Однако у нас есть веские основания утверждать, что они составляли меньшую часть от общего числа бывших раскулаченных крестьян, находившихся на оккупированной территории, а большинство их не запятнало себя изменнической деятельностью.

В качестве примера приведем ситуацию со спецпереселенцами — бывшими кулаками, проживавшими в спецпоселках («кулацкой ссылке») Ставропольского края. По данным на 1 октября 1941 года, здесь на учете состояло 43 360 человек¹⁷⁷. Во второй половине 1942 года «кулацкая ссылка» Ставропольщины оказалась в зоне немецкой оккупации. В январе 1943 года оттуда вместе с отступавшими немцами бежали 412 спецпереселенцев¹⁷⁸. Их-то мы определяем как общее число активных коллаборационистов. А как же проявили себя остальные спецпереселенцы? Ответ на этот вопрос мы находим в письме секретаря Ставропольского крайкома ВКП(б) А. Орлова, датированном 11 июня 1946 года и адресованном лично И. В. Сталину. В письме, в частности, говорилось: «В период Великой Отечественной войны из числа спецпереселенцев было призвано в РККА 7636 человек, причем многие из них отличились в боях за советскую родину. Из спецпереселенцев 3 чел. удостоены звания Героев Советского Союза, 303 чел. награждены орденами и 471 чел. медалями и 564 чел. возвратились в спецпоселки инвалидами Отечественной войны. В период временной оккупации края спецпереселенцы в своем абсолютном большинстве были настроены за Советскую власть, против гитлеровских захватчиков. Имели место факты, когда спецпереселенцы прятали у себя коммунистов и евреев»¹⁷⁹. На основании всей этой информации мы можем сделать однозначный вывод: *значительное большинство бывших кулаков, несмотря на серьезные претензии к Советской власти, проявило себя вполне патриотично.*

В первые месяцы войны у высшего руководства СССР имелись, видимо, определенные сомнения относительно

благонадежности и патриотического настроения крестьянства. В значительной мере именно этим объяснялось создание по постановлению ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1941 года чрезвычайных политических органов — политотделов при МТС и в совхозах. В дальнейшем же становилось все более очевидным, что поведенческая позиция подавляющего большинства крестьянства безусловно *патриотическая*, в связи с чем отпала необходимость в существовании на селе указанных чрезвычайных политических органов. Можно согласиться с В. Т. Анисковым, который следующим образом характеризует ситуацию с введением политотделов при МТС и в совхозах в ноябре 1941 года и их упразднением в мае 1943 года: «Видимо, беспокойно было на душе у Сталина и его окружения в отношении крестьянства после недавних репрессий во время коллективизации и в самый разгар голода и мора в стране начала 30-х годов. А потому и позаботились о воссоздании уже «испытанных» чрезвычайных органов с понятными превентивными целями. Но забота оказалась чрезмерной, ибо, как свидетельствуют многочисленные донесения тех же политотделов, колхозное крестьянство оказалось куда более благонадежным, чем могли о нем подумать (исключения здесь не в счет). Более того, как явствует из тех же донесений, политотделам вскоре пришлось не столько политически «курировать» колхозников, сколько, зная истинно патриотические настроения и дела в деревне, все чаще вставать на защиту самих крестьян от непомерного и неразумного сверхизъятия их продукции. Это и послужило одной из причин неожиданно быстрого упразднения политотделов на селе уже в мае 1943 года»¹⁸⁰.

Война крайне тяжело отразилась на состоянии производительных сил сельского хозяйства. В первые же ее месяцы вследствие оккупации из хозяйственного оборота выпали большие площади посевов. Захваченные врагом сельскохозяйственные районы до войны располагали значительной материально-технической базой.

Расходы бюджета СССР на сельское хозяйство к 1943 году по сравнению с 1940 годом сократились в 2,5 раза (с 12,6 млрд

до 5,1 млрд р.). Основную часть техники, причем самой лучшей, колхозы и МТС передали фронту. Из села почти полностью были изъяты новые мощные гусеничные тракторы, почти 75% автомобильного парка, 60,2% рабочих лошадей. В общей сложности сельское хозяйство лишилось почти 54% всех своих механических энергетических мощностей, из которых 21,8% осталось на оккупированной территории и 32,6% было передано Красной Армии¹⁸¹. Резко сократились поставки горючего, запасных частей, инструментов, проволоки, лесоматериалов, брезента и т. д. Такие материалы, как стекло, толь, вообще не поступали. Выполнять возросший объем работ можно было лишь при условии огромного трудового напряжения, увеличения объема конно-ручных работ.

Между тем трудовые ресурсы колхозной деревни довольно сильно сократились. По данным годовых отчетов колхозов, в армию и в промышленность за годы войны ушло как минимум 13,5 млн крестьян. Динамические сведения об изменениях в трудовых ресурсах колхозов приводятся в табл. 1. К началу 1945 года трудоспособных стало меньше на 13 471,5 тыс. (38%), в том числе мужчин на 12 430,5 тыс. (73,7%), женщин на 1041 тыс. (4,4%). Общая численность трудоспособных в колхозах сокращалась вплоть до 1944 года, а мужчин — до 1945 года.

*Таблица 1. Численность трудоспособных колхозников
(по состоянию на 1 января каждого года)¹⁸²*

Годы	Число трудоспособных (тыс.)	Из них	
		мужчин	женщин
1941	35 448,3	16 873,4	18 574,9
1942	16 410,0	6 262,8	10 147,2
1943	15 051,8	4 021,1	11 030,7
1944	16 567,2	3 620,7	12 946,5
1945	21 976,8	4 442,9	17 533,9

Сокращение механизации основных работ неизбежно вело к резкому падению производительности сельскохозяйственного труда, продолжительности рабочего дня, росту затрат физических усилий. Если в промышленности производительность труда за годы войны в целом выросла на 14%, то в колхозах, совхозах и на других государственных сельскохозяйственных предприятиях она снизилась на 40%.

В условиях войны каждый трудодень, так же как и каждый килограмм хлеба, давался ценой дополнительных физических нагрузок. Поэтому лишь в немногих областях (Горьковская, Ивановская, Ярославская, Костромская и некоторые другие), где существовали более благоприятные условия для восполнения убыли рабочей силы за счет городского, эвакуированного населения, широкой помощи воинских частей (при относительно небольших посевных площадях и более развитом многоотраслевом производстве), имелась возможность удержать производство на довоенном уровне и даже превзойти его по некоторым показателям. В большинстве же районов страны, особенно в восточных, где недостаток рабочей силы и сельскохозяйственной техники оказалось невозможно восполнить, условий для расширенного производства не было. И вполне понятно, что здесь в целом на сопоставимой территории тыловых районов производство в период войны уменьшалось из года в год. Из-за сокращения количества тракторов в МТС колхозам рекомендовалось шире использовать на полевых работах лошадей, волов и даже коров из личных хозяйств. В первых колхозных планах военного времени предусматривалось большее, чем обычно, применение простейших механизмов и орудий ручного труда, организация работ в ночное время и т. д. Широкая инициатива и рационализация сочетались с мерами вынужденного характера, такими как частичный возврат к упрощенным приемам земледелия — переложной системе, мелкой пахоте, посеву по стерне, уменьшению зяблевой вспашки, отступления от севооборотов и ухода за посевами и т. п.

Таким образом, война оказала сильное разрушительное влияние на состояние производительных сил сельского

хозяйства. Лишь благодаря стойкости и самоотверженности крестьянства удалось выстоять и дать стране необходимое продовольствие и сельскохозяйственное сырье.

Широко привлекали на полевых работах крупный рогатый скот: в упряжке были быки и коровы. Для максимального использования лошадей вводилась строгая личная ответственность за их состояние, устанавливались нормы выработки, условия оплаты и льготы для колхозников, работавших на своих коровах. Даже в ведущих зерновых районах объем работ на живом тягле уже к весенней вспашке 1942 года составил более 50% общего объема выполненных полевых работ, тогда как весной 1941 года он достигал почти 4%. Столь же необычно возросла и доля ручного труда. Если в 1941 году в колхозах Западной Сибири и Красноярского края ручным способом было засеяно 10—20% яровых зерновых культур, то весной 1942 года — около 50%. По неполным данным, в 1942 году здесь было приучено к упряжи около 88 тыс. голов крупного рогатого скота, преимущественно коров¹⁸³. В малоземельных районах страны, например в Нечерноземье, увеличение доли конно-ручных работ было еще более разительным.

Активизировалась трудовая деятельность крестьянства. Этому способствовало, в частности, постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 года «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней»¹⁸⁴. Каждый член сельхозартели должен был вырабатывать в год не менее 100—150 трудодней (в зависимости от района). При этом основная доля трудового участия должна была приходиться на важнейшие периоды сельскохозяйственных работ. Впервые вводился обязательный минимум трудодней для подростков, которым стали выдаваться отдельные трудовые книжки. Колхозники, не выработавшие установленного минимума трудодней, считались выбывшими из колхоза и лишались приусадебного участка. За невыработку трудодней по периодам работ по неуважительным причинам трудоспособные колхозники могли предаваться суду и наказываться исправительными трудовыми работами в самих же колхозах на срок до 6 месяцев.

Однако основной формой воспитательной работы среди колхозников оставались методы убеждения. Санкции, рекомендованные Постановлением от 13 апреля 1942 года, применялись не так уж часто. В 1940 году по тыловым областям колхозники, не выработавшие минимума, составляли 12,6% трудоспособного населения, из колхоза было исключено 7,7%; в 1944 году при 11,1% трудоспособных, не выработавших минимума, установленные законом санкции были применены всего лишь к 3,3%¹⁸⁵.

Следовательно, есть основание утверждать, что в годы войны применение правовых мер как побудительного средства активизации общественного труда колхозников не только не усилилось, а, наоборот, заметно уменьшилось. Это воочию опровергает имеющие широкое хождение в зарубежной, а в последние годы — в отечественной литературе утверждения о так называемом принудительном труде в колхозах в годы войны, о том, что якобы только с помощью принудительных мер удалось поддерживать трудовое напряжение крестьянства. Подобные утверждения не имеют ничего общего с исторической правдой. Пожалуй, не было ни одной крестьянской семьи, у которых кто-либо из членов семьи не находился бы на фронте. Основную массу крестьянства не нужно было принуждать к тому, чтобы с полной отдачей сил трудиться и этим оказывать посильную помощь своим родным и близким, сражающимся с чужеземными захватчиками.

Лейтмотивом морально-психологического состояния и отношения к труду у подавляющего большинства крестьянства являлись патриотические побуждения, стремление оказать посильную помощь фронту. Это наше утверждение далеко не голословно, а основывается на многочисленных конкретных фактах, свидетельствующих о том, что из среды тружеников села исходило бесчисленное множество различных патриотических инициатив, которые обычно получали широкое распространение. Однако М. А. Вылцан в своей книге, выпущенной в 1995 году, назвал массовый трудовой героизм крестьянства «утвердившимися в исторической литературе клише и штампами». При этом о патриотических побуждениях в по-

ведении крестьянства он не сказал ни слова, а мотивацию к трудовой деятельности объяснил тем, что, мол, «в поведенческой структуре крестьян не последнее место занимало и ощущение страха, неотвратимости наказания за неисполнение “своего гражданского долга”, приказа высших и местных властей»¹⁸⁶. Если следовать логике М. А. Вылцана, то получается, что главным побудительным мотивом трудового подвига крестьян являлись не патриотические побуждения, а страх перед наказанием. Эта псевдоноваторская концепция могла бы быть предметом дискуссии, если бы не наличие огромного массива исторических фактов, прямо ее опровергающих. Причем М. А. Вылцан прекрасно осведомлен о том, что из среды крестьянства исходило множество патриотических инициатив. Поэтому его выводы мы не можем расценить иначе как умышленную фальсификацию, как осознанное стремление дегероизировать и опошлить величие трудового подвига советского крестьянства.

В вышедшей в 2004 году статье М. А. Вылцана и В. В. Кондрашина приводится статистика уголовного преследования за невыработку обязательного минимума трудодней и на основе этого делается совершенно неправильный и извращенный, по нашему убеждению, вывод: «Приведенные факты ставят под сомнение распространенные в литературе клише и штампы о “массовом трудовом героизме” крестьян, “жертвенном подвиге деревни” в годы войны. Да, многие тысячи, десятки тысяч крестьян трудились, не жалея сил, для обеспечения фронта всем необходимым, но зачем было вводить обязательный минимум трудодней? Крестьяне, безусловно, осознавали неизбежность тягот и лишений, вызванных войной, но, пожалуй, в большей степени в их отношении к труду действовал страх наказания за невыполнение своего “долга”, приказа центрального и местного начальства»¹⁸⁷.

Для недостаточно подготовленного читателя вышеприведенное высказывание М. А. Вылцана и В. В. Кондрашина может показаться убедительным, но это далеко не так. В их концепции заложено чудовищное извращение исторической правды. Из логики их рассуждений вытекает, что массовый

трудовой подвиг советских крестьян являлся следствием не их патриотических побуждений, а страха перед неким наказанием. Мы категорически не можем согласиться с подобной «концепцией». Очень странно, что Вылцан и Кондрашин, входящие в число ведущих историков-аграрников, не видят очевидную вещь, а именно: *постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 года не было направлено против большинства крестьянства*. Оно не было направлено ни против стахановцев и ударников, ни против тех миллионов тружеников села, которые добросовестно выполняли установленные задания, движимые патриотическими побуждениями. Данное постановление было направлено в первую очередь против лодырей, бездельников и тунеядцев, а также против полулюмпенских и спившихся субъектов, чтобы заставить их работать. А заставить их работать надо было обязательно: этого требовала чрезвычайная военная обстановка, в рамках которой в сельском хозяйстве ощущалась острая нехватка рабочей силы.

Колхозники многих артелей по собственной инициативе принимали решения об утверждении размера обязательного минимума трудодней, который превышал установленный государством. Вот одно из таких решений, записанное в протоколе собрания артели им. С. М. Буденного Беловского района Новосибирской области от 21 марта 1942 года: «Слушали: о пересмотре минимума трудодней для трудоспособного колхозника артели им. Буденного. Постановили: утвердить на 1942 год минимум трудодней для трудоспособной женщины — 200, для трудоспособного мужчины — 300»¹⁸⁸. При обсуждении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 года многие колхозники отмечали, что установленный минимум является низким. Примечательно в этом отношении выступление 83-летнего колхозника артели им. XVII партсъезда Эхирит-Булагатского аймака Иркутской области А. Ф. Малянова: «120 трудодней и инвалид может выработать. Военное время требует от нас работы за двоих-троих. В прошлом году я выработал 436 трудодней, а в этом году выработаю не менее 500»¹⁸⁹.

Крестьянки, проводив на фронт своих братьев, мужей, сыновей, внуков, старались, насколько позволяли силы, помочь им своим ударным трудом. Так, выражая общие чувства и помыслы, колхозница сельхозартели «Путь Ленина» Чкаловской области А. П. Дюгаева, отправившая на фронт двух сыновей и внука, сказала: «Буду работать за двоих. Сил у меня хватит. Я знаю, мой труд пойдет на пользу фронту»¹⁹⁰. Такие почины носили массовый характер.

Настоящая, полная самоотверженности битва за военный хлеб развернулась с началом уборочных работ в 1941 году. Работа велась почти круглосуточно. Днем косили хлеб, ночью скирдовали и молотили. Вся жизнь многих артелей переместилась на полевые станы, тока. Полеводы, особенно молодежь из отдаленных бригад, неделями, а то и до конца косовицы не возвращались домой. В деревнях оставались малые дети, старики да часть животноводов. Но и они охраняли колхозное и личное имущество односельчан, ремонтировали сбрую и тару, были заняты на приусадебных участках, а когда появлялась возможность — подключались к уборке, заготовке кормов, к подсобным работам. Получило распространение совмещение профессий. «Сколько я жил на свете, не помню, чтобы мои земляки так дружно работали, — вспоминал ветеран колхозного строительства Подмосковья И. А. Буянов. — Откуда только брались силы? И в полуденную жару, и в душные ночи — на жатве, на молотье, на копке клубней, на уборке пропашных, на фермах — люди работали и работали, не зная отдыха, не покладая рук»¹⁹¹.

В колхозе «Путь Ильича» Калманского района Алтайского края средняя ежедневная выработка на сенокосилку в бригадах, состоявших из женщин, поднялась до 8 га вместо 4,5 по норме. В сельхозартели «Новая жизнь» Тяжинского района Новосибирской области группа женщин во главе с депутатом Верховного Совета РСФСР Чмырь ежедневно навязывала по 6 тыс. снопов, применяя раздельно-звеньевой метод работы. Колхозницы Белоглазовского района Алтайского края Корнева и Щеглова при норме 520 снопов связывали в день 1150—1500. Таких примеров можно привести очень много.

Героические усилия колхозного крестьянства, направленные на своевременную уборку первого военного урожая, в целом увенчались успехом. Колхозами тыловых районов был убран урожай с 51 630 тыс. га, т. е. почти с той же уборочной площади, что и в 1940 году. Сказались трудности войны и сложные погодные условия. Тем не менее план заготовок зерновых тыловые районы выполнили на 80% — в закрома Родины поступило свыше миллиарда пудов хлеба (174,7 тыс. ц). Это была крупная победа тружеников сельского хозяйства. Важно отметить, что в 1941 году колхозы и совхозы сдали государству 43,3% валового сбора зерновых против 38,1% в 1940 году.¹⁹²

Уборочные и заготовительные работы всюду проходили под лозунгом «В труде, как в бою!». Прямое значение он приобрел в прифронтовых районах, где уборка и спасение хлеба представляли собой настоящее боевое задание. Нередко колхозники попадали под обстрел и бомбежку, боролись с поджогами вражеских парашютистов и диверсантов. Для уборки и вывозки хлеба на особо опасных участках создавались бригады из добровольцев во главе с коммунистами, здесь патрулировали ночные колхозные дозоры.

Исключительно трудным для крестьянства был 1942 год. Враг оккупировал такие богатейшие сельскохозяйственные районы страны, как Дон, Кубань, Северный Кавказ, Украина. Почти единственными поставщиками продуктов сельскохозяйственного производства становились восточные районы страны. Сосредоточив силы на уборке урожая 1941 года и расширении озимых посевов, колхозы не смогли одновременно подготовить землю под урожай 1942 года. Объем вспаханных паров и зяби к яровому севу уменьшился на сопоставимой территории более чем в 2,5 раза (с 26,4 млн до 10,5 млн га). Особенно неблагоприятно с подготовкой земель под урожай 1942 года было в областях Центра, Юго-Востока и Урала, где площадь паров и зяби сократилась в 3,5—5 раз. Соответственно, резко возрос объем весенних пахотных работ и удельный вес ярового сева по весновспашке. Чтобы спра-

виться с этими чрезвычайно трудными задачами, нужны были предельное напряжение сил и организованность.

Пройдя первые суровые испытания, крестьянство накопило опыт работы в условиях войны. В январе-феврале 1942 года началось Всесоюзное соревнование сельских тружеников. Большое мобилизующее значение имели состоявшиеся пленумы партийных комитетов, а вслед за ними — областные и районные совещания передовиков сельского хозяйства, обсудившие итоги прошедшего 1941 года и задачи предстоящего сева.

12—15 января 1942 года в ходе обсуждения на пленуме Новосибирского обкома ВКП(б) вопроса о плане сельскохозяйственных работ нового года делегация колхозников Купинского района вызвала на соревнование своих соседей из Тогучинского района. Через несколько дней участники областного совещания передовиков сельского хозяйства приняли обращение: «Горячо приветствуем почин колхозников, работников МТС и совхозов Купинского и Тогучинского районов области, начавших между собой соревнование за образцовое проведение сева, за высокий урожай... Развернем соревнование в каждом звене, в каждой бригаде, в каждом колхозе и между районами. Самоотверженным трудом на полях окажем мощную поддержку доблестной Красной Армии».

Первые недели 1942 года показали, что колхозная деревня переживает небывалый трудовой подъем. Важной вехой в подготовке Всесоюзного соревнования стал патриотический почин работников сельского хозяйства Алтайского края. В газете «Социалистическое земледелие» от 14 февраля 1942 года было опубликовано письмо колхозников артелей «Родина», «Красный боец» и коллектива Шипуновской МТС Алтайского края ко всем колхозникам, работникам МТС, земельным органам Поволжья, Урала, Сибири, Средней Азии и Казахстана с призывом вступить в социалистическое соревнование за лучшую помощь фронту. «Восточные области, — писали они, — стали основными базами производства зерна и других сельскохозяйственных продуктов. На эти области главным образом базируются тылы Красной Армии. Это возлагает на нас,

сибиряков, так же, как и на уральцев, волжан, жителей Казахстана, Средней Азии, колоссальную ответственность. Это требует коренного улучшения работы во всех колхозах и МТС... Вступайте в социалистическое соревнование за лучшую помощь фронту, за лучшее проведение весеннего сева. Помните, в этом деле нет мелочей, для успеха одинаково важно подготовить семена, кадры, своевременно составить план, отремонтировать каждый хомут, каждую постромку. Всю богатырскую мощь колхозного строя — на помощь фронту!».

Крестьянство Алтая не называло тогда начатое ими соревнование всесоюзным, но его почин, по сути дела, впервые в стране отразил эту идею. Начинание крестьян-алтайцев получило высокую оценку в руководстве страны. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин писал: «С их предложениями не только можно согласиться, их надо приветствовать и решительно проводить в жизнь... Обязательство, принятое колхозниками, показывает, что алтайцы правильно поняли требования момента. Этому пути должны следовать все колхозы и других областей...»¹⁹³.

4 мая 1942 года Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило предложения по организации Всесоюзного социалистического соревнования. 8 июня 1942 года ГКО принял постановление об организации Всесоюзного социалистического соревнования колхозов, машинно-тракторных станций, районов, областей, краев и республик, а 10 июня «Правда» и «Известия» опубликовали его условия.

Руководя соревнованием, партийные и советские организации опирались на опыт довоенных лет. Но тогда условия работы были иные и размах соревнования не был столь массовым. В 1940 году соревновались, например, 55% колхозов и 58% МТС. Менее распространенным и далеко не повсеместным до войны было соревнование между районами, областями и республиками. Начиная с 1942 года в сельском хозяйстве, как и в промышленности, Всесоюзное соревнование охватило все без исключения коллективы и административно-территориальные районы. На новую ступень поднялось внутрихозяйственное соревнование, а также соревнование

тракторных бригад и отдельных механизаторов, комсомольско-молодежных бригад по выполнению различных видов работ, соревнование пахарей, бороновальщиков, звеньевых, полеводов, доярок, телятниц и т. д. Наибольшего накала достигало соревнование во время проведения декадников, месячников, трудовых вахт, связанных с ударным завершением важнейших работ и в честь побед на фронтах войны.

По итогам весеннего сева 1942 года 680 трактористок были награждены знаком «Отличник социалистического сельского хозяйства». Первое место во Всесоюзном соревновании завоевала женская тракторная бригада Д. М. Гармаш из Рыбновской МТС Рязанской области. Только за период весеннего сева она обработала (в переводе на мягкую пахоту) 1296 га при 487 по плану и сэкономила 2110 кг горючего и 838 кг смазочных масел. По решению ЦК ВЛКСМ ей было присуждено переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ. В 1943 году Д. М. Гармаш была удостоена Сталинской премии. М. Кострикина из этой же бригады на тракторе ХТЗ выработала на весеннем севе 260 га условной пахоты, выполнив план на 426% при экономии 360 кг горючего, А. Демидова — 250 га (409,6% плана), сэкономив 344 кг горючего. Бригада Д. М. Гармаш удерживала первенство в соревновании женских тракторных бригад страны и в последующие годы.

Женская тракторная бригада Больше-Раковской МТС Куйбышевской области, выступившая в числе инициаторов Всесоюзного соревнования, годовой план работ выполнила на 201%, а трактористка А. Казакова — на 213%. В Свердловской области в числе первых были созданы женские тракторные бригады Д. Ларионовой из Ирбитской МТС и Л. Жировой из Усениновской МТС. Обе бригады были признаны победителями областного соревнования, в котором участвовало 140 женских тракторных бригад (4636 трактористок). Д. Ларионова приняла руководство бригадой, которую до призыва на фронт возглавлял ее муж. В состав этого коллектива входили начинающие трактористки, но все они быстро освоили технику и добились высоких показателей. Трудовую доблесть проявила колхозница В. К. Борисова из артели им. XVII партсъез-

да Убинского района Новосибирской области. Мать пятерых детей, она пошла работать на трактор и за весну 1942 года вспахала и засеяла свыше 200 га.

От механизаторов не отставали и те, кто трудился вручную. Даже многие крестьяне, находившиеся в достаточно пожилом возрасте, показывали образцы высокопроизводительного труда. Например, 75-летние И. Третьяков и И. Прошухлин из Красноярского края выкашивали литовкой по гектару и более пшеницы в день при норме в полгектара. Во многих областях развернулось соревнование женщин-косарей. В колхозе им. 1 Мая Усть-Абаканского района Хакасской АО комсомольское звено из трех колхозниц — Е. Дребенцовой, М. Дребенцовой и К. Касаткиной — на уборке урожая 1942 года впервые применило новый, отдельный по операциям, поточный метод работы. В среднем звено связывало в день до 11 тыс. снопов при норме 1500. Метод звена Е. Дребенцовой нашел многочисленных последователей. Только в Красноярском крае его применяло до 3 тыс. звеньев.

С весны 1942 года широкое распространение получила ценная инициатива рационального использования оставшегося конного поголовья, колхозного инвентаря и рабочей силы, проявленная В. Нагорным, 17-летним пареньком из колхоза «Красный партизан» Краснотуранского района Красноярского края. Используя сменных лошадей, он уже в первый день работы по-новому вспахал 4 га, выполнив более четырех норм. В последующие дни выработка поднялась до 500%. Столь же высоких показателей добились пахари того же колхоза Д. Першин, Е. Шагоракова, И. Тимченко — всего более 20 человек. Почин новаторов, о котором оперативно рассказывала местная и центральная печать, был подхвачен не только в Сибири. В борьбу за перевыполнение норм по методу Нагорного включились не только пахари, но и бороновальщики, сеяльщики, трактористы, а затем машинисты сенокосилок и уборочных машин. На уборке урожая выдающихся успехов добились, используя метод Нагорного, колхозники артели «Революционный путь» Ташлинского района Чкаловской области Ерофеев, Иванов, Степанов, Катков. Двумя лобогрейка-

ми они скосили за день более 30 га, тогда как обычная норма выработки составляла 5-6 га. Но и это достижение не стало пределом. Всесоюзный рекорд выработки на лобогрейке был установлен в колхозе им. Шеховцева Челябинской области. Здесь председатель артели П. Н. Алтынов сам сел за лобогрейку. Работа началась в 4 часа утра на трех сменных лошадях и продолжалась весь день. Так как один круг поля составлял свыше 3 км, перепрягали лошадей после 17 кругов. Алтынова сменил напарник, который работал до 12 часов ночи. Выработка на одну лобогрейку составила в итоге 21 га¹⁹⁴.

В 1943 году патриотические начинания сельских тружеников часто возникали в ответ на конкретные события. Разгром фашистских войск под Сталинградом, историческая победа под Курском, дальнейшее победоносное наступление советских войск все выше поднимали общенародный патриотизм. «Работать так, как воюют наши земляки!», «Трактор — это наш танк, который мы ведем в бой за высокий урожай!», «Больше хлеба, мяса, овощей — сильнее ударю по врагу!» — эти лозунги определяли все дела и мысли тружеников тыла.

В начале сентября 1943 года во многих областях состоялись фронтовые декадни́ки по усилению хлебозаготовок в честь освобождения Харькова. Так, в Новосибирской области передовые колхозы и целые районы успешно выполнили фронтовые задания: Нарымский округ — на 102%, Верх-Ирменский район — 118%.

Мощный подъем в дни уборки урожая вызвало сообщение об освобождении Донбасса. Колхозники Павловского района Алтайского края обратились ко всем работникам сельского хозяйства края с призывом провести в честь этого события с 13 по 20 сентября 1943 года Неделю труда. Почин Павловцев нашел горячий отклик в колхозах и на промышленных предприятиях Алтая. За Неделю труда были убраны тысячи гектаров зерновых, многие колхозы полностью вывезли хлеб, собранный с участков, засеянных в фонд победы и помощи освобожденным районам.

Ярославские земледельцы обязались завершить хлебозаготовки к 20 октября 1943 года, сдать сверх плана в фонд

Красной Армии 700 тыс. пудов зерна и вывезти его на государственные склады не позднее 5 ноября. Повсюду был организован круглосуточный обмолот зерна, созданы комсомольско-молодежные тракторные бригады, проводились дни массовых красных обозов. Промышленные предприятия Ярославля, Рыбинска и других городов выделили в помощь колхозам 328 автомашин, 350 лошадей и сотни рабочих для транспортировки зерна, погрузки и разгрузки обозов. В результате государственный план хлебозаготовок был завершён 16 октября — на 4 дня раньше срока, принятого обязательством. А к 20 октября область сдала сверх плана в фонд Красной Армии 200 тыс. пудов зерна. К 1 ноября ярославские колхозники выполнили уже план поставок картофеля.

Борьба за восстановление культуры земледелия активизировала соревнование бригад и особенно звеньев высокого урожая. Ещё в довоенные годы широко было известно соревнование пятисотниц свекловичных полей Украины, движение за 100-пудовый урожай среди хлеборобов Поволжья и др. С начала войны многие знатные полеводы ушли на фронт, часть звеньев распалась. Уже в 1942 году стали возрождаться звенья высокого урожая, они включались во Всесоюзное соревнование. Но более широкий размах это движение получило в 1944—1945 годах, став всеколхозным и преимущественно комсомольско-молодежным. Если в 1943 году, по данным 28 областей, краёв и республик, в нём участвовали 24 тыс. комсомольско-молодежных звеньев, то в 1944 году их число возросло до 64 тыс., а к концу войны — до 100 тыс.

На Алтае вновь набирало силу ефремовское движение за получение высоких урожаев зерновых, начало которому было положено М. Е. Ефремовым в 1936 году. Если в 1941—1942 годах здесь в разное время года оставалось не более 200 ефремовских звеньев, то в 1944 году их насчитывалось 1140, а весной 1945 года — 1600. Сбор зерна на закрепленных за ними участках в 2,5 раза превышал среднюю в Алтайском крае урожайность. В колхозах Новосибирской области весной 1942 года соревновалось только 112 звеньев высоких урожаев, а в 1943 году — уже 926, в 1944 году — 1012. Моло-

дежные звенья здесь добивались урожая значительно выше среднего по области. Движение звеньев высоких урожаев получило широкое распространение также в Московской, Калининской, Воронежской, Свердловской и других областях.

В последние годы войны нарастали массовость и эффективность соревнования по профессиям. Этому способствовало учреждение в областях, краях и республиках почетных званий «Лучший пахарь», «Лучший сеяльщик», «Лучший бороновальщик», «Лучший жнец», «Лучшая сноповязальщица», а среди животноводов — «Лучший конюх», «Лучшая доярка», «Лучший овцевод» с вручением соответствующих дипломов и грамот. В Молотовской области по итогам соревнования за 1944 год решением бюро обкома ВЛКСМ была отмечена хорошая работа 500 юных пахарей и бороновальщиков. Свыше 100 молодых колхозников и колхозниц заслужили почетные звания «Лучший машиновожатый», «Лучший жнец», «Лучшая сноповязальщица». В Ярославской области в 1944 году в областную Книгу почета были занесены имена 1002 передовиков сельского хозяйства, награжденных дипломами I, II и III степени. Показательно, что 75% из них составляли женщины. В это число входили льнотеребильщицы, машинисты сельскохозяйственных машин, косцы, пахари и т. д. Из 277 косцов Ярославской области, отмеченных дипломами, 273 — женщины.

Помимо плановых заготовок колхозной продукции, которые составляли главную долю поступлений продовольствия и сырья, государство получало от крестьянства большое количество средств и продовольствия в виде добровольных сборов в фонд обороны и др. Многочисленные документы и воспоминания современников свидетельствуют о том, что сразу после нападения фашистской Германии вместе с первыми призывниками из колхозов потянулись первые обозы с хлебом, мясом, овощами. Ширилось движение крестьянства за отчисление в фонд обороны части выработанных трудодней с причитающейся из них продукцией. Следуя примеру москвичей и ленинградцев, начавших отчисления части зарплаты в фонд обороны, крестьяне колхоза «Ленинский путь» Чкаловского района Чкаловской области стали отчислять в этот

фонд по 10 трудодней с каждого трудоспособного колхозника. «Если все колхозы области последуют нашему примеру, то этим самым они дадут дополнительно один миллион пудов хлеба», — говорилось в их обращении¹⁹⁵. Уже в первый период войны крестьянство страны отчислило в фонд обороны десятки миллионов трудодней, в счет которых из колхозной деревни поступили миллионы пудов хлеба, сотни тысяч рублей деньгами, а также мясо, молоко, овощи и другие продукты¹⁹⁶.

Ярким выражением глубокого понимания общенародных задач явилось движение крестьянства по восполнению хлебных и других продовольственных запасов страны. После сдачи излишков продовольствия из предвоенных урожаев труженики села выступили с такой новой патриотической инициативой, как сверхплановый посев зерновых и других культур в фонд обороны. Идея «гектаров обороны» родилась еще во время озимого сева 1941 года. С ней выступили колхозники Бузулукского района Чкаловской области, Каменского района Челябинской области и др. Весь урожай, собранный с «гектаров обороны», сдавался государству.

Еще больший размах это движение получило в 1942 году. С почином выступили колхозники артели им. Н. К. Крупской Выселковского района Краснодарского края. Они призвали всех труженников сельского хозяйства страны организовать сверхплановые посевы в фонд обороны и помощи колхозам, пострадавшим от оккупации. Кубанские колхозники засеяли в этот фонд около 11 тыс. га яровых культур. Их патриотическое начинание получило повсеместное распространение и стало всесоюзным. По ориентировочным подсчетам, в общей сложности в стране было засеяно не менее 200 тыс. «гектаров обороны». В пересчете на среднюю урожайность зерновых в 1942 году с этих площадей было получено около 60 млн пудов хлеба¹⁹⁷.

Патриотизм колхозного крестьянства был поистине всеобщим. «Почти нет таких колхозов, которые не считали бы своей моральной обязанностью сверх установленных государством поставок сдавать часть продукции в фонд Красной Армии», — отмечал М. И. Калинин¹⁹⁸. При этом довольно час-

то сдавалось далеко не излишнее, а самое необходимое и даже последнее. Типично в этом отношении решение общего собрания колхозников сельхозартели «Красный пахарь» Шенкурского района Архангельской области. Когда встал вопрос о дополнительной сдаче в фонд обороны еще 200 ц зерна, председатель этого хозяйства П. И. Клыкова заявила: «Вот что, бабы, если 200 центнеров хлеба отдадим, мы еще проживем. А там люди за нас умирают». И решение было единодушным: «Отдать 200 центнеров для победы над врагом»¹⁹⁹.

Свидетельством трудового подвига крестьянства в годы войны являются приведенные в таблице 2 статистические сведения о выработке трудодней, взятые из годовых отчетов колхозов. Они свидетельствуют о том, что с начала войны повсюду происходил рост средней выработки трудодней каждым трудоспособным колхозником, которая в 2—2,5 раза превышала установленный минимум.

*Таблица 2. Выработка трудодней в колхозах на одного мужчину, одну женщину и одного трудоспособного*²⁰⁰

Год	Мужчины	Женщины	Один трудоспособный
1940	312	193	222
1941	323	188	227
1942	327	237	259
1943	338	244	267
1944	344	252	275
1944, % к 1940 году	110,3	130,6	123,9

Особенно высокий прирост выработки трудодней был у женщин — свыше 30%. Правда, в 1941 году средняя выработка трудодней колхозницами несколько уменьшилась. Объясняется это тем, что со второй половины 1941 года на смену выбывшим 1,9 млн мужчинам пришло 428 тыс. женщин. До конца года они, естественно, не могли достичь среднегодового уровня выработки. В 1944 году по сравнению с 1940 годом процент женщин, не выработавших обязательного минимума трудодней, понизился в колхозах тыловых районов с 18,3 до

12,8%. В течение войны средняя выработка одним престарелым или больным составляла 130—135 трудодней, или половину среднегодовой выработки одним трудоспособным. Выработка одним подростком в возрасте от 12 до 16 лет поднялась с 74 трудодней в 1940 году до 103 трудодней в 1944 году и стала составлять 42,2% среднегодовой выработки взрослого трудоспособного²⁰¹.

Важнейшей производственной задачей крестьянства первых лет войны было максимально возможное восполнение потерь, вызванных фашистской оккупацией. Особенное значение приобрел вопрос о посевных площадях в связи с утратой огромных земельных массивов Украины, Белоруссии, Прибалтики, Дона и других районов. Ухудшение всего комплекса агротехники практически исключало возможность быстрого и ощутимого прироста сельскохозяйственной продукции на старопахотных землях тыловых районов. Но здесь все же, особенно в Казахстане, Сибири, на Урале, имелись благоприятные условия для быстрого расширения площади посевов за счет освоения свободных земель.

Таблица 3. Посевные площади, урожайность и валовой сбор сельскохозяйственных культур в колхозах²⁰²

Год	Уборочная площадь, тыс. га	Валовой сбор, тыс. ц	Сбор с 1 га, ц
1	2	3	4

Зерновые

1940	89 645,1	748 770,7	8,5
1941	50 722,3	355 606,5	7,0
1942	54 457,7	249 427,9	4,6
1943	52 548,3	205 611,1	3,9
1944	62 693,8	354 931,3	5,7
1945	64 778,6	333 338,0	5,1

Картофель

1940	2900,5	249 721,6	86,1
1941	1353,4	74 167,2	54,8
1942	1702,5	69 541,0	40,8
1943	1799,3	89 622,5	49,8

1944	2481,5	119 446,5	48,1
1945	2542,7	99 976,8	39,3

Овощи

1940	709,5	59 346,3	86,3
1941	306,6	19 186,1	62,6
1942	351,2	23 945,6	68,2
1943	410,7	25 210,2	61,4
1944	587,0	33 450,6	58,4
1945	625,0	28 957,0	46,3

Сахарная свекла

1940	1111,1	159 157,3	143,2
1941	94,5	14 614,7	154,7
1942	268,4	19 562,9	76,8
1943	228,7	7208,2	31,5
1944	555,3	35 768,9	64,4
1945	688,4	45 544,0	66,2

Подсолнечник

1940	3067,5	22 989,6	7,5
1941	869,3	2322,5	2,6
1942	800,2	981,6	1,2
1943	1326,8	3073,7	2,3
1944	2240,0	7486,0	3,3
1945	2198,4	6133,0	2,8

Хлопок-сырец

1940	1481,0	20 226,1	13,7
1941	1496,1	23 485,1	15,7
1942	1449,1	13 234,6	9,1
1943	1099,6	7082,4	6,4
1944	1087,0	10 679,8	9,8
1945	1132,5	11 143,6	9,8

Уже в 1941 году, несмотря на небывалое сокращение производительных сил, труженики сельского хозяйства, часто по собственной инициативе, начинали расширять посевные площади озимых культур, особенно зерновых. В 1941 году было засеяно 21 671 тыс. га озимого клина (на 1,5 млн га больше, чем в 1940 году). Наибольший прирост наблюдался в колхозах Западной Сибири — 762 тыс. га, Урала — 470 тыс., Казахстана — 280 тыс., Средней Азии — 186 тыс. га.²⁰³

Это и предопределило курс на расширение посевных площадей как единственно возможный путь восполнения и приостановки дальнейшего сокращения сельскохозяйственного производства. При этом учитывалась не только неотложность данного мероприятия, но и его резервное значение на случай дальнейшего продвижения противника. Отсюда следует, что расширение посевов представляло вынужденную меру, вызванную стремлением предотвратить еще большее осложнение продовольственного положения. Но поскольку оно осуществлялось в обстановке нарастающих трудностей, то не всегда приводило к абсолютному приросту получаемой продукции, так как продолжившееся сокращение материально-технических и трудовых ресурсов, усугубленное неблагоприятными погодными условиями 1941—1943 годов, вызывало снижение урожайности на всей площади посевов, включая старопахотные земли.

Рост посевных площадей в тыловых районах, безусловно, смягчил продовольственные трудности первых, наиболее тяжелых лет войны. Но он не мог восполнить основные потери: общая посевная площадь в стране сократилась со 150,6 млн га в 1940 году до 84,7 млн га в 1941 году и до 87,5 млн га (или на 41,9%) в 1942 году²⁰⁴. Это явилось основной причиной резкого сокращения сельскохозяйственного производства. Данные таблицы 3 показывают, что количество полученного хлеба в 1942 году уменьшилось по сравнению с 1940 годом на 72%. Значительным было также сокращение общего производства овощей, картофеля и других культур.

Война создала тяжелые условия и для животноводства. Из районов, которым угрожала фашистская оккупация, удалось эвакуировать свыше половины общественного стада, но до глубокого тыла доходило не более 13% поднятого к эвакуации скота: часть его погибала в пути, много животных было сдано воинским частям, а затем в виде заготовок в счет обязательных поставок колхозов тыловых районов²⁰⁵.

В эвакуации скота участвовали десятки тысяч сельских жителей. Нельзя без волнения говорить о самоотверженном

труде этих людей. При перегонах скота в пути, за сотни километров от родных мест, неделями ночуя под открытым небом, претерпевая голод и холод, крестьяне мужественно переносили огромные трудности и лишения.

Доярка Е. Лебедева из села Потапово Гжатского района Смоленской области вместе со своими подругами ночью, за несколько часов до оккупации, вывела колхозный скот и более месяца гнала его на территорию Мордовии. Скотник совхоза из той же области Т. М. Иванцев вместе с дочерью О. Т. Иванцевой ночью, за несколько часов до прихода врага, вывел весь племенной совхозный скот.

Колхозница М. И. Семенова через болота и лесные чащи из Карелии перегнала колхозный скот в Тотемский район Вологодской области. Житель аула Верхний Чегем Кабардино-Балкарии М. Кагабеков спас колхозные отары овец и табуны лошадей от врага, перегнав их через труднопроходимые перевалы в Грузию.

Когда фашистские войска ворвались в пределы Воронежской области, доярка колхоза «Россия» Д. И. Глаголева вместе с работниками фермы организовала перегон скота в отдаленный район. В густом лесу облюбовала она поляну и обосновала ферму. Там она пасла и доила коров, а молоко на коромыслах относила в полевой госпиталь. И как же благодарили раненые воины за заботу эту крестьянку! А когда отодвинулся фронт на запад, Д. И. Глаголева вместе с колхозным стадом вернулась в родное село.

Летом 1942 года остро встала проблема эвакуации всего поголовья скота Ростовской области и не только этой области. Дело в том, что в ее восточных районах скопились сотни тысяч коров, лошадей и овец, пригнанных из Украины и даже Молдавии. Эвакуация скота происходила в условиях близости фронта, частых налетов вражеской авиации. Но как бы ни было тяжело, гурты овец, стада коров, табуны лошадей день и ночь шли на восток, и уже к исходу лета 1942 года большая часть скота скопилась у переправ через Волгу. Участница этих событий П. Е. Панченко, работавшая в 1942 году

в Наркомате совхозов СССР и командированная тогда в Ростовскую область, рассказывала: «Страшное это было место — переправа через Волгу. Особенно мне запомнилась одна из них — Черный Яр. Фашистские самолеты висели над ней день и ночь. Кроме бомб они набросали мин прямо в Волгу. А вода в реке покрыта тонкой пленкой нефти, мазута, бензина; небольшая вспышка огня — и вся река запылает. От непрерывных бомбежек на переправе гибло много скота, поэтому по нашей просьбе военное командование поставило у Черного Яра зенитную батарею. Фашисты присмирели — стали бомбить реже, да и с большей высоты, что снижало эффективность бомбежки. К сентябрю 1942 года весь скот был переправлен через Волгу в колхозы и совхозы Приуралья, Казахстана и Западной Сибири»²⁰⁶.

В ряде случаев сельские жители ухитрялись эвакуировать скот, уже находясь в окружении. Однако далеко не всегда это удавалось. Были и жертвы. Так, напоровшись в пути следования на вражеских автоматчиков, погибла крестьянка А. С. Хирная, руководившая эвакуацией скота из колхоза имени 3-й пятилетки Ставропольского края²⁰⁷.

Численность скота значительно уменьшилась (см. табл. 4). Ухудшились условия содержания скота, ослабла ветеринарная служба, усилились заболевания животных. Сократилась кормовая база, почти не стало концентрированных кормов. Зерно и даже картофель использовались теперь только на продовольственные нужды. При всем этом колхозы восточных районов в трудных условиях военного времени увеличили поголовье продуктивного скота, в том числе крупного рогатого скота с 11,4 млн голов на начало 1941 года до 12,5 млн голов на начало 1943 года, овец и коз — соответственно с 28,1 млн до 34,2 млн голов²⁰⁸. Даже поголовье свиней в течение первого года войны в тыловых районах практически оставалось неизменным, хотя именно эта отрасль животноводства больше всего пострадала в связи с ограниченными ресурсами концентрированных кормов и в ходе эвакуации.

*Таблица 4. Численность скота в колхозах
(на конец каждого года, млн голов)²⁰⁹*

Год	Крупный рогатый скот	В том числе коровы	свиньи	овцы и козы	лошади
1940	20,1	5,7	8,2	41,9	14,5
1941	13,8	4,2	4,0	39,5	8,0
1942	13,5	3,7	3,3	35,5	6,6
1943	14,1	3,5	2,2	35,9	6,2
1944	15,4	3,4	2,4	36,9	6,2
1945	15,9	3,6	2,7	37,1	6,6

Ухудшение кормовой базы и условий содержания скота не могло не привести к снижению его продуктивности. Тем не менее положение в животноводстве было значительно лучше, чем в растениеводстве. Если урожайность основных культур полеводства к концу первого периода войны упала на 150—200%, то продуктивность животноводства — в среднем только на 10—25%. Удойность коров, например, уменьшилась за это время на 20% — с 949 л в 1940 году до 764 л в 1942 году. На этом уровне она поддерживалась до конца войны. Самый высокий надой на корову (в литрах) имели Ивановская (1288), Ярославская (1237), Московская (1236), Рязанская (1181), Горьковская (1142) области²¹⁰.

Производство мяса, сала, животных жиров резко снизилось. Если в 1940 году валовая продукция животноводства (в пересчете на убойный вес скота и птицы) составляла 939 тыс. т, то в 1941 — 729,6 тыс. т, а в 1942 году — только 441,5 тыс. т, или в 2 раза с лишним меньше, чем до войны²¹¹. Столь ощутимая разница была, прежде всего, следствием оккупации врагом части территории страны.

Война сильно ослабила общественное хозяйство колхозов. Лишь немногие из них сумели удержать, а тем более превзойти довоенный уровень развития. В Московской области к таким хозяйствам относился колхоз им. В. И. Ленина, в Ярославской — колхоз «Горшиха», в Ивановской — сельхозар-

тель им. XVII съезда партии, в Горьковской — им. К. А. Тимирязева, в Свердловской — колхоз «Заря», в Алтайском крае — колхоз «Родина», в Красноярском — колхоз «Власть труда», Томской области — колхоз «Молот» и др.²¹²

Но таких хозяйств было мало. Подавляющее число колхозов не только приостановило свое поступательное развитие, но и сократило производство в силу необычайных трудностей. Чтобы свести к минимуму неизбежные потери, а главное, поддержать на допустимом уровне объем государственных заготовок, колхозы вынужденно сокращали натуральную оплату труда. В итоге снизилась доля продукции, выделяемой для материального обеспечения колхозников.

Отчисления продовольствия в пользу государства росли за счет фондов потребления, сокращавшихся из года в год. В 1943 году для оплаты трудодней было выделено 16,7% зерновых вместо 22,9% в 1939 году. В натуральном выражении эта разница была еще ощутимее, так как фактически выдавалось меньше предусмотренного. В 1942 году из предполагавшихся к выдаче на потребление колхозникам 44 млн ц зерна было выдано 24 млн, а в 1943 году — 29,5 млн ц вместо 36 млн²¹³. Значительная часть хлеба, предназначенная для фонда потребления, добровольно перечислялась колхозниками в фонд обороны. Так, в 1942 году из 2283 тыс. ц зерна, выделенных к выдаче на трудодни колхозникам Урала, в фонд обороны и помощи рабочим было отчислено 35,6%. В 1942—1943 годах на трудодень выдавалось в среднем 650—800 г зерна, 200—400 г картофеля, т. е. примерно по 200 г зерна и 100 г картофеля на душу населения в день, или почти в 2 раза меньше, чем в 1940 году.²¹⁴

Высокое понимание патриотического долга проявило крестьянство и при заготовках животноводческих продуктов. В 1943 году из общей доли реализованного колхозного стада государственные заготовки крупного рогатого скота составили 84,1% против 62,9% в 1940 году, свиней — 30,5 против 20,9%, овец и коз — 79,2 против 44,2%²¹⁵. В тот же наиболее тяжелый для сельского хозяйства год (1943) колхозы сдали по обязательным поставкам почти столько же мяса (686,3

тыс. т), сколько и в 1940 году. (691,5 тыс. т), хотя число колхозов за время оккупации сократилось почти на 40%²¹⁶. Начавшееся освобождение оккупированных районов не облегчало положение, так как тысячи и миллионы голов скота были направлены на возрождение хозяйств.

Во время войны неоднократно отмечались достижения ярославских и костромских животноводов. Они не только сохранили, но и увеличили поголовье общественного стада: крупного рогатого скота — на 15%, свиней — на 25%, овец и коз — на 32%. Самой высокой продуктивностью славились молочно-товарные фермы колхозов им. XVII партсъезда Ярославского района, «Красный коллективист» Некрасовского района Ярославской области, где получали от каждой коровы по 5 тыс. л молока и более в год. В этих и других хозяйствах отдельные коровы ярославской и костромской породы давали за дойный период по 8, 9 и даже 11 тыс. л молока.

Животноводам всей страны было известно имя вологодской свиноводки А. Е. Люсковой — жены фронтовика, матери семерых детей — из колхоза «Буденовец» Междуреченского района. Усовершенствовал методы выращивания и откорма, разработав свои рекомендации по уходу за свиньями, она получала ежегодно по 26-27 поросят от каждой свиноматки. Вместе со своими подругами Л. Н. Коротковой и А. И. Аносовой А. Е. Люскова вырастила за войну 5-тысячное стадо свиней, заготовила для государства 40 т свинины²¹⁷.

В возделывании картофеля и овощей широкую известность получило юткинское движение. В довоенные годы звено А. Юткиной из колхоза «Красный Перекоп» Мариинского района Новосибирской области получало по 600—800 ц картофеля с 1 га. Средний урожай за военные годы был выше — 900—1000 ц. Не отставало звено А. Картавой из артели «Путь новой жизни» того же района, которое в трудном 1943 году превысило показатель юткинского звена, соревновавшегося с ним. Урожай с гектара опытного участка поднялся здесь до 1680 ц картофеля, а на всей закрепленной площади — до 400 ц.

Соревнование юткинских звеньев было организовано во многих областях и республиках страны. В Московской облас-

ти к концу войны 350 молодежных звеньев вырастили по 350 ц картофеля с 1 га и выше, а овощей — более чем по 400 ц. Высшее достижение принадлежало соревновавшимся между собой звеньям Т. Крутовой из колхоза «Пятилетка в четыре года» и К. Шориной из артели «День урожая» Коломенского района. Все годы войны оба звена получали по 500—600 ц картофеля с 1 га. В 1945 году звено К. Шориной вырастило 1110 ц и завоевало первенство во Всесоюзном соревновании молодежных звеньев высокого урожая²¹⁸.

Несмотря на тяжелые условия труда, отсутствие минеральных удобрений и хороших семян многие полеводы все же получали высокие и даже рекордные урожаи. Выдающихся результатов добился известный хлеботорб А. Я. Карпов из колхоза «Путь к социализму» Аскизского района Красноярского края, снимавший с закрепленного участка до 80 ц пшеницы. В колхозе «Заветы Ленина» Шадринского района Курганской области новатор-опытник Т. С. Мальцев применил более рациональные для местных условий методы обработки почвы и посева зерновых, что позволило не только на опытном участке, но и на всей посевной площади колхоза получать по 20—25 ц яровой пшеницы с 1 га. Это в 3-4 раза превышало среднюю урожайность по стране и в 5-6 раз по Курганской области за военные годы. Не прекращая научной работы, Т. С. Мальцев вывел два новых сорта высокоурожайного картофеля²¹⁹.

Все это — свидетельство достижений выдающихся мастеров сельского хозяйства. Такие примеры не единичны, но вместе с тем массовые показатели развития производства были, конечно, намного ниже. Тяжелейшие условия труда военного времени, недостаток материально-технических средств чаще, чем когда-либо, сводили к минимуму даже самые максимальные усилия колхозников. За годы войны производительность труда в сельском хозяйстве, как отмечалось выше, сократилась на 40%²²⁰. При этом необходимо учесть, что названный процент сокращения относится к 1945 году, когда уже началось восстановление производительных сил колхозной деревни. Если же сопоставить уровень предвоенной производительности труда с соответствующим уровнем 1943 года, то

сокращение составит не менее 50% и будет примерно равным аналогичному падению валовой продукции сельского хозяйства²²¹.

Приведенные данные о состоянии производительности труда исходят из среднегодовых расчетов без учета часовой и ежедневной выработки и тем более без поправки на фактическое трудовое напряжение крестьян в течение всего трудового дня. Такого учета, понятно, и быть тогда не могло. Но всем хорошо известно, что в годы войны трудовой день крестьянина продолжался от зари до зари и общий объем выработанных ими трудодней равнялся довоенному уровню при одновременном сокращении численности трудоспособного населения.

Тем не менее необходимо отметить, что даже в самое тяжелое для сельского хозяйства время, каким стал 1943 год, когда на сравнимых территориях был получен самый низкий за все годы войны валовой объем сельскохозяйственных продуктов, колхозы дали 94,2% всех хлебных заготовок в стране, и этого оказалось достаточно, чтобы обеспечить население и фронт необходимым продовольствием²²². Крестьянство внесло величайший вклад в достижение экономической победы над врагом.

Мы не можем согласиться с рассуждениями М. А. Вылцана о том, что, мол, «сельское хозяйство оказалось на грани развала» и в «экономическую победу» явно не «вписывается» и что «для него больше подошло бы определение: «Пиррова победа»²²³. Такие оценки грешат против истины, и к тому же за ними явно скрывается стремление принизить значимость трудового подвига советского крестьянства. По нашему убеждению, результаты труда тружеников сельского хозяйства вполне вписываются в понятие «экономическая победа». Несмотря на все потери и лишения, тем не менее советское сельское хозяйство не находилось на грани развала. Напротив, уже в 1944 году по подавляющему большинству показателей сельскохозяйственного производства прекратился спад, а по некоторым показателям наметилась даже тенденция к росту. В том-то и заключается величие трудового подвига со-

ветских крестьян, что они внесли весомый вклад в достижение экономической победы над врагом и, несмотря на все потери и лишения, не допустили развала сельскохозяйственного производства.

Отдельно следует остановиться на пресловутой «пирровой победе». Этот термин М. А. Вылцан употребляет применительно к советскому сельскому хозяйству в годы войны не только на страницах своей книги, но он вынесен даже на ее обложку и титульный лист в качестве подзаголовка. При этом многие читатели теряются в догадках, какое отношение «пиррова победа» имеет к исследуемой М. А. Вылцаном проблеме. Сделаем небольшой экскурс в античную историю. Пирр, царь Эпира, в своей войне с Римом (280—275 года до н.э.) ценой больших потерь выиграл одно сражение, но в конечном итоге войну проиграл. А в войне 1941—1945 годов ценой больших потерь был достигнут диаметрально противоположный результат — Советский Союз войну выиграл. Поэтому отождествление итогов римско-эпирской войны 280—275 годов до н.э. и Великой Отечественной войны 1941—1945 годов в любой сфере (включая сельскохозяйственное производство) не просто некорректно — оно в принципе неверно.

Главным итогом производственной деятельности всех тружеников сельского хозяйства военных лет было обеспечение основных потребностей страны в продовольствии и сырье. Высочайший патриотический подъем советского крестьянства, большие мобилизационные возможности колхозно-совхозной системы в целом позволили вопреки всем трудностям и утратам сосредоточить в руках государства такое количество товарной продукции, которого вполне хватило для бесперебойного снабжения фронта и нормированного распределения среди тружеников тыла. За 1941—1944 года государство заготовило 4264 млн пудов хлеба, из которых 3536 млн дало крестьянство²²⁴.

Здесь уместны принципиальные итоговые сравнения. Заготовки и закупки хлеба в дореволюционной России (1914—1917 года) достигали только 1399 млн пудов, в разоренной Советской России (1918—1921 года) — 920 млн пудов, или со-

ответственно в 3 и 4,6 раза меньше, чем в годы Великой Отечественной войны²²⁵. Несравненно меньшую долю к собственным заготовкам составляли продовольственные поставки из США, Канады и Австралии. К середине 1943 года (по данным руководителя программы ленд-лиза Е. Стеттиниуса) из США СССР получил 1,5 млн т, или 93,7 млн пудов продовольствия. Всего же за время войны среднегодовой экспорт из США и Канады в СССР крупы, муки и зерна (в пересчете на зерно) был равен 0,5 млн т, т. е. в общей сложности 125 млн пудов, или 2,9% наших внутренних заготовок²²⁶. Кроме хлеба, Советский Союз заготовил 184 млн ц картофеля, 50,5 млн ц мяса, 132 млн ц молочных продуктов, а также 57 млн ц хлопка-сырца, 3,6 млн ц льноволокна, 3,3 млн ц шерсти²²⁷ и много другой сельскохозяйственной продукции.

Но и этим не исчерпывался вклад тружеников села, прежде всего колхозников, в военно-экономическое обеспечение Победы. По примеру рабочего класса крестьянство активно участвовало в добровольных сборах материальных ценностей, денежных средств, теплых вещей, подарков для бойцов фронта, для их снаряжения и вооружения. Многочисленные добровольные отчисления продовольствия шли также на оказание помощи семьям фронтовиков, инвалидам войны, детским учреждениям, эвакуированному и освобожденному от оккупации населению, рабочим и служащим оборонных предприятий.

К сказанному добавим, что и это еще не все. Колхозная деревня являлась главным источником пополнения рабочей силой промышленности. Не покладая рук трудились ее посланцы вместе с рабочим классом на фабриках, заводах, транспорте, а в качестве сезонных работников — на заготовках леса и торфоразработках, на строительстве оборонительных рубежей, восстановлении мостов и дорог в прифронтовой полосе. Крестьянство полностью, всегда досрочно рассчитывалось с государством по всем видам налоговых сборов, перевыполняло планы подписок на военные займы.

Но основной задачей крестьян в тылу и на освобожденной земле была работа на полях и фермах. Это требовало

максимального напряжения физических сил и воли. Война нанесла трудновосполнимый урон. Несколько миллионов крестьян-фронтовиков пали в сражениях с врагом. Сократилась численность крестьянского населения. Упали урожаи, снизилась продуктивность животноводства. Скудным стал и быт сельского населения.

Сельское хозяйство вышло из войны сильно ослабленным. Однако все решающие сражения за хлеб и продовольствие были выиграны. «В венок великой Победы, — как емко и образно сказал М. А. Шолохов, — навечно вплетен мозолистыми крестьянскими руками и золотой колос»²²⁸. В годы войны с небывалой силой проявились такие качества советского крестьянства, как патриотизм и интернационализм, коллективизм в общественном труде, верность гражданскому долгу.

Глава 5

«ЖЕРТВЫ ЯЛТЫ»

Правда ли, что НКВД репрессировал наших пленных и репатриантов?

Вопрос о возвращении на Родину советских военнопленных, а также насильно угнанных в Германию граждан СССР и беженцев является одним из наименее изученных в исторической литературе. Вплоть до конца 1980-х годов документация по этому вопросу в нашей стране была засекречена. Отсутствие источниковой базы и, соответственно, объективной информации породило вокруг него много мифов. Это относится к ряду публикаций, издававшихся как на Западе, так и в нашей стране. Нередко можно встретить тенденциозный подбор фактов и предвзятое их толкование.

В настоящее время исследователи получили доступ к ранее закрытым источникам, среди которых особое место занимает документация образованного в октябре 1944 года Управления уполномоченного Совета Народных Комиссаров (Совета Министров) СССР по делам репатриации (это ведомство возглавлял генерал-полковник Ф. И. Голиков, бывший руководитель военной разведки). Эти материалы и послужили основным источником для автора. Кроме того, использованы документы Государственного Комитета Оборона (ГКО), Управления делами СНК (Совета Министров) СССР, Секретариата НКВД/МВД СССР, ГУЛАГа, Отдела проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР, Отдела спецпоселений НКВД/МВД СССР, 9-го управления МГБ СССР, Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД/МВД СССР.

Первой научной публикацией, основанной на материалах ранее закрытых архивных фондов, стала вышедшая в

1990 году моя статья в журнале «История СССР». В последующие годы мной опубликован еще ряд статей. Активно подключились к изучению этой проблемы и другие исследователи: вышли в свет монография П. М. Поляна, статьи А. А. Шевякова и др.²²⁹ В освещении проблемы репатриации советских перемещенных лиц многое зависит от ее видения самими авторами. Например, А. А. Шевяков и П. М. Полян в концептуальном плане являются антиподами: у первого присутствует апологетика политики руководства СССР; второй, напротив, склонен квалифицировать обязательную репатриацию как гуманитарное преступление. Шевяков рассматривает проблему с позиций советского государственника, а Полян — больше с позиций правозащитника. Оба критически относятся к политике англичан и американцев в этом вопросе, но с диаметрально противоположных позиций: Полян считает, что они слишком много передали советским властям перемещенных лиц, которые не хотели возвращаться в СССР; Шевяков же, наоборот, обвиняет англо-американцев в том, что они не всех таковых выдали и тем самым допустили образование новой антисоветской эмиграции.

С моей же точки зрения, хотя во всей истории с репатриацией советских перемещенных лиц имели место элементы и насилия, и нарушения прав человека, и гуманитарного преступления, все же во главу угла следует поставить совсем другое. В своей основе, несмотря на все издержки, это была естественная и волнующая эпопея *обретения Родины* миллионами людей, насильственно лишенных ее чужеземными завоевателями.

Рассматриваемая проблема является сложной и противоречивой. Она имеет много аспектов, и осветить все их в рамках одной статьи невозможно даже в самой лаконичной форме. Поэтому остановимся на главных.

Ведомство, возглавляемое Ф. И. Голиковым, установило, что к концу войны осталось в живых около 5 млн советских граждан, оказавшихся за пределами Родины, из них свыше 3 млн находились в зоне действия союзников (Западная Германия, Франция, Италия и др.) и менее 2 млн — в зоне дейст-

вия Красной Армии за границей (Восточная Германия, Польша, Чехословакия и другие страны). Большинство из них составляли «восточные рабочие» («остарбайтеры»), т. е. советское гражданское население, угнанное на принудительные работы в Германию и другие страны. Уцелело также примерно 1,7 млн военнопленных, включая поступивших на военную или полицейскую службу к противнику. Сюда же входили сотни тысяч отступивших с немцами с территории СССР их пособников и всякого рода беженцев (часто с семьями). Всю эту массу людей принято называть «перемещенными лицами».

Ведомство Голикова пыталось установить общее количество советских граждан, оказавшихся за пределами СССР в годы войны (включая умерших и погибших на чужбине). В марте 1946 года оно оценивало их численность в 6,8 млн человек²³⁰, в число которых входили и гражданские лица, и военнопленные. Выживших было, как уже говорилось, около 5 млн. Если исходить из этих данных, то до конца войны не дожили примерно 1,8 млн советских перемещенных лиц (6,8 млн — 5,0 млн). Мы склонны расценивать эту статистику как близкую к истине: если в определении общего числа советских граждан, оказавшихся за пределами СССР, и масштабов их смертности до окончания войны и есть какое-то занижение, то оно не может быть очень значительным.

Вопреки распространенному убеждению, в политике руководства СССР не существовало отождествления понятий «пленные» и «предатели». К предателям относили тех, кто именно таковыми и являлись (полицаи, каратели, зондеркомандовцы и т. д.), а на основную массу советских перемещенных лиц (включая военнопленных) такой ярлык не вешался. Приписываемое И. В. Сталину выражение — «у нас нет пленных, у нас есть предатели» — является басней, сочиненной в 1956 году в писательско-публицистической среде на волне критики культа личности Сталина. Эта басня имеет широкое хождение в публицистике, художественных фильмах и художественной литературе, но в научной литературе по указанной причине, естественно, не используется. Заметим также, что в уголовном законодательстве СССР не фигурировало та-

кое «преступление», как «сдача в плен». В статье 193 тогдашнего Уголовного Кодекса РСФСР в перечне воинских преступлений было зафиксировано: «Сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой». И надо понимать, что понятия «сдача в плен» и «сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой» — это далеко не синонимы.

Из документов ведомства Ф. И. Голикова можно заключить, что хотя высшее советское руководство осенью 1944 года и было обеспокоено сообщениями из англо-американских источников о том, что большинство советских военнопленных будто бы враждебно настроено к Советскому правительству и не желает возвращаться в СССР, достоверность этой информации подвергалась сильному сомнению. Исходили из того, что советские военнопленные, как правило, являлись лицами не буржуазно-помещичье-кулацкого происхождения, а выходцами из простых рабочих и крестьян, и у них вроде бы не должно было быть серьезных объективных причин для ненависти к Советскому правительству. В дальнейшем из различных источников, в том числе по линии внешней и военной разведок, были получены подтверждения, что основная масса советских военнопленных и интернированных гражданских лиц желает возвратиться на Родину и остается просоветски настроенной. Вот, например, выдержка из письма начальника Главного Разведывательного Управления Красной Армии И. И. Ильичева на имя Ф. И. Голикова от 26 октября 1944 года: «...Среди английских офицеров, работающих с русскими военнопленными в лагере Кэмптон Парк (пригород Лондона), имеется некий капитан Филипсон — русский белогвардеец, настоящая фамилия которого Солдатенков. Филипсон-Солдатенков производил большое количество допросов советских военнопленных с целью получения сведений о Красной Армии... Филипсон-Солдатенков утверждает, что основная масса русских пленных желает возвратиться в СССР и не является враждебно настроенной к Советскому правительству, хотя и опасается расследований, ожидающих их по возвращении домой»²³¹. Здесь речь идет о тех советских пленных, которых англичане взяли в плен в бою, в немецкой военной форме.

Коллаборационисты имели сравнительно небольшой удельный вес в составе советских граждан, оказавшихся за пределами СССР. Подавляющее большинство советских граждан составляли лица, находившиеся в концлагерях, лагерях для военнопленных, арбайтлагерях, штрафлагерях и по месту жительства хозяев. Хотя они и подвергались усиленной идеологической обработке со стороны геббельсовской и власовской пропаганды, эффект от этого был весьма слабый. Им не удалось привить чувство ненависти ни к советским руководителям, ни к их союзникам — англо-американским «плутократам». В их среде с удовлетворением воспринимались известия о победах Красной Армии и англо-американских войск. Этим людям, конечно, беспокоила вероятность того, что в случае возвращения в СССР у них могут быть неприятности по фактам расследования жизни и деятельности за границей, обстоятельств сдачи в плен и т. д., но больше всего их волновала совсем другая проблема: зная о негативном и подозрительном отношении правящих кругов СССР к «иностранинцам» и к людям, побывавшим в ней, они опасались, что Советское правительство не разрешит им вернуться на Родину. *Большинство советских перемещенных лиц боялось не того, что им не разрешат остаться на Западе, а того, что им не разрешат вернуться в Советский Союз.*

Приведем одно свидетельство. В докладной записке сотрудников торгпредства А. Синяка и М. Пашинина от 19 сентября 1944 года на имя и. о. торгпреда СССР в Великобритании П. И. Соловьева говорилось: «Будучи в командировке во Франции с 13-го по 17-ое сентября 1944 года, мы были свидетелями большого передвижения по дорогам Франции у Вердена русских людей, угнанных немцами в разное время из СССР. Эта процессия движущихся полузамученных людей в одиночку и группами, мужчин, женщин, детей и стариков представляет исключительно жалкую картину. Полуодетые, в лохмотьях, босые, в случайных головных уборах, до цилиндров включительно, без знания французского языка и Франции — движутся вереницы недавних немецких рабов, а сейчас фактически нищих людей, по направлению к Верденскому

лагерю для русских... Из разговоров с отдельными группами людей установлено, что все они направляются американскими властями в город Верден, где для их приема организован специальный лагерь... Однако ни одного русского представителя нет ни в лагере, ни по дорогам... Зная об этом, американские солдаты и офицеры, а также французы задают довольно недвусмысленные вопросы о том, что мы (русские) предполагаем делать со своими людьми, почему нет наших представителей здесь и т. д. А сами пострадавшие, узнав, что мы русские, со слезами радости на глазах спрашивают: "Вы из комиссии приехали, чтобы увезти нас домой?"»²³².

В дни, когда бушевало пламя войны, освобожденные из фашистской неволи советские граждане, ожидая в транзитных лагерях отправки в СССР, стремились помочь родному государству тем, что было в их силах. Об этом свидетельствовала массовая кампания по сбору валюты и ценностей в фонд Оборона Родины, проведенная по инициативе самих репатриантов. В январе—марте 1945 года в Италии только в одном лагере (лагерь «Святого Андрея») советские граждане собрали 206 тыс. лир. Во Франции в фонд Оборона Родины поступило от советских перемещенных лиц добровольных пожертвований в размере почти 4 млн франков²³³.

На одном из транспортов с советскими военнопленными, отправленном в СССР союзниками в последние месяцы войны, было составлено коллективное письмо на имя И. В. Сталина. В нем говорилось: «Оказавшись снова свободными гражданами, находясь в пути на Родину, мы ежедневно, ежечасно повышаем свои военные знания, проводим строевые и тактические занятия. Мы всеми силами стремимся вернуться на Родину хорошо подготовленными красноармейцами, в совершенстве владеющими оружием. Наше единодушное желание — скорее расплатиться с проклятым Гитлером за все перенесенные нами страдания»²³⁴.

Военнопленные 29-летний В. И. Губарев и 25-летний И. Е. Сидоров, находившиеся в английской зоне оккупации Германии, добровольно вызвались нести охранную службу. Проявив исключительную бдительность, они 21 мая 1945 года задержа-

ли возле местечка Зидорф некую подозрительную личность и передали английским властям. Как вскоре выяснилось, задержанной ими «подозрительной личностью» оказался бывший рейхсфюрер СС Г. Гиммлер. После репатриации Губарев и Сидоров были призваны в Красную Армию и зачислены на службу в группу репатриации 2-й Ударной армии 2-го Белорусского фронта, где, как говорилось в характеристике, «показали себя дисциплинированными, исполнительными и выдержанными красноармейцами». Относительно дальнейшей судьбы этих двух репатриантов, арестовавших самого Гиммлера, побеспокоилось Управление Уполномоченного Совмина СССР по делам репатриации: в мае 1946 года за подписью начальника политпросветотдела Логунова в адрес начальника СПП г. Москвы полковника Горячева было направлено письмо, в котором предписывалось красноармейцев И. Е. Сидорова и В. И. Губарева демобилизовать из рядов Красной Армии и направить их «к постоянному месту жительства с соответствующими личными документами»²³⁵.

Перед советским руководством проблема возвращения больших масс советских граждан, угнанных немцами и по другим причинам оказавшихся за пределами СССР, вплотную встала в августе 1944 года, когда части Красной Армии перешли государственную границу с Польшей. 24 августа 1944 года вышло постановление Государственного Комитета Оборона (ГКО) № 6457сс, специально посвященное возвращению на Родину советских граждан, оказавшихся по разным причинам за пограничной линией между СССР и Польшей²³⁶. Из содержания этого постановления ГКО вытекало, что политика высшего советского руководства в данном вопросе была достаточно ясной и недвусмысленной, а именно: все эти советские граждане, безусловно, должны быть возвращены в СССР. В последние месяцы 1944 года и в 1945 году ГКО принял еще ряд постановлений, касавшихся репатриации советских граждан.

Таким образом, опасения находившихся в Германии и других странах перемещенных лиц, что Советское правительство может не разрешить им вернуться на Родину, оказались напрасными. Советский Союз, понесший огромные людские

потери, был остро заинтересован в их возвращении. Причем политическое руководство СССР задалось целью возвратить их всех без исключения, невзирая на желание части этих людей остаться на Западе. Репатриация была обязательной. Впоследствии принцип ее добровольности в виде исключения был установлен только для двух категорий лиц, являвшихся к 22 июня 1941 года подданными СССР: бессарабцев и буковинцев, принявших румынское подданство, и женщин, вышедших замуж за иностранцев и имевших от них детей.

4 октября 1944 года СНК СССР принял постановление о назначении Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан, его заместителей и помощников, а два дня спустя, 6 октября, — постановление об их деятельности²³⁷. 23 октября того же года постановлением СНК СССР были утверждены штат Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации и штат заграничных представителей этого нового ведомства²³⁸. Располагалось оно в Москве по адресу: Кропоткинский пер., д. 7.

В начале ноября 1944 года Ф. И. Голиков дал интервью корреспонденту ТАСС, в котором была изложена политика Советского правительства по вопросам репатриации советских граждан. В нем, в частности, говорилось: «...Люди, враждебно настроенные к Советскому государству, пытаются обманом, провокацией и т. п. отравить сознание наших граждан и заставить их поверить чудовищной лжи, будто бы Советская Родина забыла их, отеклась от них и не считает их больше советскими гражданами. Эти люди запугивают наших соотечественников тем, что в случае возвращения их на Родину они будто бы подвергнутся репрессиям. Излишне опровергать такие нелепости. Советская страна помнит и заботится о своих гражданах, попавших в немецкое рабство. Они будут приняты дома, как сыны Родины. В советских кругах считают, что даже те из советских граждан, которые под германским насилием и террором совершили действия, противные интересам СССР, не будут привлечены к ответственности, если они станут честно выполнять свой долг по возвращении на Родину»²³⁹. Интервью Ф. И. Голикова впоследствии использовалось как офи-

циальное обращение Правительства СССР к военнопленным и интернированным гражданам.

В середине ноября 1944 года интервью Голикова было распространено среди советских граждан, освобожденных Красной Армией и войсками союзников. Его содержание вызвало вздох облегчения, хотя полностью не сняло всех мучивших людей вопросов. 20 ноября в сводке Управления репатриации отмечалось: «Интервью Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, помещенное в печати 11.11.1944, распространяется по лагерям и имеет благоприятные отзывы со стороны военнопленных и интернированных советских граждан как в Англии, Франции, Румынии, так и в других государствах»²⁴⁰. В конце 1944 года представители Управления репатриации сообщали из Франции: «Наши люди смотрят на этот документ как на свое спасение и не хотят с ним расстаться... Основной вопрос, который больше всего мучил большинство наших граждан, — «что их ждет по возвращении домой» — становится теперь для них полностью разрешенным, и сейчас этот вопрос слышать почти не приходится»²⁴¹. В конце 1944 — начале 1945 года интервью было издано отдельной листовкой (общим тиражом свыше 2 млн экз.) и широко распространялось среди репатрируемых. Эти листовки даже сбрасывались с самолетов над германской территорией в тех районах, где, по данным разведки, наблюдалась значительная концентрация советских военнопленных и «восточных рабочих». Тогда же началась подготовка к выпуску серии брошюр для советских граждан, находившихся в плену или угнанных в Германию. До 1 марта 1946 года на русском языке было издано 19 названий общим тиражом 1,1 млн экз. Брошюры выходили также на украинском, белорусском, литовском, латышском и эстонском языках. В пропагандистской работе широко использовалась и наглядная агитация. Общий тираж специальных плакатов составил 105 тыс. экз.²⁴².

Несостоятельна легенда о том, что почти все репатрианты якобы были репрессированы. Подавляющее их большинство избежало каких-либо репрессий. Даже многие прямые пособники фашистов были удивлены тем, что в СССР с ними обошлись далеко не так жестоко, как они ожидали.

Приведем характерный пример. Летом 1944 года при наступлении англо-американских войск во Франции к ним попадало в плен большое количество немецких солдат и офицеров, которых обычно направляли в лагеря на территории Англии. Вскоре выяснилось, что часть этих пленных не понимает по-немецки и что это, оказывается, бывшие советские военнослужащие, попавшие в немецкий плен и поступившие затем на службу в немецкую армию. По статье 193 тогдашнего Уголовного кодекса РСФСР за переход военнослужащих на сторону противника в военное время предусматривалось только одно наказание — смертная казнь с конфискацией имущества. Англичане знали об этом, тем не менее поставили в известность Москву об этих лицах и попросили забрать их в СССР. 31 октября 1944 года 9 907 репатриантов на двух английских кораблях были направлены в Мурманск, куда они прибыли 6 ноября²⁴³. Среди них высказывались предположения, что их расстреляют сразу же на мурманской пристани. Однако официальные представители объяснили, что Советское правительство их простило и что они не только не будут расстреляны, но и вообще освобождаются от привлечения к уголовной ответственности за измену Родине. Больше года эти люди проходили проверку в спецлагере НКВД, а затем были направлены на 6-летнее спецпоселение. В 1952 году большинство из них было освобождено, причем в их анкетах не значилось никакой судимости, а время работы на спецпоселении было зачтено в трудовой стаж.

Авторы, критикующие англо-американцев за насильственную выдачу Советскому Союзу этих людей, не улавливают одну тонкость в тогдашней психологии и мышлении английских и американских политиков и чиновников. А эта тонкость заключалась в том, что отнюдь не исключалась гипотеза, согласно которой попавшие к ним в плен в немецкой военной форме бывшие советские подданные на самом деле являются людьми Сталина и выполняют какую-то роль в его хитрой игре. Отсюда, естественно, рождалось стремление побыстрее очистить от них Западную Европу, а самый простой способ решения этой задачи был очевиден — вернуть их всех Сталину.

Позднее англо-американцы отрешились от указанных подозрений, но до этого успели выдать советским властям немало активных противников большевизма и советской власти.

Советское руководство беспокоило сам факт наличия в руках союзников большого количества советских граждан. Еще сильнее оно опасалось того, что англичане и американцы могут предоставить им (или какой-то их части) статус политических беженцев и, хуже того, использовать впоследствии в антисоветских целях. Исходя из этого, а также чтобы перемещенные лица не боялись возвращения в СССР, советское руководство (во многом вразрез со своими прежними принципами) пошло на значительную либерализацию своей политики в отношении военнопленных и интернированных гражданских лиц, вплоть до обещания непривлечения к уголовной ответственности тех из них, кто поступил на военную службу к противнику. При этом подразумевалось, что эти последние совершили действия, противные интересам СССР, в результате германского насилия и террора. Это относилось и к упомянутым выше лицам, прибывшим 6 ноября 1944 года в Мурманск, так как было известно, что они в массе своей поступили на военную службу к противнику, не выдержав пытки голодом и жестокого режима в гитлеровских лагерях.

Основная масса репатриантов проходила проверку и фильтрацию во фронтовых и армейских лагерях и сборно-пересыльных пунктах (СПП) Наркомата обороны (НКО) и проверочно-фильтрационных пунктах (ПФП) НКВД, часть военнопленных — в запасных воинских частях. Выявленные преступные элементы и «внушавшие подозрение» обычно направлялись для более тщательной проверки в спецлагеря НКВД, переименованные в феврале 1945 года в проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ) НКВД, а также в исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) ГУЛАГа. Лица, проходившие проверку и фильтрацию в лагерях, СПП и запасных частях НКО и ПФП НКВД, в отличие от направленных в ПФЛ и ИТЛ, не являлись спецконтингентом НКВД. Большинство репатриантов, переданных в распоряжение НКВД (спецконтингент), составляли лица, запятнавшие себя прямым сотрудничеством с чужезем-

ными завоевателями и подлежащие по закону за переход на сторону противника в военное время самому суровому наказанию, вплоть до смертной казни. Однако на практике они отделялись чаще всего 6-летним спецпоселением и не привлекались к уголовной ответственности.

Согласно инструкциям, имевшимся у начальников ПФЛ и других проверочных органов, из числа репатриантов подлежали аресту и суду следующие лица: руководящий и командный состав органов полиции, «народной стражи», «народной милиции», «русской освободительной армии», национальных легионов и других подобных организаций; рядовые полицейские и рядовые участники перечисленных организаций, принимавшие участие в карательных экспедициях или проявлявшие активность при исполнении обязанностей; бывшие военнослужащие Красной Армии, добровольно перешедшие на сторону противника; бургомистры, крупные фашистские чиновники, сотрудники гестапо и других немецких карательных и разведывательных органов; сельские старосты, являвшиеся активными пособниками оккупантов²⁴⁴.

Мы считаем своим долгом развеять имевший хождение в западной литературе миф о неких «расстрельных списках», «расстрелах» части репатриантов якобы сразу же по прибытии в советские сборные пункты и лагеря. Причем ни разу не было приведено какого-нибудь бесспорного доказательства, и эта версия целиком строилась на всякого рода предположениях, домыслах и слухах, которые даже косвенными уликами признать сложно. Особенно преуспел в этом мифотворчестве Н. Толстой в своей книге «Жертвы Ялты», вышедшей в 1977 году на английском языке (переиздана в 1988 году в Париже на русском языке). Сочиненные им басни о «расстрельных списках» и «расстрелах» подчас имели такую видимость правдоподобия, что даже видные профессиональные историки М. Геллер и А. Некрич попались на эту удочку и, ссылаясь на Н. Толстого, вполне серьезно написали: «Часть бывших советских пленных, доставленных на английских судах в Мурманск и Одессу, расстреливались войсками НКВД тут же в доках»²⁴⁵. Разумеется, это утверждение бездоказательное и, более того,

не соответствующее истине. Нами изучен весьма большой массив источников по проблеме репатриации советских граждан — достаточный для того, чтобы твердо заявить: «расстрельных списков» не существовало, это — миф! Для примера приведем ситуацию с распределением 9907 репатриантов, поступивших 6 ноября 1944 года в Мурманск: 18 человек арестованы органами СМЕРШ (но не для расстрела, а для ведения следствия), 81 больной помещен в мурманские госпитали и все остальные (естественно, живыми) направлены по двум адресам — в Таллиннский спецлагерь (ПФЛ) № 0316 и Зашекский ПФП в Карело-Финской ССР²⁴⁶.

Поначалу оставляла желать лучшего организация торжественных встреч возвращающихся на Родину советских граждан. Сцены встреч репатриантов в портах, носивших, мягко говоря, неторжественный и непрасудничный характер, происходили на глазах английских и американских матросов. Свидетельства последних были использованы определенными кругами в антирепатриационной пропаганде среди советских людей, оказавшихся в зонах действия союзных войск. Вот что слышал, например, репатриант В. Оболенцев от одного английского моряка о встрече французских военнопленных, привезенных на его судне в Марсель, и встрече советских репатриантов в Одессе. «Французов встречают с музыкой, цветами и большой радостью... — рассказывал этот английский моряк. — А когда я привозил русских в Одессу, то пароход разгружали с 6 утра до 4 вечера, никто их не приветствовал, только жители Одессы, проходя мимо новоприбывших, бросали на них дикие взгляды. После разгрузки работники НКВД построили всех мужчин и увели куда-то на допросы. Оставшимся женщинам и детям, у которых были тяжелые вещи, пришлось всю ночь просидеть во дворе под открытым небом, ожидая, когда придут машины. Только на следующее утро, в 9 часов, пришли две старые русские машины. Несмотря на просьбу женщин, чтобы мужчины помогли им в погрузке, никакой помощи не было оказано, и женщинам самим пришлось грузить вещи»²⁴⁷.

Сотрудники советских миссий по репатриации за рубежом находились в сложном положении при ответах на соответствующие вопросы перемещенных советских граждан. По настоянию Управления репатриации с июня 1945 года были широко организованы торжественные встречи с цветами, музыкой и транспарантами «профильтрованных» и отпущенных к месту жительства репатриантов.

Договоренность об обязательной репатриации советских граждан была достигнута на Ялтинской встрече Сталина, Рузвельта и Черчилля в феврале 1945 года. Во время работы конференции 11 февраля 1945 года были заключены двухсторонние советско-американское и советско-английское соглашения о взаимной репатриации советских, американских и английских граждан. Аналогичное соглашение с Францией было заключено 26 июня 1945 года²⁴⁸.

Репатриация была обязательной только для советских граждан. Все прочие лица (белогвардейцы и др.) обязательной репатриации не подлежали. Имели место исключения из этого правила, но в основном оно соблюдалось. Самым значительным исключением из этого правила была выдача англичанами Советскому Союзу казачьей армии атамана Краснова, состоявшей преимущественно из белогвардейцев.

В письме № 597/6 от 26 мая 1945 года Л. П. Берия информировал И. В. Сталина и В. М. Молотова, что от англичан должно быть принято 40 тыс. человек, имея в виду красноских казаков. Никаких конкретных планов по их репрессированию тогда не существовало — они должны были пройти обычную для «спецконтингента НКВД» процедуру проверки и фильтрации. Планировалось направить их в лагеря, специально созданные в свое время для обслуживания угольной промышленности, в том числе 31 тыс. — в лагеря системы ОПФЛ — Отдела проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР (Кизеловский ПФЛ № 0302 — 12 тыс., Прокопьевский ПФЛ № 0315 — 12 тыс., Кемеровский ПФЛ № 0314 — 7 тыс.) и 9 тыс. офицеров и немецких инструкторов — в Прокопьевский лагерь № 525 системы ГУПВИ (Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР). Такое распределение оз-

начало, что казачьи офицеры рассматривались как «чужие» наравне со взятыми в плен немцами, венграми, румынами и т. д., а рядовые казаки приравнены к «своим», т. е. к советским гражданам, проходившим в ПФЛ «государственную проверку». Фактически же от англичан было принято 46 тыс. человек (включая членов семей), причем казачьих офицеров и немецких инструкторов оказалось меньше, чем ожидалось. Поэтому в Прокопьевский лагерь № 525 ГУПВИ было направлено только около 5,5 тыс. человек, а в лагеря ОПФЛ — 40,5 тыс., из них в ПФЛ № 0302 — 14 тыс., ПФЛ № 0314 — 9,5 тыс. и ПФЛ № 0315 — 17 тыс.²⁴⁹ Сам атаман Краснов и его ближайшее окружение впоследствии были приговорены к смертной казни.

Характер Ялтинских соглашений дал повод называть в различных публикациях советских перемещенных лиц «жертвами Ялты», а Рузвельта и Черчилля — соучастниками «преступника» Сталина. Но ведь тогда не вызывало никаких сомнений, что если кто и будет уклоняться от репатриации, то это прежде всего коллаборационисты. До осени 1945 года настроение в английском и американском обществе было таково, что любой политик, покрывающий коллаборационистов (петэновцев, квислинговцев, власовцев и т. п.), сильно рисковал своей репутацией. Черчилль и Рузвельт просто не могли поступить иначе.

Однако со временем отношения между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции стали охлаждаться. Советские перемещенные лица, желающие найти убежище на Западе, постепенно трансформировались в сознании англичан и американцев из «квислинговцев» в «борцов против коммунизма». Руководители западных стран получили возможность, не рискуя вызвать гнев общественности, предоставлять им статус политических беженцев.

В СССР и на Западе были противоположные представления о праве человека на свободу выбора подданства. Если в США и Великобритании это право, безусловно, признавалось и было зафиксировано в законодательстве, то по законам СССР (что было внедрено в сознание населения) стремление сменить подданство или выражение эмигрантских настрое-

ний входили в перечень политических преступлений (ст. 58 тогдашнего Уголовного кодекса РСФСР) вкупе со шпионажем, антисоветскими заговорами, вредительством, контрреволюционной агитацией и т. д. Безусловно, идя навстречу до осени 1945 года советской стороне в вопросе об обязательной репатриации, англо-американское руководство преследовало и ряд своих практических целей. В частности, оно хотело, чтобы СССР вступил на их стороне в войну с Японией, и старалось лишний раз не раздражать Сталина, в том числе и в отношении советских перемещенных лиц. К тому же оно стремилось не давать повод Советскому Союзу для задержки у себя американских и английских военнослужащих, освобожденных из немецкого плена Красной Армией. Это были весьма веские причины, чтобы временно поступиться собственными принципами.

Принцип обязательности репатриации касался не только советских граждан. В соглашениях СССР с США, Великобританией и Францией был зафиксирован принцип *взаимной обязательной репатриации*, т. е. американские, английские и французские граждане, освобожденные из немецкого плена Красной Армией или по иным причинам оказавшиеся в советских оккупационных зонах, подлежали обязательной выдаче США, Великобритании и Франции независимо от того, хотя ли они этого или нет. В 1945—1946 годах СССР передал 24 544 англичанина и 22 481 американца и в 1945—1951 годах — 313 368 французов (включая пленных эльзасцев и лотарингцев). Подавляющее их большинство возвращалось на родину с радостью и воодушевлением, но существовала и небольшая прослойка невозвращенцев. В период их нахождения в советских сборных пунктах и лагерях в их среде был выявлен 19 091 коллаборационист (19 021 француз, 52 американца и 18 англичан), которые отнюдь не жаждали встречи с правосудием своих стран. Однако СССР, руководствуясь принципом взаимной обязательной репатриации, передал их всех французским, американским и английским властям²⁵⁰.

Обязательность репатриации не следует понимать так, что чуть ли не все советские граждане были возвращены в

СССР вопреки их желанию. Опираясь на многочисленные свидетельства (в частности, на такой массовый источник, как опросные листы и объяснительные записки репатриантов), можно смело утверждать, что не менее 80% «восточников», т. е. жителей СССР в границах до 17 сентября 1939 года, в случае добровольности репатриации возвратились бы в СССР добровольно. Что касается «западников», т. е. жителей Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии и Северной Буковины, то они существенно отличались от «восточников» по менталитету, морально-психологическому состоянию, политическим и ценностным ориентирам, и в их среде действительно значительно преобладали невозвращенцы. Те из них, кто оказался в зоне действий Красной Армии, были насильственно возвращены в СССР. «Западников», оказавшихся в западных зонах, англо-американцы с самого начала освободили от обязательной репатриации: они передали советским властям только тех из них, которые сами этого хотели. Во время войны с Германией и в первые месяцы после ее окончания англо-американцы насильственно передавали Советскому Союзу «восточников» — невозвращенцев (преимущественно коллаборационистов), но с сентября—октября 1945 года стали распространять принцип добровольности репатриации и на «восточников», окончательно перейдя на этот принцип с началом «холодной войны». По нашему мнению, если бы репатриация была добровольной, то численность советских граждан, не возвратившихся в СССР, составила бы не почти 0,5 млн, а, вероятно, около 1 млн, вряд ли больше.

В 1946—1947 годах со стороны англо-американцев имели место рецидивы насильственной выдачи людей, не желавших возвращаться в СССР, в духе Ялтинских соглашений. Западные историки располагают конкретными фактами насильственной выдачи советских перемещенных лиц до апреля 1947 года. После этой даты таких фактов не выявлено. Следовательно, апрель 1947 года является конечной хронологической гранью практического выполнения англо-американцами Ялтинских соглашений об обязательной репатриации совет-

ских граждан. По одним параметрам они свои обязательства недовыполнили, по другим — перевыполнили. «Недовыполнение» заключалось в том, что среди перемещенных лиц, не возвращенных в СССР, оказались десятки тысяч людей, являвшихся до 1 сентября 1939 года советскими подданными, а «перевыполнение» — в том, что бывшие союзники передали советским властям ряд старых эмигрантов, прежде всего казаков-белогвардейцев, которых в соответствии с Ялтинскими соглашениями совсем не обязательно было выдавать. Англо-американцы предельно жестко соблюли свой принцип невыдачи «западников», однако в западной литературе бытует не подтвержденное бесспорными фактами утверждение, что будто бы Франция выдала СССР прибалтов в обмен на находившихся в советском плену эльзасцев и лотарингцев. По нашим данным, СССР в 1945 году действительно передал Франции часть пленных эльзасцев и лотарингцев, но в обмен не на прибалтов, а на «власовцев», которых французы поначалу не хотели выдавать, собираясь судить их по своим законам как военных преступников, участвовавших в подавлении Французского Сопротивления.

Это, в частности, отмечено в сводке Управления репатриации от 1 февраля 1945 года: «Как видно из последней беседы тов. Богомолова (посол СССР во Франции — В. З.) с французским министром по делам военнопленных Флене, французские власти склонны рассматривать наших людей, бывших “власовцев”, как военных преступников, подсудных французскому суду»²⁵¹. Позднее эта проблема была урегулирована, и «власовцы» в соответствии с принципом обязательной репатриации были переданы СССР. Для самих «власовцев» это являлось подлинным спасением, так как у французского правосудия был настрой пустить их под нож гильотины, а в СССР они в массе своей после соответствующей проверки в ПФЛ или ИТЛ были направлены на спецпоселение сроком на 6 лет.

В зарубежной и отечественной литературе тем не менее имеет хождение не подтвержденное бесспорными фактами утверждение, что Франция будто бы насильственно передавала Советскому Союзу прибалтов и других «западников».

Мы полагаем, что это заблуждение. У французов политика в этом вопросе была в принципе такой же, как у англичан и американцев, а именно: основополагающим критерием в определении советского гражданства и выявлении круга перемещенных лиц, подлежащих обязательной выдаче советским властям, являлось проживание до 1 сентября 1939 года на территории СССР в его границах до этой даты. Так, военный губернатор французской зоны оккупации Австрии в беседе с советскими офицерами по репатриации, состоявшейся 23 ноября 1945 года, сказал: «У меня имеются от французского правительства указания, что советскими подданными считаются только те, кто жил в государственных границах СССР 1939 года»²⁵².

До мая 1945 года союзники передавали Советскому Союзу перемещенных лиц, как правило, привозя их на кораблях в советские морские порты (Мурманск, Одесса и др.). После капитуляции Германии встал вопрос о передаче репатриантов через линию соприкосновения советских и союзных войск в Германии и Австрии. Переговоры об этом велись 16—22 мая 1945 года в г. Галле (Германия). Делегацию союзников возглавлял американский генерал Р. В. Баркер, советскую делегацию — генерал-лейтенант К. Д. Голубев, один из заместителей Ф. И. Голикова. 22 мая был подписан «План передачи через линию войск бывших военнопленных и гражданских лиц, освобожденных Красной Армией и войсками союзников»²⁵³, и на следующий день, 23 мая, первые партии репатриантов были переправлены через линию соприкосновения войск²⁵⁴.

В научной литературе и публицистике высказывалось немало мнений относительно того, почему англичане и американцы с явным энтузиазмом участвовали в насильственной выдаче Советскому Союзу сотен тысяч людей, которые не хотели и боялись туда возвращаться. Мнений много, но выпадает из поля зрения один важный аспект — это была грандиозная «этническая чистка» с целью недопущения образования в рамках западной цивилизации значительного русско-украинско-белорусского этнического компонента.

Во многих случаях оказывались бесполезными заявления от отдельных перемещенных лиц на имя английских и американских начальников с просьбой предоставить им гражданство США или Англии. В политдонесении Управления по делам репатриации ГСОВГ (Группы советских оккупационных войск в Германии) от 2 февраля 1946 года были приведены тексты двух таких заявлений на имя коменданта г. Крефельд в английской зоне оккупации Австрии: «Честь имею просить Вас разрешить мне ходатайствовать перед Вами выехать мне совместно с семьей на постоянное местожительство в любимую вашу страну — великую Англию»; «Настоящим изъявляю желание выехать навсегда в Англию со своим семейством. Если это невозможно, то прошу оставить меня при действующей армии. Желаю остаться верноподданным Англии». Однако на английского коменданта это не возымело никакого действия: авторы этих заявлений среди прочих перемещенных лиц, подлежащих обязательной репатриации, были переданы советским властям²⁵⁵. Вероятно, они были неприятно поражены тем обстоятельством, что сотрудники контрразведки «СМЕРШ» оказались прекрасно информированными об их попытках получить английское гражданство. Под углом зрения тогдашнего советского законодательства эти лица являлись политическими преступниками (за одно только написание указанных заявлений), подлежащими осуждению по 58-й статье.

Даже власти тех стран, где стояли советские оккупационные войска (Польша, Чехословакия и др.) проявляли явную заинтересованность в том, чтобы, используя принцип обязательной репатриации, как можно больше передать советским властям лиц, проживающих в их странах и являвшихся в прошлом гражданами СССР. Происходила «зачистка» от «иностранных элементов». Мотивация таких действий была достаточно прозрачной и понятной: дескать, если пока нет возможности избавиться от русских оккупационных войск, то хотя бы избавимся от русских перемещенных лиц. Польские, чехословацкие и австрийские власти по собственной инициативе доставляли на советские сборные пункты даже состоящих в гражданских браках с местными жителями советских женщин, а

там, на сборных пунктах, толком не знали, как с ними поступать. Эта проблема даже стала фигурировать в квартальных планах работы ведомства Ф. И. Голикова. Так, в плане на второй квартал 1950 года было записано: «Поставить на решение МИДа СССР вопрос о порядке репатриации в СССР женщин, состоящих в фактических браках с иностранцами, поскольку местные правительства эти браки не признают и права проживания на территории Польши, Чехословакии и Австрии не предоставляют, а в принудительном порядке доставляют их на сборный пункт»²⁵⁶.

К началу 1950-х годов страны, где стояли советские войска, были основательно «очищены» от советских перемещенных лиц. Например, на территории ГДР осталось только 150 советских граждан, из них женщин, вступивших в брак с немецкими гражданами и имевшими от этого брака детей, — 61; больных, престарелых и нетранспортабельных — до 80 чел.; несколько детей-сирот советского подданства, усыновленных немцами²⁵⁷. К этому же времени почти полностью была «очищена» от перемещенных граждан СССР и советская зона оккупации Австрии, за исключением 35 женщин, вступивших в брак с австрийскими гражданами и имевших от них детей²⁵⁸.

Массовая передача союзниками весной и летом 1945 года советских граждан — «восточников» отнюдь не означала, что они никого из них не оставляли у себя. Уже в августе 1945 года Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации располагало сведениями, что в лагерях перемещенных лиц американские и английские службы развернули настоящую «охоту за умами». Из числа «восточников» вычленялись профессора, доценты, доктора и кандидаты наук, конструкторы, технологи и другие специалисты, с которыми велась активная агитационная работа с целью склонить их к отказу от возвращения в СССР²⁵⁹. Это происходило одновременно с насильственной передачей англо-американцами в руки НКВД власовцев, национальных легионеров и др., которые в массе своей имели начальное или неполное среднее школьное образование и, следовательно, были неспособны усилить интеллектуальный потенциал западного мира.

Имеются сведения, говорящие о том, что англо-американцы позволили уклониться от обязательной репатриации из числа «восточников» ряду активных коллаборационистов — бывших руководителей и сотрудников разведывательных и контрразведывательных органов. Это наглядно видно на примере бывших офицеров 29-й русской гренадерской дивизии СС «Каминский» (ее также называли 1-й русской дивизией СС). Дивизия так называлась по фамилии ее командира бригадефюрера СС Б. В. Каминского (погиб в 20-х числах августа 1944 года). Союзники выдали многих бывших офицеров-«каминцев». Среди выданных был, в частности, И. Д. Фролов — командир сводного полка дивизии СС «Каминский», участвовавшего в августе 1944 года в подавлении Варшавского восстания и «отличившегося» своими зверствами и грабежами. Тем не менее, два видных офицера-«каминца» не были выданы и тем самым избежали обязательной репатриации — бывший начальник разведки дивизии Б. А. Костенко и бывший начальник контрразведки Ф. А. Капкаев. Было бы наивно объяснять данный факт случайным стечением обстоятельств. По этому поводу исследователи Д. А. Жуков и И. И. Ковтун справедливо констатировали: «Это не вызывает удивления, поскольку западные — в первую очередь американские — спецслужбы с большой охотой пользовались услугами бывших нацистских и коллаборационистских бойцов “невидимого фронта”»²⁶⁰.

18 января 1945 года Военным Советам фронтов и военных округов была дана директива начальника тыла Красной Армии и Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, согласно которой военнопленные и гражданские лица, освобожденные Красной Армией, подлежали направлению:

- военнослужащие Красной Армии (рядовой и сержантский состав), находившиеся в плену, — в армейские СПП, после проверки в них установленным порядком — в армейские и фронтовые запасные части;

- офицерский состав, находившийся в плену, — в спецлагеря НКВД;

- служившие в немецкой армии и специальных строевых немецких формированиях, власовцы, полицейские и другие лица, вызывающие подозрение, — в спецлагеря НКВД;

— гражданское население — во фронтовые СПП и пограничные ПФП НКВД; из них, после проверки, мужчины призывного возраста — в запасные части фронтов или военных округов, остальные — к месту постоянного жительства (с запретом направления в Москву, Ленинград и Киев);

— жители приграничных областей — в ПФП НКВД;

— дети-сироты — в детские учреждения Наркомпросов и Наркомздравов союзных республик²⁶¹.

Растущий поток репатриантов требовал ускорять их проверку, хотя бы в отношении «не вызывающих подозрений». В директиве НКВД — НКГБ СССР, адресованной в феврале 1945 года НКВД и НКГБ Украины, Белоруссии, Литвы и Молдавии, Главному управлению погранвойск НКВД СССР и Главному управлению НКВД СССР по охране тыла действующей Красной Армии, в частности, указывалось: «В связи с успешным наступлением Красной Армии ожидается наплыв на проверочно-фильтрационные пункты НКВД возвращаемых на Родину советских граждан, находившихся в немецком плену и на каторжных работах в Германии... Разрешаем производить упрощенную проверку в 5-дневный срок в отношении стариков, старух и женщин с детьми, с немедленным направлением их к постоянному месту жительства. Мужчин, вызывающих подозрение и требующих более длительной проверки, — немедленно направлять в спецлагеря НКВД»²⁶².

После капитуляции Германии началось массовое возвращение граждан, насильственно оторванных от Родины. Едва советские и союзные войска сомкнули тиски, окончательно раздавив гитлеровский вермахт, советские люди стихийно хлынули по всем дорогам на восток. Большинство их оказалось в зоне действия англо-американских войск, и сразу же после капитуляции Германии началась подготовка к приему советских граждан от союзников. Ее содержание изложено в справке, подготовленной в середине мая 1945 года в НКВД СССР, которая приведена ниже (с сокращениями):

1. Всего организуется по директиве Ставки (№ 11086 от 11 мая 1945 года) лагерей для приема репатрируемых советских граждан, освобожденных союзными войсками, — 100 на 10 000 каждый, в том числе:

1-й Белорусский фронт — 30;

2-й Белорусский фронт — 15;

1-й Украинский фронт — 30;

2-й Украинский фронт — 10;

3-й Украинский фронт — 10;

4-й Украинский фронт — 5.

2. Проверка Ставкой возложена:

а) бывших военнослужащих Красной Армии — на органы «СМЕРШ»;

б) гражданских лиц — на проверочные комиссии представителями НКВД, НКГБ и «СМЕРШ» под председательством представителя НКВД.

3. Для приема и проверки гражданских лиц на фронтах в составе 100 лагерей выделяется 30 лагерей, в которые и будут направляться все гражданские лица для проверки, в том числе:

— на 1-м Белорусском фронте — 9;

— на 2-м Белорусском фронте — 5;

— на 1-м Украинском фронте — 8;

— на 2-м Украинском фронте — 3;

— на 3-м Украинском фронте — 3;

— на 4-м Украинском фронте — 2.

На этих же фронтах имеется 46 сборных пунктов для приема советских граждан, освобожденных советскими войсками, в том числе:

1-й Белорусский фронт — 10;

2-й Белорусский фронт — 6;

1-й Украинский фронт — 15;

2-й Украинский фронт — 6;

3-й Украинский фронт — 5;

4-й Украинский фронт — 4.

4. Руководство работой проверочных комиссий возложено приказом НКВД СССР от 14 мая на уполномоченных НКВД СССР по фронтам, а там, где таковых нет, — на начальников войск охраны тылов...

6. Для пропуска репатриантов установлено 9 пунктов, из них 7 — Висмар, Кравлетц, Пархим, Магдебург, Дессау, Торгау и Риза. Остальные два будут назначены позже.

Начало приема советских граждан намечено с 21—22 мая по 3 000—5 000 на каждом пункте.

7. Товарищ Берия написал в ГОКО письмо с предложением не задерживать репатриантов во фронтовых лагерях больше 10 дней. После регистрации все советские граждане подлежат направлению к месту постоянного жительства, где органы НКВД и НКГБ будут обязаны их в последующем проверить.

Военные подлежат направлению в запасные части НКО²⁶³.

22 мая 1945 года ГКО принял постановление, устанавливавшее 10-дневный срок регистрации и проверки гражданских репатриантов и отправки их по месту жительства²⁶⁴. Практика показала, что этот срок оказался нереальным, и они находились в лагерях и СПП, как правило, 1—2 месяца и даже дольше. К 30 мая 1945 года общая емкость лагерей и СПП была доведена до 1,3 млн человек²⁶⁵. Никакой разницы между лагерями и СПП не было. В данном случае термин «лагерь» означал не место заключения, а *сборный пункт*, равно как и СПП. Большинство этих сборных пунктов находились за границей (в Германии, Австрии, Польше, Румынии и др.).

Создание сети лагерей и СПП диктовалось не только необходимостью тщательной проверки перемещенных лиц и выявлением в их среде преступных элементов, но и рядом другим причин. Концентрацией в сборных пунктах распыленных чуть ли не по всей Европе масс перемещенных лиц значительно облегчалась задача поставки их на централизованное продовольственное снабжение (репатрианты от момента поступления в лагерь и СПП до прибытия на место жительства получали паек, соответствующий нормам питания личного состава тыловых частей Красной Армии)²⁶⁶. До августа 1945 года часть репатриантов проживала на частных квартирах вблизи СПП и лагерей, но характер их взаимоотношений с местными жителями заставил переместить их в лагеря и СПП, дабы уберечь от соблазна устраивать самосуды над местным немецким, австрийским и другим населением. С медицинской точки зрения предварительная изоляция репатриантов перед отправкой в СССР была совершенно необходима,

так как в их среде были распространены различные инфекционные заболевания. Укомплектованность лагерей и СПП медицинскими работниками считалась достаточной. Судя по их отчетам, им удалось значительно снизить уровень заболеваемости у репатриантов за время их нахождения в лагерях и СПП; в частности, по сыпному тифу — в 3 раза, по брюшному тифу и дизентерии — в 10 раз, а по венерическим болезням — в 16 раз²⁶⁷.

Организация сети лагерей и сборных пунктов преследовала также цель придать процессу репатриации организованные формы, не допустить анархии в этом деле. Во многом теми же мотивами руководствовались англичане и американцы, организовавшие в своих зонах оккупации широкую сеть лагерей для перемещенных лиц. В любом случае сосредоточение больших масс людей в указанных лагерях и сборных пунктах не может быть квалифицировано как политическая репрессия.

Что касается побегов из лагерей и СПП, то таковые имели место, но не носили массового характера. Бежали в основном те, кто подлежал отправке в ПФЛ или преданию суду. Часть беглых репатриантов летом и в начале осени 1945 года объединились в довольно опасные бандгруппы, терроризировавшие местное (немецкое, австрийское, польское, румынское) население. К октябрю 1945 года все эти бандгруппы были ликвидированы охранными войсками НКВД²⁶⁸.

Грабежи и насилия над немецким населением со стороны советских перемещенных лиц все решительней пресекались. Многие уличенные в этом были отданы под суд военного трибунала. Так, в г. Рыбнитц шайка грабителей из числа репатриантов лагеря № 208 в количестве шести человек была арестована и осуждена военным трибуналом. Такая же участь постигла в Ростке и группу грабителей (шесть человек) из числа репатриантов лагеря № 210²⁶⁹.

Как ни странно, многие прибывшие от союзников репатрианты, недовольные тем, что советская администрация не позволяет им грабить немецкое население и издеваться над ним, ставили в пример англичан и американцев, которые, по

их уверениям, якобы позволяли им это делать. Так, в политдонесении Управления по делам репатриации ГСОВГ от 2 февраля 1946 года отмечалось: «Многие репатрианты, прибывшие в лагеря в июне-июле 1945 года, были настроены грабить местное немецкое население. Надо сказать, что имела масса случаев, когда репатрианты рассказывали, что американцы, англичане в некоторых городах не только не наказывали за грабеж немецкого населения, но и сами натравливали на это советских людей. Репатриант ДЕМИН А. Ф., лагерь № 210, уроженец Ленинградской области, 1927 года рождения однажды заявил: "Нам союзники позволяли грабить немцев, они позволяли любого немца превратить в лепешку и даже поощряли это и никого не наказывали. А вот прибыли к вам в лагерь, так нам не разрешают поиздеваться над немцами"»²⁷⁰.

Сотрудников проверочно-фильтрационных комиссий и Управления репатриации, общавшихся с перемещенными лицами, несколько удивлял охватывавший некоторых из числа последних страх перед перспективой возвращения в родной город или село. А ведь зачастую эти люди больше страшились не НКВД — МВД, а угрозы самочинной расправы, т. е. *линчевания* со стороны местного советского населения, испытывавшего ненависть к пособникам фашистских оккупантов. Например, в политдонесении Управления по делам репатриации ЦГСВ (Центральной группы советских войск) от 24 января 1946 года отмечалось: «...Некоторые не спешат домой еще и потому, что скомпрометировали себя перед односельчанами своими связями с немцами. Репатриант Просолов, пойманный при попытке к дезертирству, в беседе с заместителем по политчасти 300 лагеря майором т. Вовченко заявил: "Я думал, что мне дадут лет 5—10 и буду работать, оказалось же, что мне надо ехать домой, а там меня убьют односельчане без всякого суда". Один репатриант, узнав о том, что его должны отправить в родное село, покончил жизнь самоубийством, скрыв свою фамилию. Следует отметить, что лишь незначительное число репатриантов страшится того, что их отправляют в родные места. Большинство же советских граждан довольны тем, что их отправляют по месту жительства...»²⁷¹.

Из этого документа явствует, что среди репатриантов было незначительное число лиц, боявшихся самочинных расправ (линчевания) в случае возвращения их в родные места. А в рядах невозвращенцев, уклонившихся от обязательной репатриации, удельный вес таковых, безусловно, был на порядок выше. Для них уверения официальных советских представителей, что в случае отсутствия серьезной вины перед Родиной им нечего опасаться по возвращении в СССР, были явно недостаточны. Здесь речь шла не столько о вероятности ареста и осуждения, сколько о том, способны ли органы НКВД — МВД и НКГБ — МГБ *защитить* их от линчевания.

В этом плане опасения части перемещенных лиц были весьма небезосновательными. Именно этой проблеме была посвящена директива НКВД — НКГБ СССР № 194/119 от 3 ноября 1945 года, но в ней ни слова не говорилось о выявлении и наказании организаторов и исполнителей самочинных расправ над репатриантами. Напротив, эта директива предписывала «при возникновении попыток со стороны местного населения к организации самочинной расправы с антисоветскими элементами из числа репатриантов органам НКВД — НКГБ немедленно обеспечивать изоляцию таких лиц и проведение по их делу необходимых оперативно-следственных мероприятий»²⁷². Короче, из смысла директивы № 194/119 вытекало, что аресту и ведению следствия подлежали потенциальные жертвы линчевания, а отнюдь не их потенциальные убийцы.

Многие активные коллаборационисты, хорошо знавшие немецкий язык, пытались «раствориться» в массе немецких военнопленных. Для них это был неплохой способ уйти от ответственности за измену Родине. Поэтому выявлять таковых приходилось не только в лагерях и сборных пунктах для советских репатриантов, но и лагерях ГУПВИ (Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД — МВД СССР), где содержались немецкие и другие иностранные военнопленные. Здесь требовалась довольно тонкая агентурно-оперативная работа, так как лица, замаскировавшиеся под немецких военнопленных, отлично говорили по-немецки (иначе они не могли бы выдавать себя за немцев) и разоблачить их было весьма непросто. Например, в лагере ГУПВИ

№ 417 (Днепропетровская обл.) в поле зрения оперативных работников попал обер-лейтенант Э. Колитц, который, по сообщениям агентуры из среды военнопленных, имел по крайней мере три странности: во-первых, называл себя немцем, но ощущался едва уловимый иностранный акцент; во-вторых, называл себя берлинцем, но очень плохо разбирался в топонимике Берлина и не знал названий ряда кафе, ресторанов и т. п., хорошо известных каждому настоящему берлинцу; в-третьих, уверял, что не знает русского языка, но однажды во сне говорил по-русски. В результате проведенного расследования выяснилось: под личиной немецкого обер-лейтенанта Э. Колитца скрывается советский гражданин Б. Б. Перлов, который до войны работал в Москве, потом, будучи призванным в Красную Армию, добровольно перешел на сторону немцев, служил у них сначала переводчиком, а затем заместителем начальника группы тайной полевой полиции (ГФП), вербовал агентуру, допрашивал советских военнопленных, принимал активное участие в карательных операциях на территории Харьковской и Воронежской областей, где разыскивался как военный преступник²⁷³.

До июня 1946 года среди военнопленных германской армии, содержавшихся в лагерях ГУПВИ, было выявлено и арестовано 1334 изменников Родине — граждан СССР, из них на указанную дату 1083 человека были осуждены военными трибуналами. Среди разоблаченных изменников Родине, выдававших себя за немецких военнопленных, оказались, в частности, бывший старший лейтенант Красной Армии В. М. Глушаков, бывший секретарь райкома ВКП(б) г. Вязьмы Д. Н. Сахаров, бывший уполномоченный СНК Украинской ССР по эвакуации скота И. Н. Дворниченко и др. В докладной записке от 19 июня 1946 года министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов довел эту информацию до сведения И. В. Сталина, В. М. Молотова и Л. П. Берии²⁷⁴.

Имели место факты, когда некоторые иностранцы по каким-то причинам маскировались под советских перемещенных лиц и по вымышленным фамилиям и подложным документам в качестве «советских репатриантов» прибывали в СССР. Так, проходившая проверку в ПФП № 226 (Бранденбург)

репатриантка Ю. Е. Левина (по паспорту якобы латышка, уроженка Риги) получила разрешение на въезд в СССР и поселилась в Харькове; позднее выяснилось, что никакая она не Левина, а уроженка г. Цвиккау в Германии У. Г. Мюнстер, по национальности немка (паспорт же на имя Ю. Е. Левиной она приобрела на «черном рынке» в Германии еще до поступления в ПФП № 226). В 1951 году Главное управление милиции МВД СССР располагало сведениями, что только в Украине, Белоруссии, Литве, Латвии, Эстонии и Молдавии проживает 220 «советских репатриантов», в действительности являвшихся иностранцами и никогда ранее не проживавших в СССР²⁷⁵.

Сотрудники органов НКВД, НКГБ и контрразведки «СМЕРШ», проводившие проверку и фильтрацию репатриантов, опасались, что довольно длительное бесконтрольное пребывание за границей могло серьезно повлиять на их мировоззрение и политические настроения. Однако в процессе общения с репатриантами эти опасения в значительной мере рассеивались. Так, в докладе командования войск НКВД по охране тыла Центральной группы советских войск от 26 октября 1945 года отмечалось: «Политнастроение репатрируемых советских граждан в подавляющем большинстве здоровое, характеризуется огромным желанием скорее приехать домой — в СССР. Проявлялся повсеместно значительный интерес и желание узнать, что нового в жизни в СССР, скорее принять участие в работе по ликвидации разрушений, вызванных войной, и укреплению экономики Советского государства»²⁷⁶. В августе 1945 года при известии о начавшейся войне с Японией только в одном лагере № 269 3150 репатриантов подали заявления с просьбой отправить их на фронт²⁷⁷.

Во многих документах ведомства Ф. И. Голикова и проверочно-фильтрационных комиссий отмечалось, что у репатриантов нет «круговой поруки» и они не покрывают преступников. Более того, у них существовало массовое стремление к выявлению и разоблачению замаскировавшихся в их среде военных преступников и прочих активных пособников врага. «Большое количество таких лиц, — говорилось в одном из документов СВАГ (Советской военной администрации в Германии), где речь шла о положении репатриантов в лагерях и

СПП, — было разоблачено самими репатриантами и передано в органы “СМЕРШ”»²⁷⁸.

Позднее, когда волна просоветски настроенных репатриантов схлынула, оценки и тональность в отношении вновь прибывших репатриантов существенно изменились. В письме Ф. И. Голикова от 1 октября 1947 года, адресованном министрам госбезопасности и внутренних дел В. С. Абакумову и С. Н. Круглову, отмечалось: «В настоящее время репатриация советских граждан из английской и американской зон оккупации в Германии имеет отличительные черты от репатриации, проводимой ранее. Во-первых, в наши лагеря поступают люди, имевшие в большинстве случаев вину перед Родиной; во-вторых, они длительное время находились и находятся на территории английского и американского влияния, подвергались там и подвергаются интенсивному воздействию всевозможных антисоветских организаций и комитетов, свивших себе гнезда в западных зонах Германии и Австрии. Кроме того, из Англии в настоящее время поступают в лагеря советские граждане, служившие в армии Андерса. За 1947 год принято в лагеря советских граждан из английской и американской зон — 3269 чел. репатриантов и 988 чел., служивших в армии Андерса. Нет сомнения, что среди этих граждан прибывают в СССР подготовленные разведчики, террористы, агитаторы, прошедшие соответствующие школы в капиталистических странах»²⁷⁹.

По статистике ведомства Ф. И. Голикова, к 1 марта 1946 года было репатрировано 5 352 963 советских гражданина (3 527 189 гражданских и 1 825 774 военнопленных). Однако из этого числа следует вычесть 1 153 475 человек (867 176 гражданских и 286 299 военнопленных), которые фактически не являлись репатриантами, так как не были за границей. Их правильнее называть внутренними перемещенными лицами (имеется в виду перемещение внутри СССР). Среди них преобладали «восточники», которых во время войны по разным причинам судьба забросила в Прибалтику, Западную Украину, Западную Белоруссию и другие западные районы СССР. 831 951 внутреннее перемещенное лицо (165 644 мужчины,

353 043 женщины и 313 264 детей) было направлено к месту жительства (831 635 гражданских и 316 военнопленных), 254 773 — призвано в армию (26 705 гражданских и 228 068 военнопленных) и 66 751 — спецконтингент НКВД (8836 гражданских и 57 915 военнопленных)²⁸⁰. В таблице 1 представлена динамика поступления в 1944—1952 годах «репатриантов» (в интерпретации ведомства Голикова) с делением их на настоящих репатриантов и внутренних перемещенных лиц.

Таблица 1. Соотношение репатриантов и внутренних перемещенных лиц*

Даты	Всего (чел.)	в том числе			
		репатрианты		внутренние перемещенные лица	
		чел.	в %	чел.	в %
10.12.1944	601 189	99 159	16,5	502 030	83,5
20.12.1944	869 332	116 464	13,4	752 868	86,6
30.12.1944	1 050 398	162 403	15,5	887 995	84,5
10.01.1945	1 079 500	184 863	17,1	894 637	82,9
20.01.1945	1 144 420	197 841	17,3	946 579	82,7
01.02.1945	1 185 682	226 235	19,1	959 447	80,9
10.02.1945	1 205 447	244 408	20,3	961 039	79,7
20.02.1945	1 232 444	267 825	21,7	964 619	78,3
01.03.1945	1 255 949	287 785	22,9	968 164	77,1
10.03.1945	1 311 359	335 983	25,6	975 376	74,4
20.03.1945	1 373 178	351 397	25,6	1 021 781	74,4
01.04.1945	1 448 933	424 458	29,3	1 024 475	70,7
10.04.1945	1 532 532	503 295	32,8	1 029 237	67,2
01.06.1945	1 946 326	880 732	45,3	1 065 594	54,7
10.06.1945	2 097 738	1 000 805	47,7	1 096 933	52,3
20.06.1945	2 396 154	1 277 413	53,3	1 118 741	46,7
01.07.1945	2 433 520	1 307 004	53,7	1 126 516	46,3
10.07.1945	2 565 129	1 438 049	56,1	1 127 080	43,9
01.03.1946	5 352 963	4 199 488	78,5	1 153 475	21,5
01.01.1952	5 457 856	4 304 381	78,9	1 153 475	21,1

* ГАРФ. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 10. Л. 1, 4, 8, 12, 28, 33, 38, 43, 49, 55, 60, 65, 70, 75, 79, 82, 88; Д. 22. Л. 1, 7, 9, 13; Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 1. Л. 62, 223; Д. 7. Л. 157.

Таблица 2. Национальный состав репатриированных советских граждан (по состоянию на 1 марта 1946 года)*

Национальность	Всего (чел.)	в том числе	
		гражданские	Военнопленные
Русские	1 631 861	891 747	740 114
Украинцы	1 650 343	1 190 135	460 208
Белорусы	520 672	385 896	134 776
Литовцы	50 396	47 377	3 019
Латыши	35 686	32 230	3 456
Эстонцы	14 980	12 231	2 749
Молдаване	36 692	31 598	5 094
Евреи	11 428	6 666	4 762
Грузины	33 141	7 600	25 541
Армяне	25 063	4 406	20 657
Азербайджанцы	24 333	2 348	21 985
Татары	43 510	11 332	32 178
Узбеки	31 034	1 446	29 588
Казахи	26 903	2 455	24 448
Киргизы	6 249	1 950	4 299
Таджики	4 711	453	4 258
Туркмены	3 968	177	3 791
Калмыки	6 405	2 318	4 087
Башкиры	5 793	1 215	4 578
Поляки	53 185	50 483	2 702
Карелы	3 441	1 247	2 194
Финны	4 705	4 122	583
Ингерманландцы	43 246	43 246	—
Другие:			
Из них представители коренных народов СССР (удмурты, мордва, осетины, кабардинцы, чеченцы, ингуши и др.)	173 156	138 651	34 505
	97 560	65 974	31 586
Представители некоренных народов (немцы, греки, болгары, румыны и др.)	75 596	72 677	2 919
Итого	4 440 901	2 871 329	1 569 572

* ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 1. Л. 226—229. В эту статистику вошли все репатрианты (4 199 488), а также 241 413 внутренних перемещенных лиц (211 316 гражданских и 20 097 военнопленных).

**Таблица 3. Результаты проверки и фильтрации репатриантов
(по состоянию на 1 марта 1946 года)***

Категории репатриантов	Всего		В том числе			
			гражданские		военнопленные	
	чел.	в %	чел.	в %	чел.	в %
Направлено по месту жительства**	2 427 906	57,81	2 146 126	80,68	281 780	18,31
Призвано в армию	801 152	19,08	141 962	5,34	659 190	42 82
Зачислено в рабочие батальонные НКО	608 095	14,48	263 647	9,91	344 448	22,37
Передано в распоряжение НКВД (спецконтингент)	272 867	6,50	46 740	1,76	226 127	14,69
Находилось на сборно-пересыльных пунктах и использовалось на работах при советских воинских частях и учреждениях за границей	89 468	2,13	61 538	2,31	27 930	1,81
ИТОГО	4 199 488		2 660 013		1 539 475	

* ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 3. Д. 53. Л. 175; Оп. 4а. Д. 1. Л. 62, 70, 223.

** Включая репатриантов — немцев (советских граждан), крымских татар, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и некоторых других, направленных на спецпоселение. Репатриированных из Финляндии ингерманландцев, вопреки обещаниям отправить их на родину в Ленинградскую область, насильственно расселили в Великолукской, Калининской, Ярославской, Псковской и Новгородской областях. Репатрианты, умершие в период нахождения их в лагерях, сборно-пересыльных, проверочно-фильтрационных и других сборных и проверочных пунктах, включены в число направленных к месту жительства.

Надо сказать, что в период немецкой оккупации внутреннее перемещенные лица являлись объектом безжалостной эксплуатации не только со стороны гитлеровцев, но в

ряде случаев и со стороны зажиточных слоев местного «западнического» населения. Например, в донесении политпросветотдела Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации от 28 ноября 1944 года на имя Ф. И. Голикова говорилось: «В Литве много советских граждан из Ленинградской области, насильно вывезенных немцами, работали у кулаков. “Хозяева” более года не оплачивали труд и сейчас платить отказываются»²⁸¹. В Литве, Латвии и Эстонии было учтено 283 407 внутренних перемещенных лиц (227 044 гражданских и 56 363 военнопленных), в других западных регионах СССР — 870 068 (соответственно 640 132 и 229 936)²⁸². Не все они захотели вернуться в родные места, и образовалась специфическая прослойка «внутренних невозвращенцев». Так, по данным на 1 июня 1946 года, в Латвии остались на жительстве 11 947 внутренних перемещенных лиц²⁸³.

Таким образом, в действительности на 1 марта 1946 года насчитывалось 4 199 488 репатриантов (2 660 013 гражданских и 1 539 475 военнопленных), из них 2 352 686 поступили из зон действия союзников, включая Швейцарию (1 392 647 гражданских и 960 039 военнопленных) и 1 846 802 — из зон действия Красной Армии за границей, включая Швецию (1 267 366 гражданских и 579 436 военнопленных). Их национальный состав представлен в таблице 2, а результаты проверки и фильтрации — в таблице 3. Кроме того, в таблице 4 показано детальное членение репатриантов (по численности и удельному весу) на военнопленных и гражданских лиц.

Массовая репатриация фактически завершилась в первой половине 1946 года. В последующие годы репатриация резко пошла на убыль. До 1 июля 1952 года было репатриировано 4 305 035 советских граждан, из них 162 403 — в 1944 году, 3 888 721 — в 1945, 195 273 — в 1946, 30 346 — в 1947, 14 272 — в 1948, 6 542 — в 1949, 4 527 — в 1950, 2 297 — в 1951 и 654 — в январе—июне 1952 года²⁸⁴. Из общего числа репатриированных до 1 июля 1952 года советских граждан 3 222 545 поступило из Германии, 332 792 — из Австрии, 137 856 — Румынии, 123 267 — Франции, 102 278 — Польши, 101 359 — Финляндии, 84 777 — Норвегии, 54 350 — Италии, 42 706 — Чехословакии, 27 967 — Англии, 26 268 — Югославии, 13 614 — Бель-

гии, 9 872 — Швейцарии, 7 835 — Дании, 4 070 — США, 3 806 — Болгарии, 3 429 — Венгрии, 3 409 — Швеции, 1 404 — Греции, 824 — Албании и 544 — из других стран²⁸⁵. Более детально эта статистика представлена в таблице 5.

*Таблица 4. Соотношение военнопленных и гражданских лиц в составе советских репатриантов по странам, из которых они прибыли (по состоянию на 1 марта 1946 года)**

Страны	Всего (чел.)	В том числе			
		военнопленные		гражданские	
		чел.	в %	чел.	в %
Германия	2 995 312	1 064 039	35,5	1 931 273	64,5
Австрия	326 929	84 820	25,9	242 109	74,1
Румыния	133 552	28 799	21,6	104 753	78,4
Франция	120 878	85 409	70,6	35 469	29,4
Финляндия	101 184	42 778	42,3	58 406	57,7
Польша	87 850	9950	11,3	77 900	88,7
Норвегия	84 775	77 812	91,8	6963	8,2
Италия	53 240	44 205	83,0	9035	17,0
Чехословакия	40 655	6423	15,8	34 232	84,2
Англия	26 329	21 900	83,2	4429	16,8
Югославия	25 738	11 370	44,2	14 368	55,8
Бельгия	12 344	7352	59,5	4992	40,5
Швейцария	9807	6060	61,8	3747	38,2
Дания	7570	4635	61,2	2935	38,8
США	3950	3823	96,8	127	3,2
Болгария	3682	643	17,5	3039	82,5
Венгрия	3259	698	21,4	2561	78,6
Швеция	3208	2156	67,2	1052	32,8
Греция	1402	1288	91,9	114	8,1
Албания	805	805	100,0	0	0,0
Голландия	234	74	31,6	160	68,4
Люксембург	39	0	0,0	39	100,0
Нет сведений по странам	156 746	34 436	22,0	122 310	78,0
ИТОГО	4 199 488	1 539 475	36,7	2 660 013	63,3

* ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 3. Д. 53. Л. 175.

Таким образом, к 1952 году по линии органов репатриации в СССР было возвращено свыше 4,3 млн советских граждан. В это число не включены депортированные советские граждане (военнопленные и гражданские), которые во второй половине 1941 — первой половине 1944 года совершили удачные побеги из-за границы в СССР, а также порядка 150 тыс. потерявших работоспособность «восточных рабочих», которых немцы в 1942—1943 годах возвратили на оккупированную ими территорию СССР²⁸⁶. Репатриация, хоть и в крайне незначительных размерах, продолжалась и после 1952 года. С учетом всего этого, общее число советских граждан, оказавшихся вследствие войны за границей и возвращенных впоследствии в СССР, оценивается величиной примерно в 4,5 млн человек.

Вся статистика ведомства Ф. И. Голикова, которая является официальной, строилась на скрупулезном суммировании лиц, прошедших регистрацию во всех сборных и проверочных лагерях и пунктах. Следовательно, она, эта статистика, не учитывает репатриантов, пробравшихся из-за границы домой нелегально, в обход всех фильтрприемников. По сведениям 1 спецотдела МВД СССР, на 1 января 1948 года среди 2 069 550 учтенных в местах их жительства репатриантов числилось 152 473 человека (7,4%), не проходивших регистрацию в сборно-пересыльных пунктах и лагерях для репатриированных²⁸⁷. Это только выявленные к началу 1948 года нелегальные репатрианты. А сколько было невыявленных, сумевших скрыть факт своего пребывания за границей? Об этом даже приблизительно трудно что-либо сказать.

В статистике репатриированных советских граждан из Германии имеются некоторые противоречия. Если исходить из числа поступивших к 1 июля 1952 года из всех четырех оккупационных зон Германии (из советской зоны — 886 286, английской — 1 073 545, американской — 1 039 032, французской — 84 416), то в сумме получается не 3 222 545, а 3 083 279 человек. Недостающие 139 266 человек в источнике названы как прибывшие «из СПП и лагерей»²⁸⁸ без указания стран, откуда они были репатриированы. Причем из контекста ясно, что это,

во-первых, не внутренние перемещенные лица и, во-вторых, не переданные союзниками, т. е. речь идет о людях, находившихся за пределами СССР в странах, где стояли советские войска. Мы включили эти 139 266 человек в число репатриированных из советской зоны оккупации Германии, исходя из того, что значительная их часть, безусловно, поступила из бывших германских территорий (Восточная Пруссия и другие), отошедших к СССР и Польше. В ходе дальнейшего исследования возможна корректировка этой статистики в сторону уменьшения на несколько десятков тысяч человек поступивших из Германии и соответствующего увеличения количества репатриированных из Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии.

Примерно с октября 1945 года повсеместно в лагерях перемещенных лиц в западных зонах стали численно преобладать невозвращенцы (основная масса возвращенцев уже была в СССР), настроенные, как правило, враждебно и агрессивно к любому человеку, заподозренному в намерении возвратиться в СССР. С плюрализмом мнений у них было туговато, и они решительно и беспощадно искореняли «инакомыслие» в основном посредством такого старого как мир и банального способа, как мордобой. Советские граждане, подавшие заявления о репатриации в СССР, еще некоторое время вынуждены были находиться в лагерях перемещенных лиц, ожидая оформления документов на выезд, и нередко становились жертвами экзекуций, издевательств и глумлений не только со стороны антисоветчиков-невозвращенцев, но и со стороны венгров-хортистов, югославов-четников и прочих находившихся в этих лагерях антисоветских элементов²⁸⁹.

Решившиеся вернуться на Родину «западники» нередко чрезвычайно удивлялись, когда при общении с советскими должностными лицами выясняли, что те являлись выходцами из простых рабочих и крестьян. Приведем характерный пример. В августе 1946 года в лагере № 312 в Гродно сотрудник ведомства Ф. И. Голикова майор Гурьев беседовал с группой репатриантов, которые никогда не были гражданами СССР, а еще в 1920—1930-е годы, будучи подданными Польши, уехали на заработки во Францию. Они, узнав, что майор Гурьев —

в прошлом шахтер, сначала не верили этому. Затем, испытав его по вопросам напластования, техники и способов разработки угля, очень удивлялись, что в СССР из рабочих вышли командиры Красной Армии, администраторы, научные сотрудники, артисты, инженеры и другие работники умственного труда. Репатриант И. А. Брозовский (1897 года рождения, белорус) заявил, что за 15 лет работы шахтером во Франции «сменил десятки шахт, но нигде не встречал, чтобы из шахтеров кто-нибудь выбился в люди. Самое большее — десятник или надсмотрщик. Значит, правда, что Советское государство — государство рабочих и крестьян. Я искренне рад, что хотя под старость приехал в свою рабочую страну...»²⁹⁰.

По данным на 1 января 1952 года, ведомство Ф. И. Голикова определяло численность так называемой «второй эмиграции» в 451 561 человек (в это число не вошли бывшие советские немцы, ставшие гражданами ФРГ и Австрии, бессарабцы и буковинцы, принявшие румынское подданство, и некоторые другие), среди которых было 144 934 украинца, 109 214 латышей, 63 401 литовец, 58 924 эстонец, 31 704 русских, 9856 белорусов и 33 528 прочих. Среди украинцев и белорусов преобладали выходцы из западных областей Украины и Белоруссии. «Вторая эмиграция» более чем на $\frac{3}{4}$ состояла из «западников» и менее чем на $\frac{1}{4}$ — из «восточников». В начале 1952 года расселение «вторых эмигрантов» по странам мира выглядело так: Западная Германия — 84 825, западные зоны Австрии — 18 891, Англия — 100 036, Австралия — 50 307, Канада — 38 681, США — 35 251, Швеция — 27 570, Франция — 19 675, Бельгия — 14 729, Аргентина — 7 085, Финляндия — 6 961, Бразилия — 3 710, Венесуэла — 2 804, Голландия — 2 723, Норвегия — 2 619, другие страны — 36 694 человека²⁹¹.

Политическое руководство СССР на протяжении второй половины 1940-х и первой половины 1950-х годов не теряло надежды их репатриировать, продолжая твердо придерживаться принципа обязательной репатриации советских граждан (включая «западников»). Более того, советская дипломатия прилагала большие усилия, чтобы в этом вопросе склонить на свою сторону мировое общественное мнение.

**Таблица 5. Динамика репатриации советских граждан
(1944 — первая половина 1952 года)***

Страны	Всего	В том числе				
		1944	1945	1946	1947 (январь-июнь)	Июль 1947-июнь 1952
Германия	322 2545	—	3 013 133	179 807	12 324	17 281
советская зона**	102 5552	—	834 022	168 853	10 810	11 867
английская зона	107 3545	—	1 064 352	5243	898	3052
америк.. зона	103 9032	—	1 031 590	5011	532	1899
франц.. зона	84 416	—	83 169	700	84	463
Австрия***	332 792	—	325 508	1632	334	5318
советская зона	330 260	—	325 508	—	—	4752
английская зона	1085	—	—	688	120	277
америк.. зона	1160	—	—	799	158	203
франц. зона	287	—	—	145	56	86
Румыния	137 856	68 068	65 272	1635	225	2656
Франция	123 267	—	120 422	2132	368	345
Польша	102 278	—	86 953	1142	2801	11 382
Финляндия	101 359	73 754	27 387	123	—	95
Норвегия	84 777	—	84 362	413	—	2
Италия	54 350	7215	45 749	670	438	278
Чехословакия	42 706	835	34 665	5155	293	1758
Англия	27 967	9907	16 416	493	82	1069
Югославия	26 268	706	24 866	451	2	243
Бельгия	13 614	—	12 122	899	26	567
Швейцария	9872	—	9807	61	—	4
Дания	7835	—	7470	272	66	27
США	4070	—	3950	118	—	2
Болгария	3806	629	3053	32	41	51
Венгрия	3429	—	3259	—	—	170
Швеция	3409	1289	1894	81	8	137
Греция	1404	—	1402	—	—	2
Албания	824	—	805	19	—	—
Голландия	333	—	226	61	3	43
Люксембург	77	—	—	77	—	—
Египет	29	—	—	—	18	11
Другие страны****	105	—	—	—	—	105
Итого	4 305 035	162 403	3 888 721	195 273	17 029	41 609

* ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 86а. Д. 12345. Л. 81—82; Ф. 9526. Оп. 4. Д. 33. Л. 120.

** В число репатриированных из советской зоны оккупации Германии включены 139 266 человек, относительно которых в источниках не указано, из каких стран они прибыли.

*** В сведениях за 1945 год советские граждане, поступившие из западных зон Австрии, учтены вместе с репатриированными из советской зоны.

**** Венесуэла — 28, Аргентина — 22, Канада — 16, Южно-Африканский Союз — 9, Индокитай — 7, Палестина — 7, Австралия — 4, Уругвай — 4, Испания — 3, Алжир — 3 и Индия — 2 репатрианта.

Так, 15 декабря 1946 года А. А. Громыко, выступая на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, заявил: «Мероприятия по перемещению беженцев и перемещенных лиц в другие страны, во-первых, создают условия, при которых военные преступники, квислинги, предатели легко укрываются от наказаний. Во-вторых, даже с чисто гуманной точки зрения нельзя считать правильным поощрение переселения в другие страны, поскольку такое переселение обрекает беженцев на безотрадное существование, вдали от родины, в условиях всякого рода дискриминации»²⁹². В этой фразе были приведены основные аргументы, на основании которых СССР продолжал твердо придерживаться политики обязательной репатриации перемещенных лиц, и, кроме того, сформулирована концепция, призванная придать позиции СССР гуманистическое содержание.

17 ноября 1947 года под давлением советской делегации была принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, в которой говорилось, что Генеральная Ассамблея «подтверждает свою точку зрения, согласно которой главная задача в отношении перемещенных лиц заключается в том, чтобы поощрять всеми возможными способами их скорейшее возвращение в страны их происхождения»²⁹³. Однако эта, казалось бы, серьезная дипломатическая победа СССР не привела ни к каким приемлемым для него практическим результатам в процессе образования «второй эмиграции».

Как и «первая» (белая) эмиграция, «вторая эмиграция» тоже являлась ярко выраженной политической, антисовет-

ской. Поскольку в ее составе численно преобладали антисоветски и русофобски настроенные прибалты и западные украинцы (к примеру, в Западной Германии удельный вес украинцев, литовцев, латышей и эстонцев в составе этой так называемой «новой волны русской эмиграции» составлял, по данным на начало 1952 года, 89,9%, в Англии — 90,0, в США — 92,8, а в Канаде — 93,2%)²⁹⁴, то именно они определяли ее политическое лицо. Свое невозвращение на родину они, как правило, объясняли не только «русской оккупацией», но и неприятием советского общественного и государственного строя и даже самого государственного образования в виде СССР. Их невозвращенческая позиция покоилась на четырех основных постулатах — национализме, антикоммунизме, антисоветизме и русофобии.

В октябре 1945 года в «Правде» была опубликована статья Ф. И. Голикова, в которой называлось число репатриированных к тому времени граждан СССР — 5 236 130 человек (3 104 284 мужчины, 1 498 153 женщины и 633 693 ребенка)²⁹⁵. Однако при этом не было сделано никаких пояснений. В результате приведенное Голиковым число репатриантов воспринималось в том смысле, что все они прибыли из-за границы. В действительности же к началу октября 1945 года из-за границы возвратилось около 4,1 млн человек, остальные же были внутренними перемещенными лицами (см. табл. 1) и их, следовательно, нельзя считать репатриантами.

Персонафицированная картотека на репатриированных советских граждан, которая составлялась сотрудниками аппарата Ф. И. Голикова, охватывала только немногим более 4,6 млн человек, т. е. была на порядок ниже официальной статистики (которая, напомним, включала в себя и внутренних перемещенных лиц). В 1946—1948 годах Управление Уполномоченного Совмина СССР по делам репатриации передало МВД СССР картотеку персонального учета на 4 619 110 репатриантов: в ноябре 1946 года — на 2 815 660 гражданских лиц и в начале 1948 года — на 1 803 450 военнопленных²⁹⁶.

В 1965 году в открытой советской печати были обнародованы официальные данные о количестве репатриированных советских граждан — 5 457 856 человек²⁹⁷. Это была суммар-

ная численность репатриантов и внутренних перемещенных лиц по состоянию на 1 января 1952 года (см. табл. 1). Однако именно такого пояснения не было сделано, и эта статистика вплоть до 1990 года вводила исследователей в заблуждение. Во многих трудах эта цифра (5 457 856) представлялась как общее число советских граждан, возвращенных в СССР именно из-за границы (из Германии и других стран).

Историки М. Геллер и А. Некрич, судя по тексту раздела «Репатриация» в их книге «Утопия у власти», вышедшей в 1986 году в Лондоне на русском языке, явно были озадачены тем обстоятельством, что советских перемещенных лиц в Европе было около 5 млн (из коих почти 0,5 млн не возвратились в СССР), и из этого числа, оказывается, по официальным советским данным, было репатриировано почти 5,5 млн. Для них это оказалось неразрешимым «математическим ребусом». Они так и не догадались, что их собственные данные об общем числе советских перемещенных лиц в европейских странах *правильные*, а официальные советские данные о количестве репатриированных в СССР фактически *фальсифицированные*. Пребывая в уверенности, что в официальных советских данных речь идет только о поступивших в СССР из европейских стран (о существовании приписки в почти 1,2 млн человек они не догадывались), М. Геллер и А. Некрич вынуждены были строить предположения о существовании в Европе дополнительно еще каких-то советских граждан, которые «возвратились или были возвращены в Советский Союз»²⁹⁸.

Тем не менее сомнения относительно достоверности официальной советской статистики и тогда, в 1970—80-е годы, имели место. Сотрудники Института истории СССР АН СССР В. Е. Полетаев, Ю. К. Стрижков и В. Б. Тельпуховский неоднократно высказывали подозрения, что официальные советские данные являются существенно преувеличенными. Ход их рассуждений сводился к тому, что, по-видимому, в западных регионах СССР были выявлены большие массы советских граждан, не являвшихся местными жителями, и их всех включили в общее число «репатриантов». Теперь же документально доказано, что они в своих подозрениях были совершенно правы.

К 1 августа 1946 года по месту жительства было направлено 3 322 053 репатриантов и внутренних перемещенных лиц. Среди них было 3 024 229 гражданских (2 192 594 репатриантов и 831 635 внутренних перемещенных лиц) и 297 824 военнопленных (соответственно 297 508 и 316). На 3 289 672 человек имелись сведения о распределении их по союзным республикам (см. табл. 6). Разница между общим числом направленных к месту жительства к 1 августа 1946 года и тем количеством, на которое имелись сведения о распределении по союзным республикам, составляет 32 381 человек (3 322 053 — 3 289 672). По-видимому, эта цифра адекватна числу умерших в период нахождения этих людей в лагерях, СПП, ПФП и других сборных и проверочных пунктах.

*Таблица 6. Распределение по союзным республикам направленных к месту жительства репатриантов и внутренних перемещенных лиц (по состоянию на 1 августа 1946 года)**

Союзные республики	Всего, человек	в том числе		
		мужчины	женщины	дети
Россия	1 578 570	439 471	688 690	450 409
Украина	1 145 484	408 641	607 015	129 828
Белоруссия	332 301	110 367	153 280	68 654
Литва	48 780	16 900	19 556	12 324
Латвия	54 621	19 775	24 133	10 713
Эстония	14 321	5 336	6 500	2 485
Молдавия	45 945	24 329	14 682	6 934
Грузия	4 679	4 545	107	27
Армения	2 045	2 008	30	7
Азербайджан	4 204	4 119	75	10
Казахстан	43 501	5 969	17 218	20 314
Узбекистан	4 780	4 374	344	62
Таджикистан	8 455	1 306	3 329	3 820
Киргизия	901	680	197	24
Туркмения	723	717	4	2
Карело-Финская ССР	362	194	105	63
ИТОГО	3 289 672	1 048 731	1 535 265	705 676

* ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 3. Д. 54. Л. 174—176.

Благополучно прошедшим проверку и отпущенным домой выдавались временные удостоверения, в которых указывались фамилия, имя, отчество, год и место рождения, время содержания во фронтовом или армейском лагере, на СПП, ПФП, ПФЛ или в ином подобного рода месте (например: г. Торгау, проверочно-фильтрационный пункт НКВД СССР № 282), а также и выбранное репатриантом место жительства. В этом же документе имелись два примечания: «Видом на жительство служить не может» и «Удостоверение по приезде к месту жительства должно быть сдано в местный орган НКВД для получения вида на жительство»²⁹⁹. Больше никаких документов репатриантам на руки не выдавалось. Все документы, подтверждавшие пребывание людей в концлагерях и тюрьмах фашистской Германии, были изъяты у них при проверке в лагерях, СПП, ПФП и ПФЛ и других проверочных лагерях и пунктах.

Среди возвращавшихся к местам своего прежнего жительства было довольно много киевлян. Однако в постановлении СНК СССР от 6 января 1945 года «Об организации приема и устройства репатрируемых советских граждан» говорилось о запрете направления репатриантов в Москву, Ленинград и Киев³⁰⁰. Этот же запрет фигурировал и в приведенной выше директиве начальника тыла Красной Армии и Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации от 18 января 1945 года. Несколько позднее проблема с репатриантами-киевлянами была существенно сглажена. По распоряжению СНК СССР от 7 июля 1945 года разрешалось направлять в Киев репатриированных юношей и девушек при условии, если их родители проживают в Киеве³⁰¹.

Прибывших к месту жительства репатриантов местные органы внутренних дел и госбезопасности обязаны были проверить на основании приказа НКВД — НКГБ СССР от 16 июня 1945 года «О порядке проверки и фильтрации по месту постоянного жительства возвращающихся на родину репатриированных советских граждан». В нем указывалось, что для производства проверки в каждом пункте, куда будут прибывать репатрианты, необходимо создать проверочно-фильтрационные комиссии и основное внимание уделить выявлению:

а) гласных и негласных сотрудников немецких разведывательных, контрразведывательных, полицейских и карательных органов;

б) немецких агентов, обучавшихся в разведывательных, контрразведывательных, диверсионных и полицейских школах и выполнявших задания немцев в советском тылу;

в) агентуры, завербованной немцами для проведения работы среди советских граждан, содержащихся в лагерях противника, а также специальной агентуры, завербованной немцами с заданием вести разведывательную работу против СССР в послевоенный период;

г) агентов, завербованных другими иностранными разведками для разведывательной работы против СССР;

д) изменников Родины, предателей, ставленников, пособников оккупантам и прочий антисоветский элемент, бежавший из СССР с отступавшими частями противника, а также участников вооруженных формирований, созданных немцами из числа советских граждан («власовцы», «национальные легионы», казачьи части и т. п.);

е) участников белоэмигрантских и националистических организаций, действовавших по указке немцев («КОНР», «НТСНП», «РОВС», грузинские, армянские, татарские, среднеазиатские и другие националистические организации и группы)³⁰².

По состоянию на 1 сентября 1947 года проверка считалась завершенной в отношении 1 981 411 человек (в это число входили более 1924 тыс. репатриантов и около 57 тыс. внутренних перемещенных лиц). На 1 627 590 человек из числа проверенных не было выявлено никаких компрометирующих материалов (82,1%), 21 617 арестовано (1,1%), 202 805 взято в агентурную разработку (10,2%) и еще 129 399 человек (6,6%) значились как «выбывшие по другим причинам». На указанную дату для того, чтобы считать, что приказ от 16 июня 1945 года полностью выполнен, требовалось завершить проверку в отношении еще 56 761 репатрианта. Таким образом, в списки проверяемых на основании указанного приказа, по состоянию на 1 сентября 1947 года, вошли 2 038 172 человека³⁰³. Такое количество было на порядок ниже общего числа

репатриантов и внутренних перемещенных лиц, направленных к месту жительства. Это объяснялось главным образом тем, что, во-первых, проверялись в основном только взрослые и, во-вторых, местные органы МВД—МГБ не считали репатриантами (за исключением «репатриированных из Прибалтики») граждан, которых мы условно называем внутренними перемещенными лицами, и не вносили их в списки на проверку на основании приказа от 16 июня 1945 года.

Из табл. 3 видно, что к 1 марта 1946 года к месту жительства было направлено свыше 80% от общего числа гражданских репатриантов и только 18,3% репатриированных военнопленных. Это нельзя расценивать как дискриминацию военнопленных. Деление на гражданских и военнопленных в ходе проверки и фильтрации и при решении судьбы того или иного репатрианта не имело принципиального значения и относилось к категории второстепенных факторов. Главными критериями были поведение в плену и за границей, а также возраст, пол и другие социальные характеристики. В составе гражданских было огромное количество лиц пожилого возраста, женщин, детей, а также мужчин непризывных возрастов, которые не могли быть призваны в армию или зачислены в рабочие батальоны и, естественно, направлялись к месту жительства. Среди же военнопленных совсем не было детей, очень мало женщин, равно как и стариков. Преобладали мужчины призывных возрастов, подлежавшие восстановлению на военной службе или зачислению в рабочие батальоны. За счет этого и образовалась диспропорция между гражданскими и военнопленными, направленными к месту жительства. После победы над Германией из Красной Армии были демобилизованы военнослужащие 13 старших возрастов и вслед за ними отпущены по домам их ровесники из числа военнопленных. Причем на них полностью распространялись льготы, предусмотренные статьями 3—10 Закона от 23 июня 1945 года «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии»³⁰⁴.

Указанное в табл. 3 количество репатриированных военнопленных, направленных к месту жительства (свыше 280

тыс.), на самом деле значительно ниже реального числа лиц этой категории. Дело в том, что в табл. 3 приведена численность только тех отпущенных по домам репатриантов-военнопленных, которые к моменту выхода приказа о демобилизации 13 старших возрастов еще не были восстановлены на военной службе и находились в проверке во фронтовых и армейских лагерях и СПП, запасных воинских частях, ПФП и прочих проверочных пунктах. Нам неизвестно, сколько человек было демобилизовано в 1945 году на основании этого приказа из числа военнопленных-репатриантов, ранее восстановленных на военной службе (в табл. 3 указано, что всего их было почти 660 тыс.). Думается, что под приказ о демобилизации 13 старших возрастов подпали никак не менее 100 тыс. находившихся на военной службе бывших репатриированных военнопленных (возможно, даже и значительно больше). Учитывая все это, мы определяем общее число военнопленных-репатриантов, направленных к концу 1945 года по месту жительства, величиной примерно в 400 тыс. человек.

В течение 1944—1948 годов правительством СССР было принято 67 постановлений, которыми обеспечивались права репатриантов как граждан СССР, из них 14 — о льготах и материальном обеспечении. К числу основных постановлений СНК (Совмина) такого рода можно отнести следующие: «Об организации приема и устройства репатрируемых советских граждан» (6 января 1945); «О разрешении въезда на территорию Украинской и Белорусской ССР в упрощенном порядке всем гражданам украинцам и белорусам, признавшим себя гражданами СССР» (14 июня 1946); «О порядке назначения и выплаты пенсий военнослужащим, получившим инвалидность во время пребывания на службе в Красной Армии, на фронте и в плену» (9 июля 1946); «О порядке назначения и выплаты государственных пособий многодетным и одиноким матерям, репатриированным в СССР» (19 сентября 1946) и др. Важное значение имело постановление Президиума Верховного Совета СССР от 1 декабря 1945 года «О внесении в списки избирателей репатриированных граждан СССР».

В деле защиты прав репатриантов весьма заметна была роль прокурорского надзора. Был спущен на места ряд директив Генеральной прокуратуры СССР, важнейшими из которых являлись следующие: «О возврате домов, принадлежавших репатриантам, возвратившимся на Родину, которые за их отсутствие были переданы в жилфонд городов и поселков» от 21 декабря 1945 года и «Об охране прав репатрируемых советских граждан» от 24 мая 1948 года³⁰⁵.

На репатриантов, поступивших на работу, полностью распространялось действовавшее законодательство о труде, а также все права и льготы, которыми пользовались рабочие и служащие соответствующих предприятий. То же самое касалось и репатриантов, работавших в сельском хозяйстве. Правительство СССР обязало директоров предприятий и министерства предоставлять репатриантам работу по специальности и при необходимости переводить с их согласия на другие предприятия и использовать по специальности. Репатриантам, работавшим на предприятиях министерств угольной и лесной промышленности, а также черной металлургии, было разрешено выдавать денежную ссуду на индивидуальное жилищное строительство в размере 15 тыс. р. с погашением в течение 15 лет и, кроме того, ссуду до 5 тыс. р. на первоначальное хозяйственное обзаведение с погашением ее в течение пяти лет. Репатрианты, работавшие не там, где проживали их семьи, имели право перевезти их к себе за счет средств предприятия. Репатриированные — бывшие военнопленные пользовались льготами, предусмотренными для демобилизованных воинов. Исполкомы местных Советов депутатов трудящихся, руководители предприятий и учреждений были обязаны предоставлять им работу в месячный срок со дня прибытия к месту жительства. Работа должна была предоставляться с учетом приобретенного опыта в армии и специальности. Бывшим военнопленным, возвратившимся в деревню, исполкомы районных и сельских Советов были обязаны оказывать всемерную помощь в устройстве на работу и обзаведении хозяйством. Возвратившиеся в районы, пострадавшие от фашистской оккупации и нуждавшиеся в постройке или ремонте

жилищ имели право получить бесплатный лесосечный фонд, необходимый для заготовки строительного леса, и, кроме того, ссуду от 5 до 10 тыс. р. на строительство и восстановление жилищ с погашением ее в сроки от 5 до 10 лет. Репатриированные инвалиды имели право на пенсионное обеспечение. Всем им, как и инвалидам Великой Отечественной войны, было предоставлено право ухода с предприятия или из учреждения, при желании переехать к месту постоянного жительства. Всем рабочим и служащим время нахождения на оккупированной территории и в плену в непрерывный стаж работы не засчитывалось, однако общий трудовой стаж не прерывался. Репатриированные многодетные матери с момента возвращения в СССР получали право на пособие и льготы по многодетности на общих основаниях.

Репатриантам было объявлено, что они сохраняются все права граждан СССР, включая избирательное право, трудовое законодательство, социальное страхование. Однако по возвращении домой репатрианты часто сталкивались с ущемлением своих прав. Причем местные органы власти нередко действовали вопреки указаниям из Москвы. Например, в Москве выезд по повестке биржи труда на работу в Германию в качестве «восточного рабочего» склонны были интерпретировать как насильственный угон, а местные власти часто трактовали это как граничащий с предательством добровольный выезд во вражескую страну и не стеснялись демонстрировать перед репатриантами свое подозрительное, презрительное и враждебное к ним отношение. От репатриантов пошел поток писем в различные инстанции с соответствующими жалобами.

4 августа 1945 года ЦК ВКП(б) принял постановление «Об организации политико-просветительной работы с репатриированными советскими гражданами», в котором указывалось: «Отдельные партийные и советские работники встали на путь огульного недоверия к репатриируемым советским гражданам. Надо помнить, что возвратившиеся советские граждане вновь обрели все права советских граждан и должны быть привлечены к активному участию в трудовой и общественно-

политической жизни»³⁰⁶. Это смягчило на местах атмосферу недоверия к репатриантам, но отнюдь ее не устранило. Высшее руководство, в отличие от местного, действовало более корректно, но тоже не питало доверия к репатриантам. В повседневной жизни они продолжали подвергаться явной или завуалированной дискриминации, в частности при выдвижении на руководящие должности, при приеме в партию и комсомол, при поступлении в высшие учебные заведения. Военнопленные не считались участниками войны, за исключением тех, кто после освобождения из плена, будучи мобилизованным в Красную Армию, на заключительном этапе войны участвовал в боевых действиях на фронте.

Недоверчивое отношение к репатриантам проистекало из факта их бесконтрольного пребывания в «иностранщине». Миллионы советских военнослужащих — участников похода 1944—1945 годов в Европу тоже побывали в «иностранщине», но к ним отношение было принципиально иное по причине того, что они воевали за пределами СССР под постоянным и бдительным контролем существовавших при войсках политических и контрразведывательных органов. В ходе репатриации командование партизанских формирований, состоявших из беглых военнопленных и восточных рабочих и действовавших во Франции, Италии, Югославии, Бельгии и других странах, обращалось с просьбами сохранить их в качестве самостоятельных войсковых единиц в Красной Армии, но эти просьбы не удовлетворялись. Основная причина отказа: эти партизанские формирования действовали вне контроля со стороны «компетентных советских органов».

В 1946—1952 годах из года в год заметно росло подозрительное отношение к репатриантам со стороны политического руководства СССР. Это являлось следствием ведшейся тогда пропаганды по искоренению «низкопоклонства перед Западом» и начавшейся «холодной войны», а с 1948 года еще и усугубилось развернутой кампанией по борьбе с космополитизмом и иностранщиной. В обществе искусственно нагнетались настроения «шпиономании». Особое недоверие вызывали репатрианты, поступившие из зон действия англо-американских войск.

В ГУЛАГе появилась новая прослойка политических заключенных под названием «падовцы» (производное от ПАД — пропаганда американской демократии). Кроме того, часть репатриантов была обвинена в шпионаже. Органы МГБ и военной контрразведки выявляли среди них лиц, действительно завербованных американскими и английскими спецслужбами, однако имели место и огульные обвинения подобного рода.

Несмотря на возрастание подозрительного отношения к репатриантам, руководство СССР все же воздержалось от крупномасштабных репрессий. Поэтому основная их масса не пострадала даже в этой неблагоприятной для них политической атмосфере. Однако в морально-психологическом плане репатрианты испытывали все больший дискомфорт; сам термин «репатрианты» приобрел в общественном сознании однозначно негативный смысл, и их все чаще стали сторониться как прокаженных.

Отдельные группы репатриантов, к которым руководство СССР испытывало особо сильное недоверие, были репрессированы (чаще всего в форме выселения с отправкой на спецпоселение). Так, в 1951 году из Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы были выселены вместе с семьями репатрианты — бывшие военнослужащие польской армии Андерса, прибывшие в СССР в 1946—1949 годах в основном из Англии. Поляков среди репатриантов-«андерсовцев» было сравнительно немного, и подавляющее их большинство составляли украинцы и белорусы. На спецпоселение в Иркутскую область в 1951 году поступило более 4,5 тыс. «андерсовцев» (включая членов их семей)³⁰⁷. Этот контингент находился на спецпоселении до августа 1958 года.

Во время войны освобожденные из вражеского плена военнослужащие в большинстве случаев после непродолжительной проверки восстанавливались на военной службе, причем рядовой и сержантский состав, как правило, — в обычных воинских частях, а офицеры обычно лишались офицерских званий и из них формировались офицерские штрафные (штрафные) батальоны. В послевоенное время, как

отмечалось в мартовском (1946 года) отчете Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, «освобожденные офицеры направлялись в лагеря НКВД и запасные части Главупраформа Красной Армии для более тщательной проверки и установления категории. После проверки ни в чем не замешанные направлялись в войска для дальнейшего прохождения службы или увольнялись в запас. Остальные направлялись по назначению НКВД («СМЕРШ»)³⁰⁸. К 1 марта 1946 года среди военнопленных репатриантов было учтено 123 464 офицера (311 полковников, 455 подполковников, 2346 майоров, 8950 капитанов, 20 864 старших лейтенанта, 51 484 лейтенанта и 39 054 младших лейтенанта)³⁰⁹.

В соответствии с указанием Главного Управления Кадров (ГУК) НКО СССР № 1969 от 20 октября 1945 года, офицеры, благополучно прошедшие проверку, направлялись в отдел кадров своего военного округа для восстановления в офицерских званиях и последующего увольнения в запас³¹⁰. Здесь речь шла в основном об офицерах, проходивших проверку в запасных воинских частях, т. е. не являвшихся спецконтингентом. 20 января 1946 года вышло распоряжение ГУК НКО СССР № 1038, касавшееся офицеров, находившихся в составе спецконтингента в ПФЛ. Согласно этому распоряжению, все бывшие офицеры Красной Армии, находившиеся в плену у противника и прошедшие в ПФЛ установленную проверку по первой категории (не служившие в немецких строевых формированиях, в армии Власова, легионах и полиции), направлялись после проверки в распоряжение начальника отдела кадров соответствующего военного округа. Оформление освобождения и передача проверенных офицеров в распоряжение военных округов производились по спискам, утвержденным начальником ПФЛ и визированным «СМЕРШ» и ОЧО (оперативно-чекистский отдел) лагеря. По прибытии этих офицеров в отдел кадров военного округа через УСУ ГУК НКО проверялась принадлежность их к офицерскому составу, после чего они увольнялись в запас приказом Военного Совета округа³¹¹.

Во вражеском плену находились 83 советских генерала, из них 15 были казнены гитлеровцами (Д. М. Карбышев, И. С. Никитин, В. Н. Сотенский, Г. И. Тхор, С. А. Шевчук, И. М. Шепетов и др.) и еще 10 умерли от ранений, болезней и по другим причинам. По репатриации прибыло в СССР 57 советских генералов. В ходе следствия отчетливо прослеживалась тенденция свалить на них вину за военные поражения в 1941—1942 годах, сделать своего рода «козлами отпущения». Тем не менее не все они были репрессированы. По итогам следствия 23 человека были приговорены к смертной казни, пятеро осуждены на сроки от 10 до 25 лет, двое умерли в тюрьме до суда и 27 репатриированных генералов продолжили службу в армии. Однако командовать войсками им уже не доверяли — их использовали, как правило, на преподавательской работе в учебных военных заведениях. Впоследствии большинство репрессированных генералов было реабилитировано. Восемь генералов (Власов, Жиленков, Малышкин и др.) остаются не-реабилитированными³¹².

Большинство офицеров-репатриантов после соответствующей проверки были либо восстановлены на военной службе, либо уволены в запас. Офицеры, служившие в немецкой армии, армии Власова и прочих изменнических формированиях, осуждались по 58-й статье за измену Родине. Статья 193 (воинские преступления) не применялась ни к ним, ни к самому генералу Власову (он был приговорен к смертной казни по совокупности политических преступлений по пунктам 1, 8, 9, 10 и 11 статьи 58-й). Надо отметить, что в ходе проверки применительно к офицерам-репатриантам, на которых не было выявлено серьезного компрометирующего материала, органы госбезопасности и контрразведки, выдерживая принцип неприменения статьи 193, в то же время старались применить к ним статью 58, предъявляя обвинения в шпионаже, антисоветских заговорах и т. п. В 1946—1952 годах была репрессирована и часть тех офицеров, которые в 1945 году были восстановлены на службе или уволены в запас. Не оставили в покое и офицеров, которым посчастливилось избежать репрессий, и вплоть до 1953 года они обязаны были регулярно являться на регистрацию в местные органы МГБ.

После войны военнопленные рядового и сержантского состава, не служившие в немецкой армии или изменнических формированиях, были разбиты на две большие группы по возрастному признаку — демобилизуемые и недемо­билизуемые возрасты. В 1945 году после увольнения из армии в запас красноармейцев тех возрастов, на которых распространялся приказ о демобилизации, вслед за ними, как уже отмечалось, были отпущены по домам и военнопленные рядового и сержантского состава соответствующих возрастов. Военнопленные рядового и сержантского состава недемо­билизуемых возрастов подлежали восстановлению на военной службе, но поскольку война закончилась и государству теперь больше требовались рабочие, а не солдаты, то в соответствии со специальным постановлением ГКО от 18 августа 1945 года «О направлении на работу в промышленность воен­нослужащих Красной Армии, освобожденных из немецкого плена, и репатриантов призывного возраста»³¹³ из них были сформированы рабочие батальоны НКО. Кроме того, из числа гражданских репатриантов в эти батальоны были зачислены мужчины недемо­билизуемых возрастов, которым по закону надлежало служить в армии (в рабочие батальоны зачислялись те, кто в 1941 году уже находился в призывном возрасте; те же, кто в 1941 году находился в допризывном возрасте, а теперь достиг его, призывались на военную службу на общих основаниях). Отправка по месту жительства зачисленных в рабочие батальоны НКО ставилась в зависимость от будущей демобилизации из армии военнослужащих срочной службы соответствующих возрастов.

Хотя рабочие батальоны предназначались только для репатриированных военнопленных и военнообязанных рядового и сержантского состава, фактически же туда было зачислено около 6 тыс. офицеров³¹⁴. В отличие от офицеров, направленных на 6-летнее спецпоселение, эти офицеры не были лишены офицерских званий, а члены их семей — государственных пособий. Это объяснялось тем, что офицеры, направленные на 6-летнее спецпоселение, однозначно считались предателями, а на офицеров, зачисленных в рабочие

батальоны НКО, такой ярлык не был навешан. Впрочем, последние в рабочих батальонах пробыли недолго. Согласно директиве Главупраформа Красной Армии № 1/737084с от 26 января 1946 года репатриированные офицеры, зачисленные в рабочие батальоны НКО и переданные в постоянные кадры промышленности, освобождались от работ и направлялись в распоряжение отделов кадров соответствующих военных округов³¹⁵. Из того, что нам известно об их дальнейшей судьбе, можно заключить, что меньшая их часть была восстановлена на военной службе, а большая часть — уволена в запас (в обоих случаях — с сохранением офицерских званий).

Обозначение «НКО» следует понимать так, что рабочие батальоны входили в систему данного наркомата только в период их формирования, а в дальнейшем направлялись на предприятия и стройки различных других наркоматов (в марте 1946 года наркоматы были переименованы в министерства) и ведомств и подчинялись последним. По данным на 6 февраля 1946 года, из 578 616 репатриантов, зачисленных в рабочие батальоны, в Наркомат угольной промышленности было передано 256 300 человек, черную металлургию — 102 706, лесную промышленность — 25 500, нефтяную — 27 800, химическую — 15 440, в различные строительные организации — 37 750, на стройки и предприятия в системе НКВД — 3500, в Наркомат электростанций — 10 тыс., Наркомат путей сообщения — 11 тыс., промышленность стройматериалов — 9070, судостроительную промышленность — 2800, резиновую — 2850, бумажную — 5450, рыбную — 8 тыс., слюдяную — 2200, цветную металлургию — 7 тыс., на заготовку дров для Москвы — 10 тыс., в систему «Главсталинградвосстановление» — 12 тыс. и в распоряжение других наркоматов и ведомств — 29 250 человек³¹⁶.

География их размещения (данные на 618 305 человек, прошедших через рабочие батальоны до 1 ноября 1946 года) выглядела так: Украинская ССР — 185 337, Московская область — 54 619, Челябинская — 44 820, Свердловская — 32 738, «Дальстрой» — 31 580, Кемеровская область — 29 047, Молотовская (Пермская) — 28 260, Ростовская — 23 128,

Сталинградская — 20 374, Тульская — 12 605, Приморский край — 11 634, Иркутская область — 10 826, Хабаровский край — 9588, Азербайджанская ССР — 9481, Ленинградская область — 9291, Башкирская АССР — 9220, Краснодарский край — 9128, Казахская ССР — 9117, Горьковская область — 6336, другие регионы — 71 176 человек³¹⁷. Таким образом, эта география была весьма широкой, и поэтому нельзя согласиться с бытующим в литературе утверждением, что рабочие батальоны НКО направлялись якобы только в «отдаленные районы страны»³¹⁸.

В 1946 году произошла довольно быстрая трансформация этой категории репатриантов из весьма неясного «арбайтбатальонного» состояния в обычных гражданских рабочих и служащих. По директиве Генерального штаба вооруженных сил СССР от 12 июля 1946 года рабочие батальоны были расформированы³¹⁹, и к этой категории репатриантов стал применяться термин «переведенные в постоянные кадры промышленности». По постановлению Совета Министров СССР от 30 сентября 1946 года «Об упорядочении использования в промышленности, на строительстве и транспорте репатриантов — бывших военнопленных и военнообязанных и распространении на них льгот, предусмотренных для демобилизованных» на них было полностью распространено действующее законодательство о труде, а также все права и льготы, которыми пользовались рабочие и служащие соответствующих предприятий истроек³²⁰. Они сохраняли статус полноправных граждан СССР, но без права покинуть определенное государством место работы (не установленное место жительства, как у спецпереселенцев, а именно *место работы*). За самовольный уход с работы им грозило заключение в ГУЛАГ на срок от 5 до 8 лет (в мае 1948 года эта мера наказания была снижена — от 2 до 4 месяцев).

В 1946—1948 годах из Красной (Советской) Армии были демобилизованы военнослужащие ряда возрастов, и, соответственно, их ровесники, ранее зачисленные в рабочие батальоны, пытались получить разрешение вернуться в места, где они жили до войны. И тут-то выяснилось, что с мечтами об осво-

бождении от работ по достижении демобилизуемого возраста следует распрощаться. Политика в отношении этих людей была совсем иная, а именно: оставить их на постоянном жительстве в тех местах, куда они прибыли в свое время в составе рабочих батальонов. Для этого их склоняли к заключению долгосрочных трудовых договоров, агитировали перевозить свои семьи к себе. Часть репатриантов — бывших «арбайтбатальонников» именно так и поступила, но большинство их такое положение никак не устраивало. Широкий размах приняли самовольные уходы (побеги) с предприятий истроек. Беглецы, число которых исчислялось многими десятками тысяч, рисковали тем, что их могли привлечь к уголовной ответственности за самовольный уход с установленного места работы, но практически риск был не так уж велик, поскольку их не объявляли во всесоюзный розыск, а местный розыск результатов обычно не давал. В распространенный способ освобождения от этих работ вылилось невозвращение из отпусков (поскольку репатриантам — бывшим «арбайтбатальонникам» было объявлено, что они обладают всеми правами советских рабочих и служащих, то, следовательно, они имели право на ежегодный отпуск). Легальным образом возвратиться на свою родину можно было в основном только прибалтам и закавказцам. По решениям Совета Министров СССР от 13 апреля 1946 года, 2 октября 1946 года и 12 июня 1947 года на свою родину были возвращены зачисленные в рабочие батальоны репатрианты всех возрастов (кроме немцев, турок-месхетинцев, курдов и некоторых других), являвшиеся жителями Литвы, Латвии, Эстонии, Грузии, Армении и Азербайджана³²¹.

Уже к началу 1948 года количество репатриантов, числившихся в постоянных кадрах промышленности, сократилось более чем в два раз. В письме заместителя председателя Госплана СССР Г. Косяченко от 9 марта 1948 года на имя К. Е. Ворошилова отмечалось: «В настоящее время, по данным министерств, работает на предприятиях и стройках из числа репатриантов в угольной промышленности западных районов около 47 тыс. человек, угольной промышленности восточных районов — 69 тыс. человек, черной металлургии —

47 тыс. человек, лесной промышленности — 12 тыс. человек и в других министерствах в небольших количествах. Госплан СССР считает, что вопрос об освобождении от работы рабочих и служащих из числа репатриированных военнопленных и военнообязанных, переданных для постоянной работы в промышленность и строительство, должен решаться в каждом отдельном случае руководителями предприятий и строек в соответствии с законодательством о труде. Поэтому принимать решение Правительства об освобождении от работы всех бывших репатриантов нет необходимости, тем более что многие из них заключили трудовые договоры на постоянную работу»³²².

В литературе прослеживается тенденция расценивать рабочие батальоны НКО как якобы форму репрессии. На самом же деле лица, зачисленные в эти батальоны, вместе с направленными к месту жительства и призванными в Красную Армию составляли одну большую *нерепрессированную* категорию репатриантов. Рабочие батальоны — одна из форм оргнабора рабочей силы, явления в 1940-х годов в СССР обычного и урядного. Через различные формы оргнабора рабочей силы в эти годы прошли многие миллионы советских людей, а не одни только репатрианты. Причем люди в массе своей совершенно справедливо воспринимали эти многочисленные мобилизации как суровую необходимость, вызванную обстоятельствами военного и послевоенного времени, а отнюдь не как наказание или репрессии. Задача же сведения части репатриантов в рабочие батальоны и отправки их в организованном порядке на предприятия и стройки состояла не в том, чтобы их якобы наказать, а в том, чтобы удовлетворить запросы промышленных наркоматов, испытывавших острейший дефицит рабочей силы. Поэтому следует признать предвзятым и не соответствующим истине фактическое приравнивание этих лиц к категории репрессированных граждан, данное в оценках двух комиссий: в 1956 году Комиссией во главе с Г. К. Жуковым, которой Президиум ЦК КПСС поручил разобратся с положением вернувшихся из плена бывших советских военнослужащих, а затем, в 1990-х годах, возглавляемой

А. Н. Яковлевым Комиссией по реабилитации жертв политических репрессий³²³.

Репрессированными можно считать тех, кто после зачисления в рабочие батальоны впоследствии был арестован. По данным на 20 января 1947 года, органами контрразведки, госбезопасности и внутренних дел был «изъят» 18 761 репатриант из числа ранее прошедших через рабочие батальоны, из них 14 284 направлены в ПФЛ и на 6-летнее спецпоселение и 4477 арестованы³²⁴. Указанное «изъятие» происходило по мере выявления в рабочих батальонах замаскировавшихся власовцев и им подобных.

Мы не можем согласиться и с утверждением, что репатрианты, зачисленные в рабочие батальоны и переданные потом в постоянные кадры промышленности, являются якобы «жертвами принудительного труда». Здесь игнорируется тот факт, что они являлись лицами призывных возрастов и нахождение в рабочих батальонах было одной из разновидностей службы. Определение «жертвы принудительного труда» было бы применимо к упомянутым выше военнопленным 13 старших демобилизуемых возрастов в том случае, если бы их не отпустили домой, а зачислили бы в рабочие батальоны. Но этого не произошло.

В 1945—1946 годах руководители предприятий часто отличали репатриантов в общей массе «постоянных кадров» только для того, чтобы платить им пониженную зарплату, не спешить с предоставлением им нормального жилья и т. д. Но к началу 1947 года такое дискриминационное отношение директоров предприятий к своим «постоянным кадрам» из числа репатриантов, главным образом усилиями ведомства Ф. И. Голикова, удалось в основном преодолеть.

Обе указанные комиссии — Г. К. Жукова и А. Н. Яковлева — чрезвычайно исказили и запутали вопрос о численности и составе репатриантов в рабочих батальонах НКО. В действительности до начала 1947 года, т. е. до того момента, когда рабочие батальоны были расформированы и прекратили свое существование, через них прошли около 660 тыс. репатриантов, в том числе примерно 370 тыс. военнопленных

и 290 тыс. гражданских лиц (военнообязанных). Однако Комиссия Г. К. Жукова представила дело так, что эти 660 тыс. человек якобы были только бывшими военнопленными, а в такой интерпретации это не просто искажение. Это — фальсификация! Много лет спустя Комиссия А. Н. Яковлева пошла по пути дальнейшего фальсифицирования. Уцепившись за то, что в данных Комиссии Г. К. Жукова говорится только о зачисленных в рабочие батальоны НКО бывших военнопленных, а «число военнообязанных из гражданских репатриантов не указывалось» (на самом деле, как уже отмечено, последние входили в приведенные выше 660 тыс. человек), Комиссия А. Н. Яковлева пустилась в умозрительные подсчеты и, продемонстрировав вопиющую некомпетентность в этом вопросе, совершенно бездоказательно сделала вывод, что всего за 1945—1953 годы через рабочие батальоны «прошло не менее 1,5 млн советских репатриантов, бывших военнопленных и военнообязанных»³²⁵. Эти «статистические открытия» поражают своей нелепостью и абсурдностью: спрашивается, откуда в 1947—1953 годах могли взять для зачисления в рабочие батальоны еще 840 тыс. новых репатриантов (вдобавок к 660 тыс., зачисленным в 1945—1946 годах), если в этот период (1947—1953) в СССР было репатриировано лишь около 60 тыс. советских граждан, из них большинство направлено к месту жительства? И каким образом в 1947—1953 годах людей можно было зачислять в рабочие батальоны, если они к началу 1947 года были ликвидированы и, следовательно, в этот период не существовали?

Советские немцы, возвращенные после войны в СССР в порядке насильственной репатриации, разделили участь своих соплеменников, выселенных в 1941—1942 годы из бывшей Республики немцев Поволжья и других регионов. Они были направлены в отдаленные районы СССР на спецпоселение. В контингент репатриированных немцев были включены и немцы, выселенные в 1945—1948 годах из западных регионов СССР. По данным на 1 января 1953 года, на учете спецпоселений состояло 208 388 репатриированных немцев (в это число входили и не побывавшие за границей члены семей

репатриированных), из них 42 850 — в Казахстане, 18 023 — Таджикистане, 17 831 — Молотовской (Пермской) области, 13 841 — Алтайском крае, 13 262 — Новосибирской области, 12 076 — Свердловской, 10 976 — Архангельской, 10 131 — Коми АССР, 9462 — Вологодской области, 7580 — Удмуртской АССР, 6342 — Костромской области, 5735 — Кировской, 4888 — Кемеровской, 4418 — Иркутской, 4264 — Челябинской, 3200 — Красноярском крае и 23 509 — в других регионах³²⁶. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года они были освобождены из спецпоселения. Однако с них были взяты расписки о том, что они не имеют права возвращаться в прежние места жительства.

Проживавшие на подвергавшейся немецкой оккупации территории Ленинградской области ингерманландцы в течение короткого срока (1943—1945 года) дважды подвергались депортации: сначала немцами, потом советским руководством. В 1943—1944 годах по приказу немецко-фашистского командования происходила тотальная «эвакуация» населения Ленинградской области. Ингерманландцы вынуждены были покинуть свои селения и оказались в Эстонии, где были поставлены перед выбором: эвакуация либо в Германию, либо в Финляндию. Они предпочли Финляндию. После подписания 19 сентября 1944 года Соглашения о перемирии между СССР, Великобританией и Финляндией началась массовая репатриация этих лиц в СССР. По постановлению ГКО от 19 ноября 1944 года они направлялись на постоянное жительство в Ярославскую, Калининскую, Новгородскую, Псковскую и Великолукскую области³²⁷. Спецпереселенческий статус на них не был распространен. Репатриированные ингерманландцы фактически превратились в административно высланных, без права возвращения на свою историческую родину.

В мартовском (1946 года) отчете Управления репатриации было указано число репатриированных ингерманландцев — 43 246 человек. Во всех других документах указанного ведомства отмечалось, что к этому времени из Финляндии вернулось 55 942 ингерманландца, из них 19 336 расселено в Ярославской области, 14 169 — Калининской, 10 513 — Нов-

городской, 6335 — Псковской и 5589 — в Великолукской области³²⁸. Расхождение в документах ведомства Ф. И. Голикова в определении численности репатриированных ингерманландцев (43 246 и 55 942) объясняется тем, что в первом случае учитывались только этнические ингерманландцы, а во втором — вместе с представителями других национальностей, репатриированными из Финляндии и направленными с ингерманландцами на поселение в указанные области.

К концу 1940-х годов стало ясно, что затея по насильственному расселению репатриированных из Финляндии ингерманландцев в Ярославской, Калининской, Новгородской, Псковской и Великолукской областях провалилась. В течение 1945—1948 годов подавляющее их большинство самовольно покинуло установленные места жительства. Поскольку они не имели спецпереселенческого статуса, то местные органы МВД не могли объявлять их в розыск. Однако возвратиться в Ленинградскую область ингерманландцы не могли: за этим строго следили. Поэтому они по большей части расселились в соседних с этой областью районах Эстонской и Карело-Финской ССР, в родственной им этнокультурной среде. Следует признать, что все эти действия по «очищению» территории Ленинградской области от ее коренных жителей — ингерманландцев по современному международному праву квалифицируются как этническая чистка и входят в разряд гуманитарных преступлений.

Указанным постановлением ГКО от 18 августа 1945 года был узаконен перевод на спецпоселение сроком на 6 лет лиц, служивших в армиях противника, изменнических формированиях, полиции и т. п. Это касалось основной массы спецконтингента, содержавшегося в ПФЛ и ИТЛ. Такое решение было для этих людей подлинным спасением, так как согласно статье 193 тогдашнего Уголовного Кодекса РСФСР за переход военнослужащих на сторону врага в военное время предусматривалось только одно наказание — смертная казнь с конфискацией имущества. Статья 193 к ним не применялась, и этот коллаборационистский контингент направлялся на 6-летнее спецпоселение без привлечения к уголовной ответственности.

сти. Под постановлением ГКО от 18 августа 1945 года стоит подпись И. В. Сталина³²⁹. Следовательно, это было его личное обдуманное решение именно так распорядиться судьбой рядовой «власовской» массы.

По состоянию на 1 января 1946 года в ПФЛ и ИТЛ насчитывалось 228 018 человек спецконтингента, из них в ПФЛ — 125 812 и ИТЛ — 102 206. В ПФЛстроек НКВД находилось 45 162 человека (Медвежегорский № 313 — 9 195, Минеевский № 318 — 1 556, Московский № 319 — 3 055, Коломенский № 322 — 7 102, Киевский № 327 — 1 716, Тарусский № 328 — 366, Перовский № 329 — 2 593, Кутаисский № 331 — 7 553, Ливадийский № 332 — 543, ГУАС НКВД Грозненской обл. — 915, Сталинградское лаготделение № 2 — 298, Ленинадский № 333 — 7 200, Омутнинское лаготделение — 510, Главпромстрой № 334 — 2 560 человек). В смешанных ПФЛ находилось 10 354 человека (Таллинский № 316 — 2 411 и Подольский № 174 — 7 943 человека). В ПФЛ угольной промышленности содержалось 61 907 человек (Шахтинский № 048 — 555, Петровский № 240 — 9 466, Угольный № 283 — 8 316, Березниковский № 302 — 16 191, Тульский № 308 — 5 234, Ворошиловградский № 310 — 1 447, Кемеровский № 314 — 4 040, Прокопьевский № 315 — 16 658 человек). В других ПФЛ находилось 8 389 человек (Калининский № 140 — 1 801, Харьковский № 258 — 1 996, Северо-Уральский № 305 — 773, Дубровский № 317 — 1 820, Орехово-Зуевский № 325 — 1 999 человек). Остальной спецконтингент содержался в ИТЛ ГУЛАГа, в том числе в Печорлаге — 8 406, Воркутлаге — 13 320, на строительстве № 500 — 15 000, в Норильлаге — 10 399, Ягринлаге — 389, Дальстрое — 34 680, Соликамстрое — 918, Ухтинлаге — 5 716, БАМе — 1 000, Усольлаге — 9 320 и Устьвымлаге — 3 058 человек³³⁰.

В 1946—1947 годах численность спецконтингента, проходившего проверку в ПФЛ и ИТЛ, быстро сокращалась (главным образом в связи с массовым переводом этих людей на 6-летнее спецпоселение). К 1 января 1948 года количество проверяемого в ПФЛ и ИТЛ спецконтингента уменьшилось до 2923 человек³³¹.

Коллаборационистский контингент, направлявшийся на 6-летнее спецпоселение, по учету Отдела спецпоселений МВД СССР и 9-го управления МГБ СССР условно и коротко назывался — «власовцы». Динамика их направления на поселение выглядела следующим образом: 1945 год — 4985, 1946 — 132 479, 1947 — 30 751, 1948 — 4575, 1949 — 3705, 1950 — 2078, январь—июнь 1951 года — 316 человек, и всего с 1945 года по 1 июля 1951 года получается 177 573 человека³³². Уже на спецпоселении выяснилось, что в этот контингент были включены тысячи людей, которые, строго говоря, не находились на военной или полицейской службе у противника, а именно: лица, работавшие в немецких воинских частях конюхами, истопниками, плотниками и т. п., рядовые участники созданных немцами различных трудовых формирований и др. Причем в директиве МВД СССР № 97 от 20 апреля 1946 года «О порядке оформления материалов и направления для расселения на положении спецпереселенцев лиц, служивших в немецкой армии, “власовцев”, легионеров и полицейских» прямо запрещалось направлять этих людей на 6-летнее спецпоселение, и они подлежали освобождению³³³. До 1 июля 1948 года из спецпоселения были освобождены 8943 человека как ошибочно причисленные к власовцам и лицам, служившим в немецких строевых формированиях³³⁴.

В составе спецпоселенцев «власовцев» имелаась и прослойка офицеров. По нашим оценкам, их было примерно 7—8 тыс., что составляло около 7% офицеров, выявленных среди репатриированных военнопленных. Встает вопрос: если офицеры «власовцы» осуждались по 58-й статье как изменники Родине и отбывали наказание в лагерях и тюрьмах, то как могла образоваться офицерская прослойка в составе лиц, определенных на 6-летнее спецпоселение? Здесь имела место одна тонкость, связанная с разными критериями вынесения решения о предании суду или же о направлении на 6-летнее спецпоселение солдат и офицеров. В специальной инструкции, имевшейся у начальников ПФЛ и других проверочных органов, относительно солдат, подпадавших для перевода на 6-летнее спецпоселение, было записано следующее: «Лица,

служившие в немецкой армии, в специальных немецких строевых формированиях (исключая трудовые), «власовцы», полицейские и легионеры»³³⁵. Относительно же офицеров, которых можно было не отдавать под суд по 58-й статье, а ограничиться переводом на 6-летнее спецпоселение, в той же инструкции было сказано: «Служившие в немецких строевых формированиях»³³⁶. Причем оговорка «исключая трудовые» была снята. Считалось, что эти офицеры добровольно работали в трудовых формированиях за дополнительное питание, сигареты и т. п. (у немцев действительно имел место принцип добровольности участия пленных офицеров на работах, который, правда, соблюдался не всегда), чего нельзя было инкриминировать солдатам, которых, не спрашивая их, немцы в принудительном порядке под конвоем гоняли на всякие работы. По специальному постановлению СНК СССР № 2678-735с от 22 октября 1945 года эти офицеры были лишены офицерских званий³³⁷, а по приказу НКО СССР № 1046 от 5 февраля 1946 года направлялись на 6-летнее спецпоселение в Коми АССР³³⁸.

На спецпоселении численность контингента «власовцы» постоянно снижалась. Часть их уже на спецпоселении была арестована и переведена в лагеря, колонии и тюрьмы. Весьма высоким у них был уровень смертности: за 1946—1952 года умерло почти 9 тыс. человек³³⁹. Тысячи людей были освобождены или бежали. 1 января 1949 года на учете спецпоселений состояли 135 319 «власовцев», из них в системе «Дальстрой» (Магадан) — 28 366, в Кемеровской обл. — 19 693, Молотовской — 15 355, Коми АССР — 8219, Иркутской обл. — 8064, Красноярском крае — 6233, Карело-Финской ССР — 5925, Таджикской ССР — 5772, Якутской АССР — 4048, Приморском крае — 3676, Амурской обл. — 3185, Киргизской ССР — 2974, Хабаровском крае — 2692, Читинской обл. — 2369, Башкирской АССР — 2263, Бурят-Монгольской АССР — 2142, Мурманской обл. — 1793 и в других регионах — 12 550 человек³⁴⁰.

В марте 1949 года национальный состав 112 882 находившихся в наличии спецпоселенцев «власовцев» (без арестованных и бежавших) выглядел так: русские — 54 256, украинцы — 20 899, белорусы — 5432, грузины — 3705, армяне —

3678, узбеки — 3457, азербайджанцы — 2932, казахи — 2903, немцы — 2836, татары — 2470, чуваша — 807, кабардинцы — 640, молдаване — 637, мордва — 635, осетины — 595, таджики — 545, киргизы — 466, башкиры — 449, туркмены — 389, поляки — 381, калмыки — 335, адыгейцы — 201, черкесы — 192, лезгины — 177, евреи — 171, караимы — 170, удмурты — 157, латыши — 150, марийцы — 137, каракалпаки — 123, аварцы — 109, кумыки — 103, греки — 102, болгары — 99, эстонцы — 87, румыны — 62, ногайцы — 59, абхазцы — 58, коми — 49, даргинцы — 48, финны — 46, литовцы — 41 и другие — 2095 человек³⁴¹.

В приведенном национальном составе бросается в глаза одна странность — крайне незначительное количество латышей, эстонцев и литовцев (менее 300 человек), а их, по идее, должны были бы быть десятки тысяч. Но ничего странного в этом нет, так как с прибалтами случилась особая история. По постановлению Совмина СССР от 13 апреля 1946 года «О возвращении на родину репатриантов — латышей, эстонцев и литовцев» лица этих национальностей — постоянные жители прибалтийских республик, служившие по мобилизации в немецкой армии, легионах и полиции в качестве рядовых и младшего командного состава, освобождались от перевода на 6-летнее спецпоселение и из ПФЛ и ИТЛ подлежали направлению в Прибалтику³⁴². По состоянию на 10 мая 1946 года, в составе спецконтингента, содержавшегося в ПФЛ и ИТЛ, насчитывалось 38 512 прибалтов (в ПФЛ — 20 106, в ИТЛ — 18 406), из них 29 705 латышей, 4815 литовцев и 3992 эстонец. Лиц непризывных возрастов, подлежавших направлению к месту жительства их семей, было 24 659, а лиц призывных возрастов, подлежавших направлению на стройки и в промышленность прибалтийских республик, — 13 853³⁴³. В общей сложности к 20 января 1947 года в Прибалтику из ПФЛ, ИТЛ, спецпоселения и рабочих батальонов было возвращено 40 416 латышей, литовцев и эстонцев³⁴⁴.

К концу 1952 года большинство спецпоселенцев «власовцев» было снято с учета спецпоселений по истечении 6-летнего срока. С них брались расписки о том, что им нельзя

проживать в Москве, Ленинграде, Киеве, запретных зонах пограничной полосы и других режимных местностях, а также в Литовской, Латвийской, Эстонской, Молдавской ССР, западных областях Украинской и Белорусской ССР³⁴⁵. Лица немецкой, калмыцкой, чеченской, ингушской, балкарской, карачаевской, греческой и крымско-татарской национальностей, выявленные среди «власовцев», были переведены на спецпоселение навечно (в 1954 году это решение было отменено). Часть «власовцев» русской, украинской и других национальностей, занятых на незавершенных строительных объектах, была временно оставлена на учете спецпоселений. В течение 1953—1955 годов они освобождались из спецпоселения по мере завершения того или иного строительства. Окончательно этот контингент спецпоселенцев перестал существовать осенью 1955 года, когда еще остававшиеся на спецпоселении «власовцы» были освобождены по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 205.

² Спецпереселенцы — жертвы «сплошной коллективизации»: Из документов «особой папки» Политбюро ЦК ВКП(б). 1930–1932 гг. / Сост. Г. М. Адиебеков // Исторический архив. 1994. № 4. С. 149.

³ Зеленин И. Е. Рецензия на сборники документов «Спецпереселенцы в Западной Сибири» // Отечественная история. 1996. № 5. С. 197; Кра-
сильников С. А. Серп и Молох. С. 23–24.

⁴ Данилов В. П. Необычный эпизод во взаимоотношениях ОГПУ и Политбюро (1931 г.) // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 127.

⁵ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1989. Т. 1. С. 34.

⁶ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 209–216.

⁷ Там же. Д. 22. Л. 42.

⁸ Там же. Л. 43.

⁹ Там же. Д. 19. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 1.

¹¹ Там же. Д. 3. Л. 14.

¹² Там же. Д. 19. Л. 8.

¹³ Там же. Л. 7.

¹⁴ Там же. Д. 89. Л. 207.

¹⁵ Там же. Д. 7. Л. 9.

¹⁶ Шашков В. Я. Спецпереселенцы на Мурмане. С. 124.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 22. Л. 43.

¹⁸ Там же. Д. 1. Л. 1.

¹⁹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. Новосибирск, 1992. С. 89–90.

²⁰ Неизвестная Россия. XX век. Кн. 1 и 2. М., 1992.

²¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Коллекция.

²² Там же.

²³ Население Кольского Севера. Мурманск, 1968. С. 22; Шашков В. Я. Спецпереселенцы на Мурмане. С. 35.

- ²⁴ ЦА ФСБ России. Ф.2. Оп. 8. Д. 653. Л. 379.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 207.
- ²⁶ ЦА ФСБ России. Ф.2. Оп. 8. Д. 653. Л. 332.
- ²⁷ Там же. Д. 655. Л. 835–836.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 30. Л. 11.
- ²⁹ *Дугин А. Н.* Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты. М., 1999. С. 77.
- ³⁰ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 30. Л. 18.
- ³¹ *Славко Т. И.* Кулацкая ссылка на Урале. С. 126; ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. Франкфурт-на-Майне; М., 1999. С. 150–151.
- ³² ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 69. Л. 204.
- ³³ Там же. Д. 16. Л. 15.
- ³⁴ Там же. Д. 9. Л. 47.
- ³⁵ ЦА ФСБ России. Ф.2. Оп. 8. Д. 653. Л. 379.
- ³⁶ *Гущин Н.Я., Ильиных В. А.* Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е — середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987. С. 272.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 56. Л. 63.
- ³⁹ Там же. Д. 9. Л. 1.
- ⁴⁰ Там же. Д. 48. Л. 3–5, 16а.
- ⁴¹ Там же. Л. 16, 17, 19, 22, 24.
- ⁴² Там же. Л. 21.
- ⁴³ Там же. Д. 43. Л. 5.
- ⁴⁴ Там же. Д. 48. Л. 22.
- ⁴⁵ Там же. Д. 54. Л. 10.
- ⁴⁶ Там же. Д. 48. Л. 12.
- ⁴⁷ Там же. Д. 54. Л. 9–10.
- ⁴⁸ Там же. Л. 8–9.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 3103. Л. 27.
- ⁵⁰ Там же. Л. 6–7.
- ⁵¹ *Шашков В. Я.* Спецпереселенцы на Мурмане. С. 60.
- ⁵² *Голубев А. А.* Указ. статья. С. 28.
- ⁵³ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 26. Л. 24.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 5446. Оп. 29. Д. 1178. Л. 4.
- ⁵⁵ Там же. Л. 5.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 6. Л. 18; Д. 21. Л. 22.
- ⁵⁷ Там же. Д. 21. Л. 22.

- ⁵⁸ Там же. Д. 16. Л. 14.
- ⁵⁹ Там же. Д. 27. Л. 64.
- ⁶⁰ Там же. Д. 48. Л. 23.
- ⁶¹ Там же. Л. 1, 9–13; Д. 10. Л. 2.
- ⁶² Там же. Д. 41. Л. 7.
- ⁶³ Там же. Д. 9. Л. 17–18.
- ⁶⁴ Там же. Д. 11. Л. 39.
- ⁶⁵ Там же. Д. 39. Л. 4.
- ⁶⁶ Там же. Д. 48. Л. 16.
- ⁶⁷ Там же. Д. 33. Л. 10.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же. Д. 56. Л. 2.
- ⁷⁰ Там же. Д. 89. Л. 211.
- ⁷¹ Там же. Д. 54. Л. 10.
- ⁷² Там же. Д. 89. Л. 208–210, 212–213.
- ⁷³ Там же. Д. 11. Л. 79.
- ⁷⁴ *Шашков В. Я.* Спецпереселенцы на Мурмане. С. 58–59.
- ⁷⁵ Там же. С. 60.
- ⁷⁶ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 30. Л. 17.
- ⁷⁷ Там же. Д. 26. Л. 28.
- ⁷⁸ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1945. Л. 74.
- ⁷⁹ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 48. Л. 12–13.
- ⁸⁰ Там же. Д. 25. Л. 19.
- ⁸¹ *Сидоров В. А.* Указ. статья. С. 64.
- ⁸² ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 33. Л. 10.
- ⁸³ Там же. Д. 89. Л. 216.
- ⁸⁴ СЗ СССР. 1933. № 21. Ст. 117.
- ⁸⁵ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.
- ⁸⁶ СЗ СССР. 1934. № 33. Ст. 257.
- ⁸⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 29. Л. 12–15.
- ⁸⁸ Там же. Л. 12.
- ⁸⁹ Там же. Л. 10.
- ⁹⁰ СЗ СССР. 1935. № 7. Ст. 57.
- ⁹¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 949. Л. 77.
- ⁹² Там же. Д. 89. Л. 209–210.
- ⁹³ Там же. Д. 41. Л. 8.
- ⁹⁴ Там же. Ф. 5446. Оп. 20а. Д. 931. Л. 2.

⁹⁵ Там же. Л. 1.

⁹⁶ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 52. Л. 3.

⁹⁷ Там же. Д. 48. Л. 15; Д. 54. Л. 7.

⁹⁸ Там же. Д. 22. Л. 43.

⁹⁹ Там же. Д. 30. Л. 4.

¹⁰⁰ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. Новосибирск, 1994. С. 79.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 19. Л. 7.

¹⁰² *Martin T.* The Origin of Soviet Ethnic Cleansing // *The Journal of Modern History*. December 1998. Vol. 70. № 4. P. 837–840; *Полян П. М.* Не по своей воле...: История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 86.

¹⁰³ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 30. Л. 13.

¹⁰⁴ *Дугин А. Н.* Неизвестный ГУЛАГ. С. 76.

¹⁰⁵ Там же. С. 98.

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 725. Л. 67.

¹⁰⁷ Восстание в Парбигской комендатуре. Лето 1931 г. / Сост.: С. А. Красильников и О. М. Мамкин // Исторический архив. 1994. № 3. С. 128–138; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945. Новосибирск, 1996. С. 299; *Ивницкий Н. А.* Репрессивная политика советской власти в деревне. 1928–1933. М., 2000. С. 221.

¹⁰⁸ *Ивницкий Н. А.* Судьбы раскулаченных в СССР. С. 285.

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 48. Л. 10.

¹¹⁰ Там же. Д. 89. Л. 208–210, 212–213.

¹¹¹ Там же. Д. 26. Л. 9.

¹¹² Там же. Д. 89. Л. 208–210, 212–213.

¹¹³ Там же. Д. 43. Л. 6.

¹¹⁴ Там же. Д. 54. Л. 10.

¹¹⁵ Там же. Ф. 5446. Оп. 23а. Д. 288. Л. 1.

¹¹⁶ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 213–214.

¹¹⁷ Там же. Ф. 5446. Оп. 23а. Д. 288. Л. 6.

¹¹⁸ Там же. Л. 7.

¹¹⁹ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 216.

¹²⁰ Там же. Д. 113. Л. 6.

¹²¹ Там же. Д. 54. Л. 23.

¹²² *Красильников С. А.* Серп и Молот. С. 258.

¹²³ Земсков В. Н. Численность и состав спецпоселенцев по состоянию на 1 января 1953 г. // Аргументы и факты. 1989. № 39; Земсков В. Н. «Архипелаг ГУЛАГ»: глазами писателя и статистика // Аргументы и факты. 1989. № 45; Земсков В. Н. К вопросу о репатриации советских граждан. 1944–1951 годы // История СССР. 1990. № 4; Земсков В. Н. Об учете спецконтингента НКВД во всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // Социологические исследования. 1991. № 2; Земсков В. Н. ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6 и 7; и др.

¹²⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 2. Д. 450.

¹²⁵ Некрасов В. Ф. Десять «железных» наркомов // Комсомольская правда. 1989. 29 сент.; Дугин А. Н. ГУЛАГ: открывая архивы // На боевом посту. 1989. 27 дек.; Земсков В. Н., Нохотович Д. Н. Статистика осужденных за контрреволюционные преступления в 1921–1953 гг. // Аргументы и факты. 1990. № 5; Дугин А. Н. ГУЛАГ: глазами историка // Союз. 1990. № 9; Дугин А. Н. Говорят архивы: Неизвестные страницы ГУЛАГа // Социально-политические науки. 1990. № 7; Земсков В. Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные: статистико-географический аспект // История СССР. 1991. № 5; Попов В. П. Государственный террор в советской России. 1923–1953 гг.: источники и их интерпретация // Отечественные архивы. 1992. № 2; и др.

¹²⁶ Антонов-Овсеенко А. В. Противостояние // Литературная газета. 1991. 3 апр. С. 3.

¹²⁷ Разгон Л. Э. Ложь под видом статистики: Об одной публикации в журнале «Социологические исследования» // Столица. 1992. № 8. С. 13–14.

¹²⁸ История СССР. 1991. № 5. С. 151–152; Социологические исследования. 1992. № 6. С. 155–156.

¹²⁹ Antonov-Ovseenko A. The Time of Stalin: Portrait of a Tyranny. New York. 1980. P. 212.

¹³⁰ Разгон Л. Э. Ложь под видом статистики: Об одной публикации в журнале «Социологические исследования» // Столица. 1992. № 8. С. 14.

¹³¹ ГАРФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 6. Л. 7–8; Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1154. Л. 2–4; Д. 1155. Л. 2, 20–22.

¹³² ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 330. Л. 55; Д. 1155. Л. 1–3; Д. 1190. Л. 1–34; Д. 1390. Л. 1–21; Д. 1398. Л. 1; Д. 1426. Л. 39; Д. 1427. Л. 132–133, 140–141, 177–178.

¹³³ Антонов-Овсенко А. В. Противостояние // Литературная газета. 1991. 3 апр. С. 3.

¹³⁴ Антонов-Овсенко А. В. Черные адвокаты // Возрождение надежды. М., 1999. № 8. С. 3.

¹³⁵ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 82.

¹³⁶ Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2001. Т. 2. С. 183.

¹³⁷ Медведев Р. А. Наш иск Сталину // Московские новости. 1988. 27 ноября.

¹³⁸ Davies R., Wheatcroft S. Steven Rosefielde's "Kliukva" // Slavic Review, 39 (December 1980); Wheatcroft S. On Assessing the Size of Forced Concentration Camp Labour in the Soviet Union. 1929–1956 // Soviet Studies, 35, no. 2 (1983); Getty A. Origins of the Great Rurges: The Soviet Communist Party Reconsidered. 1933–1938. New York, 1985; Pittersporn G. Stalinist Simplifications and Soviet Complications: Social Tensions and Political Conflicts in the USSR. 1933–1953. Philadelphia, 1991; и др.

¹³⁹ Правда. 1990. 14 февр.

¹⁴⁰ Вечерняя Москва. 1990. 14 апр.

¹⁴¹ Размышления по поводу двух гражданских войн: Интервью А. И. Солженицына испанскому телевидению в 1976 г. // Комсомольская правда. 1991. 4 июня.

¹⁴² Соколов А. К. Курс советской истории. 1917–1940. М., 1999. С. 190.

¹⁴³ Шатуновская О. Г. Фальсификация // Аргументы и факты. 1990. № 22.

¹⁴⁴ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 2–3; Д. 1190. Л. 1–34; Д. 1390. Л. 1–21; Д. 2740. Л. 1, 5, 8, 14, 26, 38, 42, 48, 52, 58, 60, 70, 96–110; Д. 2891. Л. 1, 6, 11, 16, 18; Ф. 9413. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–2; Возрождение надежды. М., 1999. № 8. С. 3; Дугин А. Н. Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты. М., 1999. С. 22, 35, 41, 43, 45, 49; Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2000. Т. 1. С. 319–320; То же. М., 2001. Т. 2. С. 195.

¹⁴⁵ Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2001. Т. 2. С. 195.

¹⁴⁶ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2887. Л. 64.

¹⁴⁷ Там же. Д. 1155. Л. 2.

¹⁴⁸ См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник / Сост. М. Б. Смирнов. М., 1998. С. 60–62.

- ¹⁴⁹ Земсков В. Н. ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 13.
- ¹⁵⁰ Колеров М. А. «Архивная революция» и «оппортунисты» от истории: К вопросу о достоверности статистики сталинских репрессий // Родина. 2011. №11. С.130.
- ¹⁵¹ Там же.
- ¹⁵² Руднев В. НКВД — расстреливал, МБРФ — реабилитирует // Известия. 1992. 3 авг.
- ¹⁵³ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 202.
- ¹⁵⁴ Бирюков А. М. Колымские истории: очерки. Новосибирск, 2004. С. 250-251, 268.
- ¹⁵⁵ Лунеев В. В. Преступность XX века. М., 1997. С. 180.
- ¹⁵⁶ Доклад И. В. Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б). 3 марта 1937 г. //Лубянка: Сталин и главное управление госбезопасности НКВД. М., 2004. С.98-100.
- ¹⁵⁷ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 1. Л. 62, 223–226.
- ¹⁵⁸ Медведев Р. А. Наш иск Сталину // Московские новости. 1988. 27 ноября.
- ¹⁵⁹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 205, 216.
- ¹⁶⁰ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2005. С. 34–35.
- ¹⁶¹ Черчилль У. Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1955. Т. 4. С. 493.
- ¹⁶² Данилов В. П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. и «демографическая катастрофа» 30-40-х годов в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 116–121; Конквест Р. Жатва скорби // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 86; Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2000. Т. 1. С. 270–271.
- ¹⁶³ Данилов В. П. Коллективизация: как это было // Страницы истории советского общества: факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 250.
- ¹⁶⁴ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 179. Л. 241–242.
- ¹⁶⁵ Там же. Д. 436. Л. 14, 26, 65–67.
- ¹⁶⁶ Поляков Ю. А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 98, 118.
- ¹⁶⁷ Лунеев В. В. Преступность XX века. М., 1997. С. 180; Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 314.

- ¹⁶⁸ Черная книга коммунизма: Преступления. Террор. Репрессии / Пер. с франц. М., 1999. С. 37.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 36.
- ¹⁷⁰ *Fitzpatrick S.* Review «Life and Terror in Stalin's Russia» by Thurston // *American Historical Review.* 1997. Vol.102. Is.4. P.1193.
- ¹⁷¹ Народонаселение стран мира / Под ред. Б. Ц. Урланиса. М., 1974. С.23.
- ¹⁷² Население России в XX веке. Т.1. С.339.
- ¹⁷³ Там же. С.339-340.
- ¹⁷⁴ Там же. С.340.
- ¹⁷⁵ Патриотизм трудящихся Иркутской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Сб. документов и материалов. Иркутск, 1965. С. 14.
- ¹⁷⁶ *Seaton A.* The Russ-German War. 1941-1945. L., 1971. P. 54.
- ¹⁷⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 189-191.
- ¹⁷⁸ Там же. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2510. Л. 318.
- ¹⁷⁹ Там же. Ф. 5446. Оп. 48а. Д. 2544. Л. 3.
- ¹⁸⁰ *Анисков В. Т.* Крестьянство против фашизма. 1941–1945: История и психология подвига. М., 2003. С. 36-37.
- ¹⁸¹ История советского крестьянства. М., 1987. Т. 3. С. 174-175. (Далее — ИСК. Т. 3).
- ¹⁸² Ист. архив, 1962, № 6. С. 26.
- ¹⁸³ ИСК. Т. 3. С. 180.
- ¹⁸⁴ Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. М., 1948. С. 310-311.
- ¹⁸⁵ ИСК. Т. 3. С. 181.
- ¹⁸⁶ *Вылцан М. А.* Крестьянство России в годы Большой войны. 1941-1945: Пиррова победа. М., 1995. С. 17.
- ¹⁸⁷ *Вылцан М. А., Кондрашин В. В.* Патриотизм крестьянства // Война и общество. 1941–1945. М., 2004. Кн. 2. С. 56.
- ¹⁸⁸ Советская Сибирь, 1942. 28 марта.
- ¹⁸⁹ ИСК. Т. 3. С. 181-182.
- ¹⁹⁰ Урал — фронту. М., 1985. С. 130.
- ¹⁹¹ *Буянов И. А.* Тебе, жизнь. М., 1965. С. 130.
- ¹⁹² *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 44-45; Советская экономика в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М., 1970. С. 263.

- ¹⁹³ Калинин М. И. О весеннее-полевых работах. Ярославль. 1942. С. 7.
- ¹⁹⁴ ИСК. Т. 3. С. 189.
- ¹⁹⁵ Известия, 1941. 6 авг.
- ¹⁹⁶ Синицын А. М. Всенародная помощь фронту. М., 1979. С. 142.
- ¹⁹⁷ ИСК. Т. 3. С. 251.
- ¹⁹⁸ Калинин М. И. О коммунистическом воспитании. М., 1947. С. 235.
- ¹⁹⁹ Овсянкин Е. И. В годы суровых испытаний. Архангельск, 1965. С. 80.
- ²⁰⁰ Ист. архив, 1962, № 6. С. 52-53.
- ²⁰¹ Там же. С. 67; ИСК. Т. 3. С. 195.
- ²⁰² Арутюнян Ю. В. Указ. соч. С. 307-308, 422-431.
- ²⁰³ ИСК. Т. 3. С. 209.
- ²⁰⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. М., 1961. Т. 2. С. 167, 516.
- ²⁰⁵ ИСК. Т. 3. С. 212.
- ²⁰⁶ Кузница Победы: Подвиг тыла в годы Великой Отечественной войны. Очерки и воспоминания. М., 1974. С. 371.
- ²⁰⁷ Всероссийская Книга Памяти. 1941–1945: Обзорный том. М., 1995. С. 301.
- ²⁰⁸ Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 97.
- ²⁰⁹ Численность скота в СССР. М., 1957. С. 6-7.
- ²¹⁰ Арутюнян Ю. В. Указ. соч. С. 194, 442-443.
- ²¹¹ Страна Советов за 50 лет. М., 1967. С. 122, 130, 149; История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941-1945. М., 1965. Т. 6. С. 67, 69.
- ²¹² ИСК. Т. 3. С. 221.
- ²¹³ История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5. С. 387.
- ²¹⁴ ИСК. Т. 3. С. 241.
- ²¹⁵ Арутюнян Ю. В. Указ. соч. С. 210.
- ²¹⁶ ИСК. Т. 3. С. 241.
- ²¹⁷ Там же. С. 223.
- ²¹⁸ Там же. С. 222.
- ²¹⁹ Там же. С. 222; Коммунист, 1967, № 11. С. 99.
- ²²⁰ Народное хозяйство СССР за 60 лет: Юбилейный стат. ежегодник. М., 1977. С. 12, 14.
- ²²¹ Страна Советов за 50 лет. М., 1967. С. 122, 128, 130-131.

²²² ИСК. Т. 3. С. 224.

²²³ Вылцан М. А. Указ. соч. С. 24.

²²⁴ Советское крестьянство: Краткий очерк истории. М., 1973. С. 384.

²²⁵ Вознесенский Н. А. Указ. соч. С 90.

²²⁶ Stettinis E. R. Lend-Leus. N.Y., 1944. P. 192; Чернявский У. Г. Война и продовольствие: Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну. М., 1964. С. 20.

²²⁷ Всемирно-историческая победа советского народа. 1941–1945. М., 1971. С. 306–307.

²²⁸ Правда, 1984. 20 янв.

²²⁹ Земсков В. Н. К вопросу о репатриации советских граждан. 1944–1951 годы // История СССР, 1990, № 4; Он же. Рождение «второй эмиграции». 1944–1952 // Социологические исследования, 1991, № 4; Он же. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба. 1944–1956 гг. // Социологические исследования, 1995, №№ 5 и 6; Он же. Репатриация перемещенных советских граждан // Война и общество. 1941–1945. Кн. 2. М., 2004; Шевяков А. А. «Тайны» послевоенной репатриации // Социологические исследования, 1993, № 8; Он же. Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994; Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. М., 1996; Арзамаскин Ю. Н. Заложники второй мировой войны: Репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М., 2001; и др.

²³⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 1. Л. 3, 223.

²³¹ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–3.

²³² Там же. Д. 16. Л. 12–13.

²³³ Там же. Оп. 4а. Д. 1. Л. 17.

²³⁴ Там же. Л. 16–17.

²³⁵ Там же. Оп. 1. Д. 241. Л. 171.

²³⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 296. Л. 237–239.

²³⁷ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 2. Л. 118.

²³⁸ Там же. Д. 1. Л. 22–23; Ф. 5446. Оп. 46а. Д. 51. Л. 11–20.

²³⁹ Правда. 1944. 11 нояб.

- ²⁴⁰ ГАРФ. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 10. Л. 11.
- ²⁴¹ Там же. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 5. Л. 55–56.
- ²⁴² Там же. Оп. 4а. Д. 1. Л. 127–130.
- ²⁴³ Там же. Оп. 1. Д. 21. Л. 10–11; Д. 22. Л. 5.
- ²⁴⁴ Там же. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 1. Л. 31–34.
- ²⁴⁵ *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней. London, 1986. С. 498.
- ²⁴⁶ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 21. Л. 10–11.
- ²⁴⁷ Там же. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 19. Л. 46.
- ²⁴⁸ Там же. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 2. Л. 19–22. Полный текст соглашения с Францией опубликован в кн.: *Полян П. М.* Указ. соч. С. 377–379.
- ²⁴⁹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 191. Л. 125–126; Оп. 2. Д. 96. Л. 169.
- ²⁵⁰ Там же. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 1. Л. 229–230; Д. 7. Л. 135–139.
- ²⁵¹ Там же. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 10. Л. 51.
- ²⁵² Там же. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 239. Л. 38.
- ²⁵³ Там же. Оп. 4а. Д. 2. Л. 23–24.
- ²⁵⁴ Там же. Д. 1. Л. 22.
- ²⁵⁵ Там же. Оп. 1. Д. 239. Л. 205–206.
- ²⁵⁶ Там же. Ф. 5446. Оп. 80а. Д. 11963. Л. 27–28.
- ²⁵⁷ Там же. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 7. Л. 68.
- ²⁵⁸ Там же.
- ²⁵⁹ Там же. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 19. Л. 23.
- ²⁶⁰ *Жуков Д. А., Ковтун И. И.* 29-я гренадерская дивизия СС «Каминский». М., 2009. С. 203.
- ²⁶¹ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 1. Л. 63–64.
- ²⁶² Там же. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 7. Л. 31.
- ²⁶³ Там же. Д. 15. Л. 6–8.
- ²⁶⁴ Там же. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 2. Л. 121; РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 418.
- ²⁶⁵ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 1. Л. 28–29.
- ²⁶⁶ Там же. Д. 2. Л. 48, 123–124.
- ²⁶⁷ Там же. Д. 1. Л. 111–112.
- ²⁶⁸ Там же. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 19. Л. 21.
- ²⁶⁹ Там же. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 239. Л. 203
- ²⁷⁰ Там же.
- ²⁷¹ Там же. Л. 157–158.
- ²⁷² Там же. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 192. Л. 81; Ф. 9408. Оп. 1. Д. 2. Л. 175.

²⁷³ Чайковский А. С. Плен: За чужие и свои грехи (Военнопленные и интернированные в Украине. 1939–1953 гг.). Киев, 2002. С. 256.

²⁷⁴ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 137. Л. 202–207.

²⁷⁵ Там же. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1401. Л. 72–73

²⁷⁶ Там же. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 19. Л. 22.

²⁷⁷ Там же. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 239. Л. 185.

²⁷⁸ Там же. Ф. 7317. Оп. 20. Д. 1. Л. 103.

²⁷⁹ Там же. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2828. Л. 98.

²⁸⁰ Там же. Ф. 9526. Оп. 3. Д. 53. Л. 175, 270–271; Оп. 4а. Д. 1. Л. 62, 223, 226.

²⁸¹ Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.

²⁸² Там же. Оп. 3. Д. 53. Л. 270–271.

²⁸³ Там же. Д. 54. Л. 42.

²⁸⁴ Там же. Ф. 5446. Оп. 86а. Д. 12345. Л. 77.

²⁸⁵ Там же. Л. 81–82; Ф. 9526. Оп. 4. Д. 33. Л. 120.

²⁸⁶ Полян П. М. Указ соч. С. 68.

²⁸⁷ ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 667. Л. 267.

²⁸⁸ Там же. Ф. 5446. Оп. 86а. Д. 12345. Л. 82.

²⁸⁹ Там же. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 19. Л. 35.

²⁹⁰ Там же. Ф. 9526. Оп. 3. Д. 50. Л. 189–190.

²⁹¹ Там же. Оп. 4а. Д. 7. Л. 5–6.

²⁹² Брюханов А. И. Вот как это было: О работе миссии по репатриации советских граждан. Воспоминания советского офицера. М., 1958. С. 127–128.

²⁹³ Внешняя политика Советского Союза: Документы и материалы. Январь–декабрь 1949 г. М., 1953. С. 85.

²⁹⁴ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 7. Л. 5–6.

²⁹⁵ Правда. 1945. 4 окт.

²⁹⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50а. Д. 6724. Л. 3–8.

²⁹⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. М., 1965. Т. 5. С. 107.

²⁹⁸ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. С. 499.

²⁹⁹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 193. Л. 204об.

³⁰⁰ Там же. Ф. 5446. Оп. 47а. Д. 23. Л. 11–12.

³⁰¹ Там же. Д. 10. Л. 55.

³⁰² Там же. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 2. Л. 89–90; Д. 7. Л. 153–154.

³⁰³ Там же. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 667. Л. 215, 251, 254.

- ³⁰⁴ Там же. Ф. 9526. Оп. 7. Д. 44. Л. 251.
- ³⁰⁵ Там же. Л. 251–252.
- ³⁰⁶ Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). М., 1947. С. 486–487.
- ³⁰⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 315.
- ³⁰⁸ Там же. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 1. Л. 106.
- ³⁰⁹ Там же. Л. 226–228.
- ³¹⁰ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1225. Л. 57.
- ³¹¹ Там же. Л. 26–28.
- ³¹² Там же. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 241. Л. 7; Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2001. Т. 2. С. 159; Война и общество. 1941–1945. М., 2004. Кн. 2. С. 259.
- ³¹³ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 457. Л. 194–198.
- ³¹⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 48а. Д. 13. Л. 20.
- ³¹⁵ Там же. Ф. 9526. Оп. 4. Д. 62. Л. 225.
- ³¹⁶ Там же. Ф. 5446. Оп. 48а. Д. 13. Л. 31–34.
- ³¹⁷ Там же. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 667. Л. 208–209.
- ³¹⁸ См., напр.: *Семиряга М. И.* Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 32.
- ³¹⁹ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 7. Д. 44. Л. 251.
- ³²⁰ Там же. Ф. 5446. Оп. 50а. Д. 6723. Л. 34.
- ³²¹ Там же. Оп. 49а. Д. 62. Л. 7.
- ³²² Там же. Оп. 50а. Д. 6723. Л. 33.
- ³²³ См.: Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 108.
- ³²⁴ ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 667. Л. 256–257.
- ³²⁵ Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 108.
- ³²⁶ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 22–68.
- ³²⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 333. Л. 99–104; Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005. С. 610–613.
- ³²⁸ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 3. Д. 54. Л. 5; Оп. 4а. Д. 1. Л. 228–229.
- ³²⁹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 457. Л. 198.
- ³³⁰ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1265. Л. 1.
- ³³¹ Там же. Д. 1306. Л. 1.
- ³³² *Дугин А. Н.* Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты. М., 1999. С. 96.
- ³³³ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 207. Б/л.
- ³³⁴ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 573. Л. 290.

³³⁵ Там же. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 1. Л. 31–33.

³³⁶ Там же.

³³⁷ Там же. Ф. 5446. Оп. 47а. Д. 81. Л. 3, 6.

³³⁸ Там же. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.

³³⁹ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 65–67, 106; Д. 642. Л. 14–15.

³⁴⁰ Там же. Д. 488. Л. 3–8.

³⁴¹ Там же. Д. 489. Л. 39, 43.

³⁴² Там же. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 65. Л. 1–2.

³⁴³ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1248. Л. 51.

³⁴⁴ Там же. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 950. Л. 130–131, 146.

³⁴⁵ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 614. Л. 178.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. «Великий перелом». Правда ли, что в ссылку отправились 15 миллионов крестьян?	5
Глава 2. Сталинские репрессии. Правда ли, что было осуждено 40 миллионов человек?	60
Глава 3. Накануне войны. Правда ли, что советские люди ненавидели власть и боялись ее?	105
Глава 4. В годы войны. Правда ли, что народ был готов сбросить «иго большевизма»?	123
Глава 5. «Жертвы Ялты». Правда ли, что НКВД репрессировал наших пленных и репатриантов?	157
Примечания	225

Массово-политическое издание

УЗЛЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Земсков Виктор Николаевич

СТАЛИН И НАРОД

Почему не было восстания

Редактор *Е.Ю. Бузев*

Художник *Б.Б. Протопопов*

Верстка *А.А. Кувшинников*

ООО «Издательство «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 24.01.2014. Формат 84x108^{1/32}.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6.

Тираж 2 000 экз. Заказ 6105.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-4438-0677-8

9 785443 806778 >

Одна из главных тем в советской истории – отношение народа к И.В. Сталину. Почему народ поддерживал его, несмотря на жесткую политику в отношении крестьянства, на репрессии, на тяжелые потери в Великой Отечественной войне?

Историки либерального толка объясняют это «рабской психологией» русского народа, его привычкой обожествлять верховного правителя. Автор данной книги имеет другое мнение на этот счет.

Виктор Николаевич Земсков, российский историк, доктор исторических наук, еще в конце 1980-х годов получил доступ к статистической отчетности ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ. Собранные им данные не имеют аналогов в истории, поэтому на протяжении последних двадцати лет В.Н. Земсков является главным специалистом по этому вопросу.

В книге, представленной вашему вниманию, Земсков приводит и анализирует данные из закрытых архивов госбезопасности СССР с начала 1930-х до конца 1940-х годов, касающиеся «Великого перелома» (коллективизации), репрессий 1937 года, состояния общества накануне и в годы войны – и многое другое. В результате создается полная и объективная картина жизни народа при Сталине, становятся понятными причины, по которым народ доверял ему.

ISBN 978-5-4438-0677-8

9 785443 806778 >